Контингент (Книга 1, Афган)

Сергей Владимирович Скрипаль

SHOUT
SHARE
IT

- Скрипаль Сергей Владимирович
  - ○

Скрипаль Сергей Владимирович Контингент (Книга 1, Афган)

Скрипаль Сергей Владимирович
Контингент
Книга I. Афган
Содержание
Глава 1. Белов
Глава 2. Мишка
Глава 3. Вощанюк
Глава 4. Сашка
Глава 5. Таня
Глава 6. Димка
Глава 7. Витька
Глава 8. Игорь
Глава 9. Колька
Глава 10. Олег
Глава 11. Костя
Глава 12. Славка
Глава 13. Пашка. Часть 1
Глава 14. Пашка. Часть 2
Глава 15. Серёжка
Глава 16. Юрка
Глава 17. Артём
Глава 18. Максим
Глава 19. Вадим
Моим маме и папе посвящается
с любовью и благодарностью.

Глава 1. Белов

- Сука, - заорал прапорщик, обрушиваясь с дувала{1} на голову "духа"{2}, который низко наклонился над телом молоденького десантника и широким кинжалом вспарывал ему живот. Прапорщик свалился на плечи духа, и они вместе рухнули на труп солдата. Дух дико завизжал, пытаясь выскользнуть из-под прапорщика. Прапорщик притиснул его к себе и ударил ножом в висок. Дух сразу обмяк серо-пыльным мешком и, сильно изогнувшись, затих. Прапорщик поднялся с земли, вытер руки и нож о длинную рубаху убитого им "духа" и склонился над солдатом. Тот лежал под стеной дувала, раскинув руки и ноги в пыли. Изуродованное лицо с выколотыми глазами смотрело в вечереющее небо. Куртка была залита кровью, сквозь распоротую ткань и кожу живота, пузырясь, вылезало кровавое месиво. Брюки

были разодраны, и пах ужаснул прапорщика своей зияющей черно-красной наготой. Прапорщик пошарил в карманах у солдата, вынул небольшую пачку каких-то бумаг, из "лифчика"{3} взял гранату и полный магазин к автомату. После этого он встал во весь рост, затолкал взятое в свой "лифчик" и осмотрелся. Он стоял в небольшом дворике, окруженном высоким дувалом, по которому несколько минут назад бежал, захваченный погоней за уходящей из кишлака{4} бандой. К дувалу примыкал глинобитный дом с черными дырами небольших окон и двери. Слева от себя прапорщик увидел какой-то сарай и, уже отворачиваясь от него, краем глаза уловил за рассохшейся дверью сарая движение. Он бросился на землю грудью, в падении переворачиваясь на правое плечо и дергая курок автомата. Над его головой веером прожужжали пули и врезались в стену дувала. Но прапорщик действовал немного быстрее, и из сарая послышался крик. Прапорщик лежал на земле и прислушивался к отдалявшемуся шуму боя, который угасал где-то на краю кишлака. Он полежал еще немного, потом резко вскочил на ноги и бросился в сторону от сектора обстрела, открывавшегося из дверей сарая. Все было тихо. Прапорщик скользнул ближе к сараю, подскочил к изрешеченной пулями двери и пинком распахнул ее. На земляном полу он увидел скрючившееся тело бородатого мужика афганца с бритой головой, рядом с ним валялся АКМ с прикладом, разукрашенным бисером. Прапорщик подобрал автомат, из которого в него только что стреляли, забросил его за спину и вышел во двор. В доме на развалившейся лежанке он нашел ветхое одеяло, взял его и пошел к солдату. Он хотел прикрыть его одеялом, но во двор уже вбежал медбрат из их батальона, рыжий хохол Мишка Шандра. Прапорщик отдал ему бумаги солдата, набросил одеяло на пробитую голову "духа" и вышел вон со двора.

Он шел по пыльной улице. Вокруг все дышало недавним боем. Редкие чахлые деревца все сгорели и, дымясь, разваливались пеплом. В широком арыке лежало несколько трупов. Среди разноцветных лохмотьев прапорщик разглядел тело в камуфляже и хотел было вытащить, освободить из мусульманского плена убитого солдата, но навстречу катил БТР, на броне которого сидели солдаты. Он махнул рукой, машина остановилась. Солдаты спрыгнули на землю и принялись вытаскивать трупы. Прапорщик показал им дом, где находился Шандра с убитым солдатом, и зашагал дальше.

Вдруг совсем рядом хлестнула автоматная очередь. Из узкого переулка выскочил лейтенант Клюев и крикнул прапорщику:

- Двое! Уходят к зеленке{5}! Я по дувалам, ты сюда, - и,

махнув рукой в переулочек, из которого только что выскочил, ловко вскарабкался на стену и побежал по ней. Прапорщик кинулся в переулок, на ходу поправляя за плечом чужой автомат и сожалея, что не бросил его в БТР. Он слышал над собой стрельбу, потом чей-то крик. Прапорщик быстро перебегал от одной стены дувалов к другой, потом понял, что наступила тишина. Он остановился, быстро восстановил дыхание и настороженно стал прислушиваться к этой тишине. За спиной, с той стороны, откуда он заскочил в переулок, дышали, как загнанные, солдаты с БТРа. Прапорщик, не оглядываясь, подал им знак остановиться, а сам, крадучись, пошел к следующему повороту дувала. Он крепко сжимал в руках свой АКСУ{6}, устремив его ствол вперед к поджидавшей опасности и смерти. Поворот против всех ожиданий был очень крутой, что абсолютно не соответствовало канонам восточной архитектуры, в которой все углы были сглажены и очертания всех строений напоминали замедленную киносъемку. Прапорщик резко выдвинул ствол автомата за поворот и почувствовал, что кто-то схватил руками автомат и потянул его на себя. Прежде, чем что-то увидеть, прапорщик нажал на курок, автомат коротко рявкнул, и только потом прапорщик шагнул из-за угла. Он замер, когда увидел, что по стене сползает женская фигура, закутанная в серо-зеленую паранджу. Прапорщик кинулся к ней, опустился на колени, приподнял женскую голову и откинул с лица, прикрывавшую его, сетку. Он увидел совсем юное лицо с широко раскрытыми немного раскосыми глазами, в которых застыл ужас. Рот был плотно сжат, и сквозь бледную узкую полоску губ яркой струйкой на выдохе вытекала кровь.

Подбежали солдаты. Один из них руками разодрал на девчонке паранджу, оголив ее тело до самого низа живота, который стал сплошным кровавым месивом. Девочка еще с трудом дышала, рот ее смягчился, и губы что-то невнятное шептали, но их свела судорога, и вместе с последним выдохом изо рта хлынул поток черной крови.

Прапорщик осторожно опустил голову девочки на землю и крепко прижал свои окровавленные ладони к глазам, смертельно уставшим за этот длинный день войны. Над собой он услышал голос лейтенанта Клюева, спрыгнувшего с дувала:

- Ладно, Леонидыч, пошли, брось ты. Не впервой ведь...

Прапорщик молчал. Солдат, который разрывал одежду на девчонке, высокий, крепкий, удивленно прохрипел сорванным голосом:

- Что ж она, дура, за автомат хватается. Сидела бы дома, хрена по улицам бегать, - и, помолчав, неуверенно добавил: -

Мать ее так.

Прапорщик поднялся, молча забрал у второго солдата саперную лопатку, сунул ему трофейный автомат, взял на руки убитую девчонку и побрел обратно в сторону арыка. Он переступил через арык, прошел еще шагов двадцать и, опустив труп на землю, начал долбить слежавшуюся, спекшуюся под адским солнцем в монолит почву. К нему опять подошел лейтенант:

- Леонидыч, брось ты ее, сейчас все равно бачи{7} повылазят, сами зароют... пойдем.

Прапорщик обернулся к Клюеву:

- Лейтенант, прошу, уйди отсюда, - и опять продолжил свою работу.

Лейтенант пожал плечами и пошел на окраину кишлака, где уже выставляли боевое охранение, дымила полевая кухня, батальон готовился ночевать.

Часа через полтора подошел и прапорщик. Он похоронил девчонку, насыпал небольшой холмик и, стянув с головы выцветшую панаму, немного постоял над могилой, потом тяжело вздохнул и отправился в батальон.

...Этот сегодняшний бой был случайным, если на войне бой может быть случайным. Их батальон послали на поиски двух упавших в горах вертолетов. Вертолеты сбили пять дней назад, точных координат их гибели зафиксировано не было. Вот и шел батальон в поиск, точно не зная, где искать. За эти дни их только дважды обстреляли: один раз из зеленки, а второй - когда они двигались через маленький кишлак километрах в двадцати отсюда. В батальоне было много необстрелянных пацанов, впервые вышедших на операцию. Они шли колонной. Впереди двигались два БТРа, за ними три ГАЗ-66 и замыкали колонну еще два "броника", а вдоль колонны все время мотался командирский УАЗик. Как только вся колонна втянулась в кишлак, блеснул разрыв, и сразу же вспыхнул головной БТР. С обеих сторон из-за дувалов затарахтели автоматы. Водитель головного БТРа бросил загоревшуюся машину к дувалу и освободил путь другим машинам. Из подбитого БТРа высыпались солдаты и, не останавливаясь, поливали вдоль дувалов огнем из автоматов.

Прапорщик вскарабкался на тент ГАЗ-66 и с силой начал швырять за стены дувалов гранаты, потом решетил их из автомата и кричал молодым солдатам, съежившимся в испуге на дне кузова: - Патроны, мать вашу, патроны!

Солдаты передавали ему набитые патронами магазины и бросались наполнять мгновенно пустеющие, сбрасываемые вниз прапорщиком.

Через несколько минут кишлак остался позади и командир дал команду остановиться. Потеряли один БТР, людских потерь не было. Водитель БТР был сильно контужен; двум солдатам осколками снесло ступни ног: когда рванул взрыв, они сидели на броне. Остальные отделались легким испугом и царапинами. Командир приказал вызвать базу и доложил об обстреле, дал координаты и попросил забрать раненых. Потом колонна пошла дальше. Через час их догнали вертолеты. Один из них сел, забрал раненых и вновь умчался в высокое знойное небо. Перед тем, как забрать раненых, вертолетчики снесли с лица земли тот небольшой кишлак.

После обстрела прапорщик долго разглядывал молодых солдат. Он читал на их лицах все переживания, что бурлили в них. Был испуг, удивление, ошарашенность, но панического ужаса, к счастью, не было.

- Ничего, мужики, прорвемся, - сказал прапорщик, протягивая солдатам примятую пачку Памира. Солдаты потянулись за сигаретами и дружно закурили. Старослужащие привычными движениями набивали опустевшие магазины, спокойно курили, лишь изредка перекидываясь фразами. Они, как и прапорщик, знали,. что если кто-нибудь из духов уцелел в кишлаке и добрался до зеленки, то впереди их ждет еще не одна засада...

Так, что этот сегодняшний бой был не случайным, я скорее - закономерным.

Вскоре, поужинав разогретой тушенкой, прапорщик. залез под ГАЗ-66 с установленным на борту минометом, придвинулся поближе к переднему колесу, под правую руку положил автомат, левую сунул под голову и закрыл глаза. Солдаты и офицеры, не занятые в охранении, тоже улеглись. Возились не долго, быстро приноравливаясь к неровностям афганской земли. У санитарной машины кто-то негромко стонал. Санитары заворачивали в плащ-палатки трупы солдат и укладывали их в кузов машины. В этом бою было много потерь. Двадцать три человека погибли, еще трое скончались уже после перевязки, и семь человек были ранены.

Прапорщик забылся в тяжелом сне. Его тело напрягалось, кулаки стискивались, из горла вырывались хриплые стоны. Он переживал сегодняшний бой еще раз во сне. К нему приходили убитые им люди, чтобы умереть опять от его руки, и убитые этими людьми солдаты его батальона, и эта девчонка, погибшая сегодня по случайности. Прапорщик побывал во многих боях, потерял многих друзей и солдат, был сам дважды ранен и контужен. Казалось бы, смерть и кровь вошли прочно в его жизнь, но каждый бой и каждая смерть заставляли его мучительно переживать. В отпуске, отдыхая в Союзе, он мучился и днем, и

ночью, вспоминая пережитое на войне. Он и в армии слыл нелюдимым человеком, а в Союзе вообще дичился людей и предпочитал уединение. Люди, узнав, что он приехал из-за речки{8} пытались разговорить его, но быстро отступались. Прапорщик ждал конца отпуска с ужасом и облегчением...

Внезапно сильно грохнуло. Сноп пламени и брызги земли рванулись рядом с санитарной машиной. За первым разрывом блеснул с треском еще один. Прапорщик схватил автомат и юркнул глубже под машину, надо было разобраться в происходящем. Духи стреляли из безоткатных орудий со стороны зеленки. Вокруг метались солдаты. Прапорщик заорал пробегающему мимо сержанту:

- Шинин, ко мне! Всем занять оборону!

Несмотря на грохот, люди его взвода услышали команду и кинулись по своим местам. Шинин влез под машину и притиснулся к прапорщику.

- К каждому старику по два молодых, - отдавал распоряжения прапорщик, - я буду у переднего края. Найдешь меня там. Все.

Шинин скользнул в ночь и растворился в наступившей ее темноте.

С машины, под которой лежал прапорщик, солдаты начали обстрел из миномета, но стреляли крайне редко, чтобы не дать возможности духам пристреляться по вспышкам. Под машину влетел лейтенант Клюев, он был бос и безоружен. Вытаращенными от ужаса глазами он смотрел на автомат прапорщика, тянул к нему руки и визжал:

- Огонь! Огонь!

Прапорщик выскочил из-под машины, оттолкнув в сторону Клюева, и побежал к передней линии обороны где ни на секунду не умолкала стрельба. Он добежал до небольшой ямы, в которой залегли трое его солдат и поливали пулеметным огнем невидимого противника. Прапорщик присоединился к ним. Справа от себя он увидел в короткой вспышке труп солдата и сразу узнал его. Это был один из молодых. Вот-вот должна была начаться атака духов, но ее все не было. "Духи" вели огонь плотно и вскоре влепили снаряд в санитарную машину. Все, что там находилось, разлетелось в клочья, уносясь в разные стороны. На ноги прапорщика что-то мягко шлепнулось. Он оглянулся и при свете ярко горящей машины разглядел какой-то бесформенный влажно мерцающий комок. Прапорщик протянул назад руку, схватил этот предмет, сразу ощутив его теплоту и мягкость, и поднес его ближе к глазам. Это была чья-то рука, оторванная ниже локтевого сустава, с ошметками мяса и кости. На обшлаге тлеющего рукава прапорщик увидел крепко пришитую пуговицу.

Он осторожно положил руку на край ямы и сменил магазин...

Машина горела ярким факелом и освещала все вокруг, солдаты перебегали от арыка к машине, пытаясь залить огонь. Духи усилили стрельбу, и им удалось подбить оставшиеся два броника, которые сильно чадили, но пламени, к счастью, не давали. Теперь гул взрывов, свист и визжание пуль, росчерки трассеров{9}, стоны и крики слились в единое целое. Пламя все же вырвалось на волю и с яростным гудением пожирало трупы людей и машины. Бой продолжался, с каждой минутой все усиливаясь и стервенея. Стволы автоматов и пулеметов раскалились. Люди уже не орали, а рычали по-звериному. Прапорщик видел, как вспыхнул ГАЗ-66, в котором лежали боеприпасы. Он рывком выскочил из ямы и кинулся к машине. На ходу понял, что борт загорелся от санитарной машины горящий обломок которой упал рядом. Он перепрыгнул через пламя, вскочил на подножку и рванул дверь на себя. Из кабины на него вывалился труп водителя. Времени вытаскивать его не было, и прапорщик толкнул труп дальше в глубь кабины. Он втиснулся на место водителя, дал газ, выжал сцепление. Машина рявкнула, дернулась и скачком бросилась вперед. Прапорщик отвел машину подальше от огня, из-за сиденья выдернул одеяло и, выскочив из кабины, прыжком кинулся к борту и стал сбивать пламя. Огонь нехотя съежился и превратился в тлеющие глазки. К машине подбежал солдат с брезентовым ведром и залил обугленный борт.

Прапорщик услышал свист винтов и увидел бортовые огни двух вертушек{10}. Машины скользили над местом боя, но не стреляли, видимо, ориентируясь в темноте, сгущавшейся по мере удаления от позиций батальона. Духи уже не так уверенно вели огонь, и бой начал затихать. Вертолеты испугали духов, и те стали уходить к зеленке, а затем выше в горы. Вертушки еще немного покружили над батальоном, стрельнули несколько раз в сторону гор и, не садясь, ушли.

Прапорщик побежал назад к яме, которую оставил несколько минут назад, но на ее месте увидел дымящуюся воронку с рваными краями, из которой поднимался едкий дым. "Духи" , уходя в горы, продолжали стрелять, но теперь уже из легкого оружия, и пули все еще метались над батальоном. Прапорщик стоя послал длинную очередь из автомата в сторону духов, забросил автомат за спину и достал Памир. К нему бежал сержант Шинин. Он что-то кричал и размахивал левой рукой, свободной от автомата. Вдруг Шинин рухнул на колени, резко переломился в пояснице, вновь вскочил, закружился на месте, отшвырнул автомат и, схватившись руками за левый бок, ткнулся головой в землю. Прапорщик кинулся к сержанту. Шинин уже лежал на

животе, неподалеку от догорающего БТРа, взорвавшегося чуть позже. Прапорщик видел, как камуфляжная материя промокала кровью, и отяжелевшая ткань плотно прилегала к телу солдата. Прапорщик ножом вспорол куртку Шинина от воротника и резко рванул ткань. На обнажившемся теле солдата у пояса прапорщик увидел пульсирующую, бьющую кровью рану.

Подбежал медбрат с двумя солдатами. Они начали смывать ватными тампонами кровь, мазнули по ране антисептическим раствором и ввели шприц промедола{11}. Затем переложили раненого на плащ-палатку и поволокли его в ту сторону, где собирали всех раненых, недалеко от арыка, потому что вода требовалась беспрерывно. Доктор, капитан Вощанюк, с помощью Шандры перевязывал раненых. Потери были ужасными. От батальона осталось меньше роты. Кроме Шинина, тяжелых не было. Были легкие ранения и контузии. Капитан отправился на КП доложить командиру о потерях.

Прапорщик подошел к группе раненых, увидел среди них троих своих солдат, дал им закурить и попросил подождать вертолет. Потом перешел к погибшим. Солдаты все подносили и подносили тела убитых и укладывали их в длинный ряд, не успевая прикрыть. Прапорщик медленно брел вдоль этого кошмарного ряда, вглядываясь в уцелевшие лица. Узнав своего солдата, на короткий миг останавливался, шептал его фамилию и двигался дальше.

- Алтаев..., Эркенов..., Салмонавичус..., Гогоберидзе..., Петровский..., шуршал голос, а мозг фиксировал: -Один..., два..., три...

Прапорщик насчитал очень много и ужаснулся: от его роты остались только он, раненый Шинин, лейтенант Клюев и те, трое легко раненных. Прапорщик вернулся назад к раненым, нашел лейтенанта и, закуривая, сел рядом с ним. Лейтенант уже был с автоматом и в ботинках. Он сидел, обхватив правой рукой левую, н тихонько раскачивался, словно баюкал свою руку.

- Лейтенант! - негромко позвал прапорщик. Тот виновато поднял глаза. Наши пацаны почти все полегли, только трое ранены, и Шинин тяжелый. Прапорщик замолчал и сильно затянулся вонючим дымом.

Лейтенант сгорбился еще больше и молчал, потом вдруг быстро заговорил:

- Леонидыч, ты прости меня... Испугался я. Тут отпуск на носу, думал, что чуть постреляют - и все. Думал, боя не будет, а оно, видишь как.

Прапорщик всматривался в лицо Клюева, бледное и серое то ли от боли, то ли от пережитого страха. Лейтенант продолжал,

злобенеющим голосом:

- Ты, прапор, лучше молчи. Мне до старлея неделя осталась, документы уже ушли. Если промолчишь, то за этот бой, да за ранение мне какой-нибудь орденок навесят. Хотя, - он попытался ухмыльнуться бескровными губами, - я скажу: "Зачем мне орден? Я согласен на медаль". Ты понял? В случае чего, у меня и на тебя компра есть. Девчонку зачем сегодня прихлопнул? То-то! Клюев уже совершенно осмелел. - Ты ж ее вначале..., а потом пристрелил, а чтобы не докопались, ты ее потом похоронил...

- Ох и падаль же ты, лейтенант, - не повышая голоса, сказал прапорщик, перебивая горячечную скороговорку Клюева. - Шакалюга ты вонючая.

Клюев схватился было за автомат, но прапорщик, почти не размахиваясь саданул огромным кулаком в подбородок снизу вверх. Голова лейтенанта мотнулась назад, изо рта потекла тоненькая струйка крови.

- Дерьмо ты собачье, - все так же спокойно произнес прапорщик, - о своей заднице тревожишься, а то, что пацанов твоих положили, тебя меньше всего волнует. Сука! - прапорщик сплюнул. - Какая же ты сука! - я пошел разыскивать капитана Вощанюка, разузнать, что с Шининым.

Вошанюк был у комбата - майора Пожарищенского. Капитан уже доложил о потерях. Майор сидел на корточках у рации и курил. Левый рукав его бушлата тлел, распространяя вокруг вонь горящей ваты. Прапорщик присоединился к офицерам. Из командиров остались в живых только комбат, капитан Вощанюк, лейтенант Клюев и прапорщик Белов. Капитан говорил:

- Шинин очень тяжелый. Видимо, пуля пробила почку. Срочно нужна операция. Часа три - четыре он еще протянет, но никак не больше.

Комбат отбросил окурок:

- Техники не будет. Все вертушки на Пандшере{12}.

Началась большая операция. В лучшем случае прилетят за убитыми только к вечеру. Думайте, что делать будем. Прапорщик кашлянул и хрипло сказал:

- Командир, дайте мне свой УАЗик. До Кандагара километров шестьдесят-семьдесят. Проскочу до рассвета.

- Ты что, охренел что ли, - вскрикнул комбат, - перед Кандагаром зеленку днем не проскочишь безнаказанно, а ты ночью хочешь.

- Так ведь пока доеду, как раз рассветать начнет, - упрямился Белов.

Майор помолчал, о чем-то раздумывая, потом заговорил:

- Хорошо. Повезешь Шинина. Остальные в порядке, воевать

смогут. В сопровождение дать никого не могу - людей мало. Дождемся вертушки, рвем оставшийся газон и уходим в горы, вертушки-то все равно искать надо. - Майор закончил, встал, досадливо отряхнул загоревшийся было рукав и пошел к своей, чудом уцелевшей в этом аду машине.

Машина была в порядке, только не было ни одного стекла, и несколько дыр виднелись в дверцах кабины. Прапорщик вымел из кабины осколки, набросал между передним и задним сиденьями ворох бушлатов и медленно подкатил к раненым.

Капитан и Мишка Шандра уложили на бушлаты покорного Шинина, осторожно согнули ему в коленях ноги и захлопнули с обеих сторон дверцы. Прапорщик зафиксировал замки, чтобы во время пути дверцы не распахнулись. В это время Шинин пришел в себя, раскрыл глаза, полные мучительной боли, попытался облизать. пересохшие губы, потянулся было приподняться, но тут же вскрикнул от сумасшедшей боли и опять потерял создание.

Белов проверил свой автомат. Взял автомат Шинина,. вогнал в него полный магазин, положил его на соседнее сиденье, пристроил рядом с ним десяток гранат и столько же автоматных рожков, скрученных парами между собой. Потом он вылез из машины и подошел проститься с ранеными бойцами. Когда уже отходил от них, поймал на себе затравленный, злобный взгляд Клюева, молча кивнул ему и зашагал к машине, где его ждал майор.

- Давай, Леонидыч, пробуй. Надо проскочить. Мы еще пару суток покружим по сопкам, а потом, наверное, домой, в часть, - сказал комбат и пожал широкую ладонь прапорщика и добавил, - знаешь, сейчас по рации сообщили, что у Вощанюка жена в Союзе родила сына, побежал на связь, подробности узнавать. Брат его письмо получил и вскрыл... Ну все, хоп! - комбат хлопнул Белова по плечу и отошел от машины.

Прапорщик долил в бак бензин из канистры, отбросил ее в сторону, влез в кабину и, медленно набирая скорость, покатил к трассе, ведущей по кишлаку, которая скрывалась за поворотом у выезда из него.

Прапорщик проехал через весь кишлак, зорко осматриваясь по сторонам, но ничего тревожного не заметил. Люди, живущие здесь, затаились до утра. Прапорщик знал, что своих убитых и трупы душманов жители кишлака похоронили поздно ночью, и долго над их могилами заунывно пел мулла, и его молитву лишь изредка прерывал нестройный жиденький хор голосов:

- Аллах акбар!

Перед поворотом прапорщик увеличил скорость и проскочил его быстро. Теперь дорога шла прямо, и прапорщик расслабил

немного напряженные мышцы. Можно было теперь почти спокойно ехать до того кишлака, который разнесли вертолетчики. По обеим сторонам дороги расстилалась пустыня, и даже сейчас, ночью, в предрассветной темноте, можно было прекрасно рассмотреть любой предмет, тем более, если бы этот предмет двигался.

Машина шла легко, хорошо отрегулированный мотор гудел ровно и монотонно. Прапорщик посмотрел на часы, до рассвета оставалось около двух часов. На заднем сиденье зашевелился Шинин, прапорщик повернулся к нему:

- Ну как дела, Андрюха? Жив? Но Шинин, очевидно, не слышал прапорщика, он еле шептал: - Пи-и-ить...

Прапорщик левой рукой удерживал руль, а правой, отстегивая фляжку от ремня, говорил раненому:

- Андрюха, а вот пить тебе Вощанюк запретил, только губы смачивать дал добро.

Отвинтив крышку с фляжки, прапорщик смочил водой кусок бинта, и, протянув руку назад, к лицу Шинина, протер влажным тампоном потрескавшиеся горячие губы сержанта. Шинин потянулся к влаге, пытаясь поймать хоть одну каплю, но прапорщик уже убрал бинт.

- Ты, Андрюха, потерпи, осталось километров пятьдесят, - решил отвлечь хоть немного от боли раненого прапорщик. - Жаль, фары включить нельзя. На такой тачке на гражданке эти полсотни мы бы меньше, чем за час мотанули. Как думаешь? - прапорщик замолчал и прислушался. Шинин лежал молча, не стонал, видимо, вода придала ему силы. Прапорщик заговорил вновь:

- Нам с тобой, Андрей, нужно только зеленку проскочить. Попробуем на дурачка с рассветом проскочить.

Прапорщик опять посмотрел на часы. Ехали уже сорок минут.

- Значит, скоро кишлак, а от него до Кандагара километров тридцать, продолжал прапорщик.

Действительно, впереди показались развалины, темнеющие бесформенной грудой. Прапорщик снизил скорость до минимума и осторожно въехал в растерзанный кишлак.

- Господи, хоть бы дорога не была завалена, - молил прапорщик и тут же нажал ногой на педаль тормоза: перед машиной высилась груда какого-то хлама. Прапорщик чертыхнулся, поставил машину на ручник и, не глуша двигатель, выскользнул из кабины. Он сразу кинулся к груде мусора и стал разгребать его по сторонам, откидывать крупные камни, отбрасывать тряпье. Завал был небольшой, и минут через десять прапорщик расчистил не широкий, но вполне пригодный для машины проезд. Все время, пока работал, он ни, на секунду не

ослаблял внимания и следил за окружающим его чужим безмолвием. Теперь прапорщик прошел немного вперед и увидел, что дорога впереди чистая, без завалов. Он хотел было уже вернуться к машине, но вдруг услышал с правой стороны какой-то писк. Прапорщик резко присел, направив ствол автомата туда, откуда повторился звук. Через некоторое время опять пискнуло. Прапорщик до боли в глазах всматривался в развалины, но ничего не увидел.

- Может, котенка придавило? - подумал прапорщик и, встав на ноги, осторожно стал подходить к куче тряпья из которой, как он установил, доносился писк. Подойдя вплотную, прапорщик присел на корточки, оглянулся по сторонам и левой рукой включил фонарик. Осмотрев тряпье, он осторожно стал отбрасывать клочья материи, потому что знал, что духи со своей азиатской хитростью любили ставить мины-ловушки в таких местах, что другому человеку и в голову не прийдет. Но тут вроде бы все было чисто. Прапорщик увидел, что тряпье зашевелилось, и опять раздался писк. Он приподнял тонкое одеяло и опешил. На камнях лежала мертвая женщина в парандже, с раздробленной головой, а к груди она прижимала застывшими руками младенца. Ребенок тыкался головой в окаменевшее тело матери, причмокивал губами и тоненько пищал. Прапорщик с силой разжал руки женщины и потянул к себе ребенка, который сразу же забился и закричал в руках Белова. Теперь прапорщик бегом кинулся к машине. Вокруг все было спокойно. Шинин лежал тихо, без сознания. Прапорщик включил плафон освещения, положил ребенка на сиденье и только теперь понял, что тряпье, в которое завернут малыш, пропитано кровью. Бедов знал, что командирский водитель - мужик запасливый, и поднял второе сиденье, под которым нашел сверток абсолютно новых портянок, зимних байковых, широких. Он расстелил их на сиденье и подошел к ребенку. Малыш все еще плакал, по-взрослому всхлипывал и морщил маленькую мордашку. Белов принялся разматывать пеленки. Кое-где материя заскорузла от крови и прочно слиплась, приходилось с силой, но аккуратно ее раздирать. Ребенок, только что замолчавший, вновь закричал, когда Бедов убрал последние пеленки, и задвигал ножками. Прапорщик охнул, как будто его шарахнули по голове прикладом, оперся руками о приборную доску и спинку сиденья, стоял и смотрел на мальчика полутора-двух месяцев от роду. Правая ножка была оторвана от колена и лежала почерневшим инородным телом. Жалость горячо обожгла прапорщика, тело сразу обмякло, но он взял себя в руки и осмотрел культю. Из раны медленно сочилась кровь. Белов водой из фляги смыл

сукровицу, смазал рану антисептиком, потом йодом. Мальчик зашелся криком и беззвучно раскрыл рот, синея и дергаясь всем телом. Прапорщик резко дунул в лицо малыша (где-то слышал об этом), и ребенок, передохнув, закричал с новой силой. От крика очнутся Шинин и смотрел на прапорщика непонимающими взглядом.

- Пополнение у нас, Андрюха, - бормотал Белов размышляя, сколько промидола можно ввести ребенку .

- Здоровому мужику вводят весь шприц - значит, пацаненку и четвертинки хватит, - рассудил прапорщик и воткнул иглу шприца в бедро израненной ноги ребенка. Потом он туго забинтовал культю, переложил ребенка на растеленные портянки, и неумело запеленал малыша.

Ребенок успокаивался, изредка глубоко вздыхая и попискивая.

- Да ты же лопать, наверное, хочешь! - осенило Белова, и он достал из бардачка банку сгущенки, вскрыл ее штык-ножом, свернул из бинта подобие соски, окунул ее в банку и сунул малышу в рот. Мальчик зачмокал и закрыл глаза.

Только теперь прапорщик взглянул на небо. Звезд уже не было, и за дальними сопками угадывалось наступление утра. Белов еще раз окунул соску в сгущенку, дал ее засыпающему ребенку, смочил губы Шинина мокрым бинтом и уселся за руль. Теперь нужно было ехать быстрее - полчаса потеряно. Прапорщик ощущал прилив сил, появилось чувство, что все закончится хорошо, и он все увеличивал и увеличивал скорость.

Вскоре впереди показалась кандагарская зеленка, тесным коридором обступающая трассу. Теперь уже по обочинам дороги валялось много техники: сгоревшие Уралы, перевернутые наливники, разодранные взрывом и перевернутые БТРы, продырявленные юркие ГАЗоны. У самого въезда в зеленку, беспомощно задрав вверх колеса, лежал МАЗ, он еще дымился, видимо, подорвали его вечером или ночью. Прапорщик увеличил скорость, и машина понеслась вдоль виноградников.

Автоматная очередь внезапно резанула металл над головой Белова. Прапорщик затормозил и сразу бросил ногу на педаль газа. Правой рукой он хватал с приборной доски гранаты, зубами выдирал кольца и швырял по разные стороны от машины гремучие заряды. Гранаты рвались позади машины, создавая страшный грохот в предутренней тишине. Когда гранат не стало, прапорщик высунул ствол автомата перед собой и, поводя им слева направо, давил на курок. От грохота ребенок проснулся и заплакал, сзади громко захрипел Шинин. От толчков его тело повернулось на простреленный бок, и рана пронзительно заныла

с новой силой.

- Терпите, мужики, терпите, - шептал прапорщик, пытаясь правой рукой сменить магазин автомата, но от тряски он съехал с колен, и никак не удавалось втиснуть в автомат новый магазин. Прапорщик перестал делать попытки и сосредоточил все внимание на дороге, изрытой воронками от мин.

Прямо перед машиной, метрах в пятнадцати от нее, на дорогу выскочили два духа и открыли огонь из автоматов. Пули защелкали по машине, и прапорщик вдавил тормоз в пол. Машина остановилась как вкопанная. Белов почувствовал, что пуля вонзилась в его плечо. Он упал на сиденье, в котором лежал ребенок, и укрыл его своим телом. Ногу Белов старался не убирать с педали. Мотор потихоньку работал. Громко стонал Шинин, а именно этого и хотел прапорщик. Он подтянул к себе упавший автомат и, стараясь не лязгать металлом, присоединил к нему новый магазин. О боли в плече он старался не думать, беспокоился только о том, чтобы в нужный момент рука не подвела. Попробовал пошевелить пальцами все нормально, даже не очень больно.

Голоса приближающихся духов раздавались со всех сторон, но прапорщика интересовали только те, которые двигались от Кандагара. Когда голоса приблизились настолько, что прапорщик стал различать отдельные слова, он рывком втиснулся в кресло, и машина бросилась вперед, сметая все на своем пути. Белов даже не увидел, а почувствовал мощные удары, которые нанесла машина по приближающимся духам. Теперь прапорщик высунул автомат через боковое окошко, направил ствол назад и лупил из него короткими очередями. Духи тоже стреляли, но беспорядочно и не целясь, и машина уносилась все дальше и дальше к спасительному повороту, за которым были видны склады ГСМ, а там - ребята из боевого охранения.

Теперь в машине орали все. Орал ребенок, который хотел есть и пить, а, может быть, действие промедола закончилось, и ребенку опять было больно. Орал Шинин, орал от страшной боли и от желания мочиться, которое он подавлял всю дорогу, и теперь не мог себя больше сдерживать, из него вытекала горячая моча с кровью, и это приносило ему облегчение. Орал прапорщик, орал от восторга, что все получилось, орал, чтобы не заплакать от жалости к своим погибшим бойцам, к убитой им девочке, к младенцу, спасением которого он купил себе индульгенцию, орал от боли, которая уже прочно поселилась в его теле. Так, и мчались они орущей компанией навстречу удивленным солдатам-минометчикам из охраны ГСМ.

- Все, мужики, приехали, - севшим голосом промолвил

прапорщик и, слабея всем телом, привалился к дверце, затормозил у ворот склада ГСМ, заглушил двигатель и потерял сознание.

Глава 2. Мишка

Бой был мгновенно коротким, кровавым и беспощадно жестоким. Засада оказалась классической по замыслу и ужасающе простой по исполнению. Духи прятались в неглубоких расщелинах скал, обрамлявших подступы к пустыне, и в редких кустах виноградника...

После того, как Белов увез Шинина в Кандагар, прошло уже двое суток, на протяжении которых остатки батальона брели по испеченной солнцем пустыне в поисках сбитых вертушек.. Солдаты еле передвигали ноги, то забираясь на бесконечные ненавистные сопки, то спускаясь с них. Вода и продукты заканчивались, патронов оставалось по магазину на автомат. Раненные страдали от жажды больше других, и время от времени кто-нибудь из них терял сознание и бесшумно падал в пыль. К ним немедленно подбегал медбрат Мишка Шандра, уставший не меньше остальных, и, весело балагуря, приводил в чувство упавшего. После этого раненые старались увеличить шаг и инстинктивно держались ближе к здоровым людям. Комбат видел, что батальон идет кучно и понимал всю опасность такого марша, но впервые за все время службы здесь, на войне, не настаивал на том, чтобы солдаты держали интервал.

Во время последнего привала, когда солдаты быстро давились осточертевшей тушенкой и галетным крошевом, запивая эту пищу крохотными, экономными глотками теплой воды, комбат позвал офицеров к себе. Они отошли к подножию очередной сопки, на которую приходилось карабкаться после привала, и сели прямо на горячую землю. Комбат вынул последнюю памирину из помятой пачки, закурил и передал ее Вощанюку. Тот в свою очередь сделал две жадные большие затяжки крепкого дыма и передал остатки сигареты Клюеву, который, пользуясь правом последнего, не спеша докурил ее, обжигая пальцы, до самого конца и с сожалением вдавил окурок в пыль.

- Все, мужики, хватит, - заговорил комбат, сплевывая горькие табачные крошки, налипшие на нижнюю губу, - сегодня последний день поиска. До вечера продолжаем маршрут. На ночевке вызываем вертушки... Как раненые? - спросил, без всякого перехода у Вощанюка.

- В общем - то, неплохо, - ответил капитан, - устали сильно. У Ахмедова и Пшеничного раны плохие, загноились - грязь попала.

Медикаментов нет. Сейчас с Шандрой последние бинты израсходовали, да вот еще один Клюеву оставили.

Об инциденте во время боя прапорщик Белов никому не рассказывал. Клюев знал об этом, но после той ночи вел себя замкнуто, старался меньше общаться с солдатами, не требовал большого внимания от Вощанюка. Он был ранен автоматной пулей в мякоть правого предплечья. Рана оказалась чистой, то есть пуля прошла насквозь, не задев кости. Особой боли не было, и за эти дни рана затянулась тонкой розовой пленочкой, что с удовлетворением отмечал Клюев во время перевязки.

Капитан предложил лейтенанту сделать перевязку, но тот отказался:

- Да ладно, у меня бинт еще чистый - сегодня не кровило.

- Ну, хорошо, - Пожарищенский встал. Поднялись и остальные. - Сейчас свертываемся, вернется дозор, и идем сюда! - Он ткнул указательным пальцем на вершину сопки, у подножия которой они только что сидели. - Сейчас нужно поговорить с солдатами, чтобы не шли кучно. Беду чую. - Почему не было второго нападения? Ведь знают же, знают, гады, что у нас потери большие, и машин больше нет... Здесь они где-то! Здесь... - убежденно вздохнул комбат, - Клюев, проверьте боекомплект, хотя, - какой к черту боекомплект!

Офицеры стояли молча. Клюев угрюмо сосредоточенно смотрел на сопку, а Вощанюк был радостно улыбчив. Это немного раздражало майора, но он понимал состояние Вощанюка и спросил у него:

- Решил, как сына назовешь, капитан?

- Да нет еще, - счастливо улыбнулся капитан, - думаю, может как отца, Сережкой?!

- Добро, - комбат хлопнул капитана по плечу, - а теперь вперед, вон уже дозор возвращается.

На далеком гребне холма показались фигурки солдат из дозора. С такого расстояния их можно было разглядеть только в бинокль, но и то помешало бы горячее марево, струящееся от земли. Да и единственный уцелевший бинокль был только у старшего дозора сержанта Князева, так что оставалось только терпеливо ждать новостей...

- Клюев, - окликнул майор уходящего к солдатам лейтенанта, - возьмите Шандру и еще двоих бойцов, пойдете в прикрытии. Если будут раненые, помогите санитарам.

- Вощанюк, вы пойдете в центре. Раненых рассредоточим между здоровыми. Я буду впереди. На сопку идем широкой шеренгой. Интервал не менее пяти метров. Все, идите. - Комбат пошел навстречу возвращающейся разведке.

Князев доложил, что ничего не обнаружили. За этой сопкой еще одна, немного выше этой. Комбат дал им десять минут перекусить и скомандовал марш.

Солдаты длинной цепью поднимались на сопку, охватив ее большим сегментом. Через полчаса они были на ее вершине и начали спускаться вниз, цепляя стоптанными каблуками ботинок землю. Пыль поднималась вверх и в полном безветрии медленно оседала, забивая и без того хрипящие легкие людей. Перед ними раскинулась следующая сопка, такая же серая, как и все предыдущие, с редкими кустиками колючки и острыми каменными вкраплениями, которые встречались все чаще и указывали на близость гор.

Шандра шел, еле передвигая ноги. Он страшно устал, даже больше чем все остальные, поскольку во время ночного отдыха большую часть времени проводил с ранеными: обрабатывал раны, колол лекарства (пока они были), перевязывал. Свою усталость Шандра гасил в себе и не показывал ее ничем. По своему характеру он был подвижный зубоскал, но беззлобный и отзывчивый. Врагов у него не было ни скрытых, ни явных. Даже дедовщина его не коснулась никоим образом ни в начале службы, ни теперь, когда оставались считанные недели. Родом он был с Западной Украины, речь перемежал мягкими украинскими словами, и, наверное, поэтому его самые острые шутки смягчались. Этот рейд был для Мишки самым тяжелым не только потому, что был последним, как им, дембелям, обещал замполит полка, но и потому, что уж очень много крови и смертей было за неделю с небольшим. Шандра дня три чувствовал приближение какого-то бедствия, но по привычке отгонял от себя это предчувствие анекдотами, которых он знал великое множество. Солдат и офицеров удивляла способность Мишки травить анекдоты часами н никогда не повторяться. Все ломали головы - откуда у него столько?! А Шандра все рассказывал и рассказывал, но умалчивал об одном, что все его братья (а их у него. было восемь) в каждом письме подбрасывали два-три свеженьких.

Шандру любили и уважали не только за его балагурство. Рука у него была легкая, что ли? Почти все раненые, которым он делал первую перевязку, очень скоро выздоравливали.

Мишка терпеть не мог безделья и скучал от вынужденного ничегонеделания. Первое время, когда только начинал службу в Афгане, он явился спасителем солдат и офицеров в жизненно важных вопросах. В полку была жуткая нехватка ложек. Мишка подобрал на аэродроме деревянные брусья от разбитой бомботары и за несколько недель нарезал ложек для всех, причем расписал их все восточным орнаментом, вписав в узор годы

службы по григорианскому и восточному календарям. Многие хранили эти ложки как талисман и увозили, если удавалось, домой в качестве сувениров...

Чуть позже полк настигла другая беда: у старшины закончился табак, а самолет-почтовик с письмами и табачным довольствием был сбит духами при заходе на посадку кандагарского аэродрома. Во всем расположении полка невозможно было найти даже маленького окурочка, все было собрано подчистую, аккуратно ссыпан табак, и солдаты с офицерами курили вонючие газетные самокрутки.

Шандра в три дня вырезал на каждое отделение по трубке, и полк стал похож на казачий курень, когда люди закуривали по очереди и неумело затягивались из шандровских люлек, как он сам называл свои изделия.

До армии Мишка закончил медучилище, и вот уже почти два года он был солдатским доктором...

Батальон медленно поднимался к вершине сопки. Шандра заметил, что Ахмедов все чаше оглядывается назад и ищет взглядом Мишку. Шандра догнал раненого и шел сзади него метрах в пяти, но все равно не успел подхватить рухнувшего ничком Ахмедова. Мишка подскочил к потерявшему сознание, перевернул его на спину. Ахмедов сгорал в высокой температуре. Шандра ничем не мог ему помочь, кроме того, что смочил его губы водой из своей фляги и протер виски влажными пальцами. Ахмедов чуть приоткрыл глаза и начал вставать, медленно раскачиваясь и опираясь здоровой рукой о Мишкино плечо. Шандра забросил свой автомат за спину, отобрал оружие у Ахмедова, и они последними взобрались на вершину.

В ложбине, между подножием сопки и тонкой полоской зеленки, Мишка увидел обгоревшие останки двух вертолетов. Солдаты уже летели вниз во главе с комбатом, радостно размахивая руками я вопя во все горло. Даже Ахмедов воспрянул, духом и заторопился вниз, отпустив Мишкино плечо. Шандра бежал за раненым, чутко следя за ним. Теперь уже склон сопки был почти весь каменистый, а за зеленкой высились скалы.

Солдаты сбежали в лощинку и бросились к вертолетам, но комбат был уже около машин и, подняв руку вверх, закричал: Стой! Все остановились, тяжело передыхая. Восторг сменился горечью. Вертушки лежали рядом друг с другом так, что лужи расплавленного металла слились в одно озерцо и тускло отсвечивали под солнцем. От машин остались только автоматы перекоса винтов{13} и другие особо прочные стальные части, в том числе и вооружение. Все было закопченными черным. В одном из вертолетов на месте кабины стояла фигура летчика,

сгоревшего в адском пламени, со вскинутыми высоко вверх руками, истонченными огнем. Остальных пилотов не было видно, очевидно, они рассыпались впрах.

Комбат подошел вплотную к вертолету и внимательно осмотрел останки. Все вооружение было на месте, н можно было спокойно сообщать в полк о выполнении задания, но что-то все же тревожило его, какие-то неуловимые признаки того, что здесь кто-то был. Пожарищенский обошел вокруг места катастрофы, под ногой похрустывал хрупкой корочкой дюраль. Комбат подошел ближе к стоящему трупу и вдруг понял: вот оно! Подошва его ботинок не издала знакомого звука раздавливаемого металла, а наткнулась на что-то твердое и пружинистое.

Пока Пожарищенский обходил вертушки, солдаты столпились и, скинув автоматы с плеч, натертых до крови, присели, докуривая остатки табака. Во всем чувствовалось расслабление, рейд подходил к концу, скоро - в полк, домой. А там неделя отдыха, может быть, даже баня, горячая пища, свежая вода, хлеб, курево, да мало ли приятностей ожидает солдата в родном полку.

Шандра в это время опять склонился над вконец обессилевшим Ахмедовым, который лежал на спине, тяжело дыша. Мишка смотал с его руки окровавленные бинты и отбросил их в сторону. Рана была я ужаснейшем состоянии, гной вытекал постоянно, и края раны заметно расширились, поднимая красную волну припухлости все дальше и дальше. Мишка увидел Вощанюка и громко позвал его. Капитан подошел и вынул из подсумка единственный бинт, от которого отказался Клюев. Вощанюк бегло осмотрел рану и понял, что ампутация неизбежна, если, конечно, еще возможна. Шандра наматывал свежий бинт, моментально пропитывавшийся резко воняющей жидкостью, и в это время грохнул взрыв, в клочья разнесший майора Пожарищенского.

Как только рвануло, духи открыли огонь из своей засады. Пули безжалостно косили растерявшихся солдат. Многие так и не успели поднять свои автоматы и замертво валились на землю. Мишка не успел понять, что произошло, как крупнокалиберная пуля перебила ему лучевую кость правой руки, на которую он оперся, чтобы встать после перевязки Ахмедова. Другие пули этого же калибра прошили все еще стоявшего Вощанюка, и он рухнул на Мишку, прикрыв его своим крупным телом. Больше Мишка не видел ничего.

А солдаты гибли... Клюев стоял на коленях и давил на курок автомата, поводя стволом из стороны в сторону, давил даже тогда, когда перестал ощущать дрожание оружия, и, получив

пулю в голову, все равно давил на курок, пока смерть не ослабила его пальцы. В какие-нибудь пять минут все было закончено...

Шандра очнулся от резкой боли в руке. Тошнота подступала к горлу, обоженному сухостью. Хотелось пить. Мишка попробовал шевельнуть языком, но тот, казалось, распух до невероятных размеров и лишь больно деранул рот. Тогда Мишка приоткрыл глаза. Все вокруг двоилось и троилось, раскачивалось и плыло куда-то вверх. Прежде чем вновь закрыть глаза, Мишка успел заметить, что неподалеку от него бродят люди, но кто они такие, не было ни желания, ни сил рассматривать. Прежде всего он решил определиться, что с ним произошло и что такое давит на него сверху. Он опять открыл глаза и увидел, что лежит на трупе Ахмедова щека к щеке и понял, что ему покалывала щеку щетина умершего. Шандра попытался напрячься и сбросить груз с себя, но сумасшедшая боль заставила прекратить эти попытки. Он вновь расслабился, пытаясь удержаться в здравом рассудке: подавлял тошноту, напрягал слух. Его удивило, что он видел людей, но не слышал ни единого звука.

Через некоторое время в ушах появился легкий звон, а потом стали прорезаться искаженные звуки, то резко колющие перепонки, то затихающие. Стало труднее дышать. Мишка чуть повернул голову и приоткрыл рот. Сейчас же откуда-то сверху скользнула струйка тягучей жидкости и увлажнила его десна и язык. Шандра сначала обрадовался и проглотил немного, но тут же понял, что это кровь, и его опять тряхнули судороги в желудке. Мишка дернулся всем телом, и звуки ринулись в полном звучании в его мозг, больно раня его. Теперь Шандра услышал гортанную речь, одиночные выстрелы, и до него дошло, что за людей он видел.

Через узенькую щелочку век Мишка рассматривал дикую картину мародерства, вернее, только маленькую часть картины, окружавшей его. На том отрезке пространства, что он мог видеть, повсюду лежали трупы солдат. Духи ходили смело, не пригибались, не оборачивались, громко переговаривались и смеялись. Они подходили к убитым, переворачивали их ногами на спину, стаскивали с них одежду, если она не была сильно испачкана кровью, забирали ценные на их взгляд вещи: часы, авторучки, медали, портсигары и прочую мелочь, что обычно водится в солдатских карманах. Изредка духи стреляли одиночными в голову тех, кто еще показывал признаки жизни , или перерезали им горло широкими лезвиями кинжалов.

Мишка замер. Он лихорадочно вспоминал, где его автомат. Ни под собой ни на себе он не ощущал ничего жесткого... И вдруг вспомнил , что в санитарной сумке у него лежит граната и

пожалел, что не сможет ее достать. Эх, достать бы сейчас эту гранату! -мучался мыслью Мишка. -Я бы вам, сукам, показал кузькину мать! Сквозь щелку он увидел подходящие к нему ноги, наискось перечеркнутые стволом автомата. Мишка успел рассмотреть еще новенькие мягкие сапоги, расшитые цветным бисером, и сомкнул веки. Теперь он слышал, как эти ноги вплотную подошли к его голове и пошли вокруг, уверенно вминаясь в песок. Мишка все время ждал выстрела, но почувствовал только грубый толчок в левый бок. Тяжесть, давившая на него сверху, исчезла. Теперь Мишка чувствовал себя совершенно голым и беззащитным под взглядом духа, но того привлекла портупея Вощанюка, и он, что-то бормоча, торопливо снимал ее. Мишка ничем не мог порадовать глаз духа, так как весь был залит кровью капитана, создававшей иллюзию того, что Шандра мертв. Очень скоро духи выпотрошили всех и, отойдя к обгоревшему винограднику, постелили на землю цветастые платки, уселись на колени и вознесли Аллаху благодарственную молитву. Потом они поднялись и скрылись в каменных россыпях скал.

Мишка долго наблюдал за ними, ловя взглядом то тут то там выплывающие из-за камней чалмы и горько жалея, что стрельнуть в эти ненавистные головы не из чего.

Прошло около часа, прежде чем Мишка решился подняться с Ахмедова. Он сполз с остывшего трупа и сел. Голова раскалывалась от боли, тошнота давила все сильнее, истощенный организм не мог ничего извергнуть из желудка; до умопомрачения кололо в животе. И не только это сильно беспокоило Мишку, беспокоила правая рука. Теперь он взглянул на нее и увидел, что выше кисти кость раздроблена, а обломки ее торчат белыми зубьями сквозь черно-кровавую запыленную плоть. Шандра понимал, что срочно нужно промыть и забинтовать, но он слишком хорошо знал, что сделать это нечем. Он посидел еще немного, размышляя над тем, что ему делать, потом поднялся на ноги, придерживая изуродованную руку левой. Тут же он увидел свою сумку, затоптанную чужими ногами. Он поднял ее с радостью ощутил в ней тяжесть гранаты. Мишка вытащил ее, сумку отбросил, ввинтил запал и сунул гранату в левый карман брюк. Теперь он почувствовал себя увереннее.

Мишка бродил среди убитых друзей, многих не узнавая, так как душманские пули разворотили их лица в кровавое месиво. Всех нашел Мишка, но никак не мог понять, где же Пожарищенский, пока не вспомнил, что все началось со взрыва. Теперь Мишка решил уходить вслед за духами. Наверняка где-то рядом есть кишлак, в который пошли духи. А если есть кишлак,

значит есть и дорога, по которой рано или поздно должны идти армейские машины. Мишка еще раз обошел место гибели батальона, но ничего из оружия не нашел, шарить же по подсумкам в поисках пищи и курева не стал. Только подобрал с земли широкополую офицерскую панаму и почти полную флягу воды...

Перед наступлением темноты Мишка нашел небольшое углубление в скале, прикрытое сверху плоским козырьком, улегся на еще не остывший камень. Ночь пришла темная, прозрачно тихая, с ясным иззвезданным небом. Мишка чувствовал, что у него повышается температура и скоро он начнет замерзать. Планы на завтрашний день мешались в его голове. Вскоре, так ничего и не придумав, Мишка погрузился в болезненно бредовую муть тяжелого сна. Его трясла лихорадка, он что-то вскрикивал, сквозь отуманенное сознание пугаясь своих вскриков. Так прошла долгая ночь, и лишь под утро Мишка уснул на несколько часов, пока проклятое кругломордое солнце начало раскалять воздух и камни. Шандра проснулся немного окрепшими теперь более оптимистически смотрел на ожидающие его впереди испытания. Рука ныла, изредка подергивая и покалывая иглами боли. Значит, рана загноилась, и теперь вопрос времени, будет ли у него рука. Эта мысль поставила Мишку на ноги. Он снял с себя ремень и, помогая левой руке зубами, увеличил его на всю возможную длину. Потом расстелил его на земле и, примерившись, улегся на спину так, чтобы застегнутый ремень плотно перехватил раненную руку. Ценой невероятных усилий ему удалось это. Немного полежав, отдохнув, Мишка встал, натянул панаму на голову, подобрал флягу и начал карабкаться вверх на скалу, имеющую удобный наклон для подъема, и трещины, достаточные для того, чтобы втиснуть в них стопу.

К полудню Мишка поднялся на вершину скалы, но не увидел с нее ничего для себя утешительного, а только следующую гору, гораздо выше этой. Мишка громко выругался. Делать было нечего, и он начал спуск. У подножия следующей горы Мишка был к вечеру. За весь день он не встретил никого, кроме греющейся на камне кобры. Мишка обошел ее подальше. На этот раз он быстро уснул, разбитое тело требовало отдыха, но рана беспрерывно дергала, и скоро Мишку затрясло. Ему не хотелось есть, но жажда вынудила еще днем выпить большую половину воды из фляжки, и Мишка боялся, что в беспамятстве выпьет остатки, поэтому, прежде чем улечься, он отбросил фляжку подальше от себя.

Эта ночь совершенно вымотала Мишку. Утром он еле смог подняться. На раненную руку он старался не смотреть. Она

совершенно распухла, и каждое движение отдавалось в ней болью. Все тело ломило, хотелось лечь и лежать, лежать без движения...

Наконец-то, Мишка вскарабкался на вершину. Под горой лежал небольшой кишлачок, а чуть дальше Мишка увидел дорогу. Он решил дождаться темноты, чтобы пробраться поближе к цели своего пути, а пока лежал, напрягая зрение, рассматривал кишлак и дорогу. Дома в кишлаке были плотно прикреплены друг к другу и соединены общим широким дувалом. Мишка разглядел на одном домишке вывеску и понял, что это кантин{14}.

Его всегда удивляли контрасты между нищетой и богатством в этой стране. В самом зачуханном кантине можно было увидеть товары для нищего и богатея: от рваных лохмотьев до шикарных дубленок, от ручных ступок до "шарпов" последних модификаций. И это никого не удивляло и не смущало. Принцип один: на что есть деньги, то и покупай.

По дороге прошла колонна машин, и Мишка разглядел, что это местные" барбухайки " до невероятности разукрашенные и обклеенные разноцветными картинками. Так он пролежал долго, до тех пор, пока в кишлаке не закончился вечерний намаз.

Луна светила ярко, и Мишка спустился на противоположный от кишлака склон горы и пошел в нужном направлении. Но ноги плохо слушались его, и он все чаще и чаще присаживался на камни и терял сознание. вода давно закончилась, да и флягу он потерял где-то по пути вместе с гранатой, которую зачем-то вынул из кармана...

Перед восходом солнца Мишка увидел, что дорога находится прямо перед ним. Судя по большому количеству обгоревших, сброшенных под откос машин, движение было здесь интенсивным.

Неподалеку от себя, среди скального монолита, Мишка обнаружил довольно широкую щель и забился в нее, чтобы спрятаться от жалящих лучей солнца. Боль в руке почти не тревожила, просто горела привычным жжением. Не хотелось ни пить, ни есть. Оставалось только ждать, когда появится колонна военных грузовиков. Мишка уснул. Он не услышал, как по дороге прошла небольшая колонна КАМАЗов, охраняемая быстрыми "брониками".

Впервые за эти дни Мишка перестал бояться смерти, он перешел этот порог. Теперь ему было все равно, что с ним будет, и поэтому крепко спал.

Проспал он около трех часов. Злое солнце уже плавило землю, и горячее струящееся марево дрожало над дорогой. Мишка открыл глаза, солнце тут же обожгло его мозг, и он

попытался подальше втиснуться в приютившую его щель. Вдруг Мишка услышал ниже себя голоса. Он осторожно высунул голову из-за камня и посмотрел вниз. На скальной площадке, через которую Мишке нужно было спускаться к дороге, расположились трое духов. Они установили крупнокалиберный пулемет, направив его ствол в сторону дороги, и теперь лежали рядом с ним, переговариваясь, ожидая добычу.

Духи были молодыми, с черными, негустыми бородками. В кокетливых тюбетейках, в зеленоватых шароварах и широких рубахах навыпуск, с надетыми поверх коричневыми жилетами, они были похожи на разбойников из" Тысячи и одной ночи ".

Из-за поворота дороги, скрытого горной грядой, послышался гул моторов, только потом показались неясные силуэты машин, расплывающиеся в прозрачной ряби. Духи напряженно следили за втягивающимися в сектор обстрела машинами.

Мишка крыл себя последними словами за потерянную гранату, которая могла разом перечеркнуть все старания духов. Теперь он мог уже разглядеть лицо водителя в головной машине, груженной снарядными ящиками. За этой машиной шли еще три с таким же грузом. Впереди и сзади колонны ехали БТРы. Под солнцем сияли стволы пулеметов, но стрелки не могли видеть духов, так как те были надежно спрятаны за камнями. Шандра надеялся, что под солнцем блеснет и оружие духов, но тщетно...

Мишка представил себе, что случится через несколько мгновений. Как рванется в небо огненный смерч... И он решился...

Абсолютно бесшумно Мишка выскользнул из своего укрытия, такого уютного и безопасного, пружинисто оттолкнулся от камней и, широко раскинув руки и ноги, бросился вниз на духов. Он упал прямо на пулемет, и молодой афганец, не ожидавший ничего, кроме скорой военной удачи, дернул курок.

Пулеметная очередь ударилась в Мишку, вырывая из него большие куски, и сбросила его с площадки. Бесформенным комом падал Мишка вниз. И, уже умирая, он шепнул непослушными губами ласковое украинское слово:

- Мамо...

Глава 3. Вощанюк

В то время, когда солдаты еще сладко потягивались в палатках, предвкушая недолгий отдых после затяжного рейда, разъяренный капитан Вощанюк шел от комбата. Несколько бойцов сидели в тени палаток и наслаждались прохладой раннего афганского утра, которое вот-вот должно было залить мир удушающей августовской жарой. Солдаты видели своего командира, но никак не могли увидеть связи между его злостью и

своей дальнейшей судьбой.

Вощанюк подошел к палаткам своей группы и заорал:

- Старшина, подъем давай!

Прапорщик Губенко выскочил откуда-то из-за палаток и, длинно растягивая гласные, прокричал:

- Па-а-а-дъё-о-о-ом...

Но все уже и так выходили из палаток и выстраивались на дорожке, всматриваясь в гладко выбритое лицо капитана, искаженное злостью. Вощанюк прошел вдоль строя и вернулся к его середине, когда почувствовал, что все двадцать бойцов готовы слушать его, немного помолчал и жестко сказал:

- Даю час на сборы! Выходим в рейд по зеленкам. Строй растерянно вздрогнул, но все молчали, хотя обида душила. Обычно после рейда полагался хоть какой-то отдых. От услышанного все разом почувствовали мгновенную усталость, навалившуюся после двухнедельного рейда по этим чертовым зеленкам, из которого они только вчера вернулись. Командир все это прекрасно знал и понимал, какие чувства возникали у бойцов, и поэтому уже более мягко добавил:

- Мужики, надо. Больше некому.

Солдаты разбрелись. Завтрак прошел быстро. После рейдов завтрак обычно затягивался надолго, спешить-то было некуда, потом всех ждала почти настоящая русская баня, которую всегда устраивал сибиряк Сашка Мохов. А теперь - хрен всем, а не баня. Старшина выдал боекомплект и сухпай. Бойцы хмуро крепили лифчики и бронежилеты поверх гимнастерок, затягивали ремни, увешав их подсумками с магазинами, и выходили опять на построение, но уже навьюченные как верблюды, изредка матерясь и сплевывая в уже раскаленную пыль.

На ночлег остановились в апельсиновой роще на небольшой поляне. Огней не разводили. Даже курить капитан разрешал только под плащ-палаткой. Старшина расставил караулы по разным сторонам тропы, ведущей к поляне, и все быстро улеглись, дожевывая галеты и сахар. Сон на войне или валит сразу, или долго не приходит, как бы за день ты не умаялся. Вощанюк лежал с открытыми глазами, и чувство тревоги, поселившееся в нем утром у комбата, полностью захватило его. Что-то было не так, что-то уж слишком гладко прошел сегодняшний день. Комбат сказал, что срочно нужно прочесать территорию в районах зеленки, потому что духи сильно активизировались у Кандагара, видимо, готовят прорыв перед осенней операцией. Поэтому все группы батальона были брошены на разведку.

В предыдущем рейде группа Вощанюка прочесывала

противоположное нынешнему направление, и там были стычки с духами с первого же дня, но не сильные, без потерь... А сегодня никого и ничего, хотя район заселен довольно густо для Афгана. Но абсолютная тишина. Странно.

Вощанюк залез с головой под плащ-палатку и быстро выкурил сигарету в этом небольшом сильно задымленном пространстве и, вынырнув наружу, опять улегся. Через некоторое время старшина пошел менять караулы. Капитан дождался их возвращения и чуть задремал.

Он проснулся сразу, без привычного на гражданке перехода от сна к бодрствованию. Чувствовалось приближение утра, хотя и было еще непроницаемо темно. Капитан взглянул на часы, они показывали четыре. Эти часы ему подарил перед своим последним рейдом другой капитан Вощанюк, его родной брат. Теперь капитан берег этот "Омакс", чтобы отдать часы Вовке - сыну брата, родившемуся за два дня до гибели отца.

Старшина спал рядом с капитаном, опершись о ствол апельсинового дерева, подложив под локоть правой руки неудобный, но надежный автомат. Вощанюк поднялся и, осторожно шагая, пошел снимать караулы.

...Оба солдата были мертвы. Капитан едва не споткнулся о труп одного из них, не заметив его в сереньком рассвете. Вощанюк опустился на колени и перевернул солдата на спину. Это был литовец Юозас Бартнявичюс, молчаливый великан. У него было перерезано горло. Рана уже подсохла, но от движения вновь жирно залоснилась кровью. Второй труп лежал в трех метрах от Юозаса. Вощанюк перешагнул к нему. Тело лежало на спине, головы не было. Вощанюк знал, что это Славка Долгих - толстогубый безобидный москвич.

Капитан осмотрелся вокруг, но ничего настораживающего не было видно в уже ясно проступившем рассвете. Вощанюк пошел в обход к другому караулу, почти не сомневаясь, что там произошло то же самое. По пути он подумал, что надо было заскочить на поляну и поднять группу, но продолжал двигаться вперед, чутко всматриваясь и вслушиваясь в тишину рощи, поводя стволом автомата...

И этот пост был уничтожен - оба трупа были обезглавлены. Волгоградец Петька Глазов и туркмен Рашид Дурдыев лежали плечом к плечу, залитые обильной кровью, вытекшей из страшных срезов между плеч с белеющими костями позвоночников. Оружия с ними не было, как и у первого караула.

Теперь уже капитан ринулся через рощу прямо к поляне, почти не таясь. Безнадежность охватила его и заставила отказаться от осторожности, но он сдержал себя и зашагал

медленно по этой чужой, далекой от родины роще, без хрустких веток под ногами, без шуршащей листвы, без запаха прели.

По всей поляне лежали убитые, все семнадцать человек, застигнутых духами врасплох. Низкое еще солнце наискосок освещало поляну. Круг синеющего неба смотрел сверху на капитана, и Вощанюк вдруг услышал особенную тишину над этой поляной - тишину смерти, прерываемую интернациональным жужжанием мух, уже начавших свой мерзкий пир. Капитан ступил на поляну полностью опустошенный, уничтоженный случившимся. У его ног лежал старшина с разрубленной головой, его рука впилась в ногу мертвого солдата, с короткой щетиной черных волос на затылке и безжалостной раной на макушке. Дальше лежали трупы остальных ребят с широко раскрытыми глазами и ртами, разбитыми головами и порубленными телами. Кровь, еще алая, сочилась из ран, медленно сворачиваясь, рубиново поблескивая, подчеркивая невозвратность случившегося. Все приняли смерть, не успев проснуться, крикнуть, выстрелить, увидеть убийц, понять происходящее с ними, попытаться спастись.

Духи ушли только что, их следы хорошо были видны кровавыми пятнами, они вели к близким предгорьям.

Вощанюк уселся на землю, тупо глядя перед собой. Жужжание мух усилилось, в деревьях зачвиркала какая-то тварь. Мутным взглядом капитан обвел поляну в надежде уловить какое-нибудь движение. Но нет. Все были мертвы, все семнадцать. Капитан понимал, что вернуться назад он не может и не хочет. У него есть только один путь - вперед. Он поднялся с земли и, не оборачиваясь назад, быстро пошел по следам душманов. Вскоре роща закончилась, и перед капитаном открылась панорама невысоких сопок, плавно переходящих в горы. Вощанюк приложил к глазам бинокль и увидел уходящий за первую сопку отряд душманов, тяжело нагруженных добытым оружием. Он долго разглядывал и вычислял возможный маршрут духов и решил двинуться им наперерез по более труднодоступному пути. Почти бегом он пересек не очень широкую полосу пустыни с редкими кустами верблюжьей колючки и вошел в засыхающие заросли виноградника. На ходу сорвал огромную кисть прозрачных ягод и, не чувствуя сладкой прохлады, разжевал и проглотил виноград.

Сразу за виноградником капитан начал подъем на сопку, не на ту, за которой скрылась духи, а на стоящую рядом, и тут уже он не стал торопиться. В его голове возник план, который мог удастся только при холодном и точном расчете. Взобравшись на вершину, Вощанюк лег и в бинокль разглядел, что духи идут по

тому маршруту, который он мысленно для них проложил. Он зло ухмыльнулся и чуть-чуть сполз вниз, чтобы какой-нибудь глазастый душара не засек его . Капитан закурил и расслабился, можно было не торопиться и отдохнуть перед большим броском наперерез убийцам его группы.

Увидев, что духи уже скрылись за другой горушкой, Вощанюк ринулся вниз, широко ставя ноги, изредка соскальзывая на камнях. Так он бежал долго, чтобы успеть до другого, выбранного им укрытия, пока духи не начали подъем на скальную гряду. Он успел и даже смог уже отдышаться, когда на фоне блеклого неба появилась голова первого душмана. Теперь у него для отдыха был почти час. Капитан решил проверить свои карманы и освободиться от лишних, теперь уже никогда не понадобящихся ему вещей. В нагрудном кармане лежали ополовиненная пачка "Родопи" и зажигалка. Из внутреннего кармана он вынул конверт, завернутый в целлофан, на котором было написано: в/ч, п/п No, Вощанюку Андрею Павловичу. В конверте лежало давнишнее последнее письмо от жены брата, и еще была маленькая записка Николая...

Гибель Николая, своего брата-близнеца Вощанюк принял как неизбежность, которую ждал изо дня в день, из месяца в месяц. Он сам летел на место гибели батальона, и сам же нашел тело брата, страшно изуродованное выстрелами в грудь. Под солнцем тела убитых раздулись до огромных размеров. Кожа плотно обтянула лица и руки солдат. О погрузке таких тел в вертушки не могло быть и речи, и была дана команда повторно расстрелять погибших.

Уже потом, в вертолете, Вощанюк нашел в кармане брюк брата записку, в которой Коля писал, что сына хочет назвать Володей. В нагрудном кармане куртки Андрей нашел еще одну такую же записку на случай, если тело разорвет пополам. Обе записки были залиты давнишней кровью и свежим гноем. Андрей отмыл обе записки и одну отправил жене брата...

Вощанюк сжег конверт на огне зажигалки, потом снял с руки часы, положил их на камень и затылком автомата ударил по ним. Хрусталь циферблата тоненько хрустнул. Андрей носком ботинка отбросил часы от себя. Все. Теперь уже прошлого для него нет, есть только короткое будущее. Ни пить, ни есть ему не хотелось, он просто пытался отдохнуть, но расслабиться не давала лихорадка нетерпения близкой и желаемой мести, которую он сдерживал до времени.

Андрей передвигался уже впереди духов, срезав путь через большую скалу, разбив в кровь пальцы рук и колени, но зато теперь духи были позади него, и Андрей мог видеть их в любой

момент.

День уже близился к вечеру, чего с таким нетерпением ждал капитан. Он пожевал галет, но не от того, что хотел есть, а чтобы время быстрее прошло. Потом перебрался на другое место, где выкурил сигарету. Духи неумолимо двигались к тому месту, которое по плану Андрея должно было стать для них местом расплаты - могилой.

Солнце начало быстро сползать к горам, духи остановились, сбросили с себя поклажу и расселись на камнях. Андрей затаился совсем близко от них за большим камнем. Вскоре один из душманов вышел на каменистую площадку, повернулся лицом на восток и протяжно затянул привычную калему:

- Ла илях илля миах ва Мухаммед расул аллах - Нет бога, кроме Аллаха, и Мухамед пророк его.

Остальные люди вынимали коврики и большие платки, расстилали их на земле и, встав на колени, покорно склоняли головы перед своим Богом. Мулла продолжал выкрикивать слова молитвы, а остальные в нужный момент нестройным хором вторили ему:

- Аллах акбар - Аллах велик.

Андрей, не таясь, вышел из-за камней, он знал, что правоверного очень трудно оторвать от молитвы-намаза. Перед ним были все двадцать духов, все те, кто уничтожил его группу, безжалостно порубив ее, не применив ни единого выстрела. Андрей стоял над согнутыми спинами, и чувство мести, весь день подавляемое им, взяло, наконец, вверх - подствольник его автомата коротко рявкнул, послав снаряд в середину молящихся. Взрыв разнес чье-то тело, осколками нашпиговывая ближних. Духи ошалело вскакивали с колен, а Андрей косил их из автомата, быстро меняя спаренные магазины, и швырял гранаты. Капитан стоял открыто, чуть согнув в коленях широко расставленные ноги и решетил ненавистные фигуры в широких блеклых одеждах. Всего несколько минут понадобилось на то, чтобы уничтожить этих ненавистных ему людей. Андрей заорал от утоленной жажды мести, стоял и смотрел на страшное дело своих рук, и возбуждение разом схлынуло.

Капитан устало сел на камень, положил автомат на колени и закурил. Краем глаза он увидел, как один из духов, тот, который начал молитву, приподнялся и потянул за ремень автомат. Андрей не шевельнулся, он глубоко затягивался даже тогда, когда дух навел ствол на него.

Сигарета, быстро набухая каплей тягучей крови, бессильно всхлипнула, выстрелив последней струйкой дыма, и погасла в помертвевших губах капитана. Пуля ударила Андрея прямо в

переносицу, и он ткнулся головой в еще горячий автомат и медленно сполз на чужую враждебную ему землю Афганистана.

Глава 4. Сашка

Шел восемьдесят четвертый год - год самого тяжелого и драматического времени для сороковой армии. Именно тогда генсек Черненко пытался внести перелом в ход афганской войны путем активизации боевых действий, тем самым увеличивая людские потери контингента советских войск. Под эту шумиху командование Вооруженных Сил дезинформировало генеральные штабы, всячески приукрашивая и фальсифицируя ход боевых операций и их результаты. В самоцель была превращена охота за трофеями - оружием и боеприпасами. За отставание по этим показателям командиры разных степеней подвергались "втыкам", "накачкам" и "разносам" сверху...

Первым, кого встретил Сашка на кандагарском аэродроме, был прапорщик Белов, по счастью, оказавшийся из того батальона, куда направили молодого лейтенанта.

Пока шли в штаб полка, Сашка крутил головой по сторонам, пытаясь быстрее вникнуть в быт войны. Они прошли мимо зенитной батареи - стволы орудий были направлены на близкую горную цепь; дальше по взлетке стояли МИГ-17 с афганскими эмблемами - мишенями на хвостах; потом прошли мимо современного здания аэропорта "Ариана", с выбитыми стеклами и скоплением народа. Люди сидели прямо в пыли или на мешках в живописных одеждах: мужчины с чалмами на головах, а женщины в паранджах. Дальше по взлетной полосе были видны МИГ-23 и множество вертолетов. Все это разнообразие, да еще и шум двигателей подруливающего к "Ариане" огромного "Боинга" поразили Сашку. По пути им то и дело попадались помятые и неухоженные военные, с небритыми красными лицами, в застиранных хэбэшках и комбинезонах, с небрежно заброшенными за спину автоматами. Сашке стало стыдно за свой союзный лоск, за новенькую офицерскую форму, за гражданские чемоданы, за то, что даже пистолета у него не было, не говоря уже об автомате.

Вскоре Сашка с прапорщиком свернули с аэродрома и пошли через полосу пустыни к палаточному городку. Белов рассказывал о батальоне, что много потерь, а батальон не в чести у командования, поэтому из рейдов не вылезают, и, скорее всего, Сашку сунут в разведроту, на место недавно погибшего капитана Вощанюка.

Все так и получилось. По случаю возвращения из рейда все отдыхали. Солдаты спали в палатках, а прапорщики и офицеры

напивались до одури в новом модуле, сбитом из пахучей блестящей фанеры. Сашку быстро приняли в свой круг, тем более, что он достал из своего чемодана разрешенные к провозу две бутылки водки и четыре вина. По разговорам Сашка понял, что все союзные газеты врали безбожно о событиях в Афганистане, но то, что рассказывал ему подвыпивший Белов о рейдах, вызвало у него недоверие, и он отнес болтовню прапорщика на счет алкоголя. Все разбрелись по койкам и уснули. Сашка тоже лег на место, которое ему указал пьяный Белов. Сашка немного полежал, справляясь с легкой тошнотой от выпитого, и задремал.

Часа через два его кто-то грубо толкнул и стал тянуть с кровати. Сашка вскочил. Перед ним стоял здоровенный прапорщик в кителе, на котором в свете керосиновой лампы тускло виднелись два бордовых ордена "Красной Звезды" и поблескивали несколько медалей.

- Давай отсюда, - прорычал прапорщик, - моя кровать.

Сашка хотел было оправдаться:

- Да мне тут... показали...

Но прапорщик оттолкнул его, сунул под кровать автомат, улегся и захрапел. Сашка растерянно огляделся, в надежде найти пустую койку. Все было занято. Одетые люди хрипели во сне, матерились, кто-то блевал. Воздух, отравленный вонью перегара, дымом табака, кислятиной блевотины, душил Сашку, и он вышел из модуля. Огромная луна и бессчетное количество звезд ярко освещали землю. Где-то протарахтел пулемет, пришивая красными гвоздями трассеров ночь к небу. Сашка присел на стопку металлических ящиков. Чувство отчужденности и ощущение ненужности по-детски стиснуло горло. Захотелось заплакать. Вдруг, совсем близко от Сашки, из глубокой траншеи, раздались автоматные выстрелы. Сашка побежал к траншее и спрыгнул в нее. Прямо перед ним на песчаной стене висели портреты Брежнева и Черненко, видимо, вырванные из "Огонька", истыканные обгоревшими по краям пулевыми отверстиями. Сашка поднял голову и увидел над ровным срезом траншеи чью-то пьяную удаляющуюся спину. На душе стало совсем пусто и тоскливо. Сашка выкарабкался наверх, вернулся в модуль, улегся на кучу сваленных в углу бушлатов и уснул.

Наутро его назначили командиром разведроты. Замполит познакомил Сашку с солдатами. В основном ребята были молодые, из пополнения, кроме нескольких "стариков", из тех, кто не попал в группу Вощанюка - были в госпитале. Один из них - огромный белорус - румяный красавец рядовой Поливайко. Замполит похлопал его по плечу:

- Орел! В горах "Утес"{15} один таскает.

Сашка вслух восхитился солдатом, про себя думая о том, что он по сравнению с такими солдатами зелень сопливая. Поливайко смутился от похвалы и покраснел.

...Прошло полтора месяца. Теперь Сашка уже стал полным членом боевого полкового братства. Трижды ходил в рейды и успешно возвращался назад без потерь, приволакивая с собой различные трофеи, которые приходилось тащить на своих плечах ворчащим солдатам. Но приказ есть приказ. Сашка перезнакомился со всеми офицерами и прапорщиками, узнал, кто такой тот здоровенный прапорщик с двумя орденами, разбудивший его в первую ночь. А был он начальником продсклада полка, имел в штабе ТУРКВО крепкую руку и отирался в Афгане уже третий год, при этом умудрившись ни разу не отойти от расположения полка ни на метр. Дружил со строевой частью и ее начальником майором Стефанчуком, отъявленным трусом и негодяем, таким же дважды орденоносцем. Политотдел тоже любил вкусно поесть, так что старший прапорщик Веревкин жил красиво и безбедно, часто посещал "чекисток" и дуканы, набивая очередной чемодан "фирмой".

...Началась пора осенних рейдов. Батальон опять перебросили на затыкание дыр в Файзабад. В районе ответственности здешнего полка - уезде Кишим действовала самая крупная группировка в Бадахшане под командованием Абдул Вадуда. По разведданным его отряды насчитывали полторы тысячи бойцов. "Зеленые" тщетно гонялись за ними, и поэтому им в помощь выделили роту, которой командовал Сашка. Задача была предельно ясна: в ночь вытянуться в горы вдоль реки Мошхад, я с рассвета длинной ничью спуститься с гор, очищая небольшие ущелья и зеленку, прочесать несколько кишлаков, стоящих у реки. С другой стороны реки должна была поддержать бронегруппа, огнем подавляя духов на случай, если они окажут сопротивление или попытаются прорваться через Мошхад. Все было проиграно на топокарте и ни у кого не вызывало сомнений.

Батальон "зеленых" с ротой Сашки ушел в ночь, забрались в горы, залегли за грядой валунов. Сашка не спал, всю ночь находился на связи и к утру был готов двигаться вниз. Солдаты поеживались на предрассветном ветру, тщательно подгоняли снаряжение, нервно курили. Рассвет застал батальон на марше. Раскинув крылья густой цепи, люди шли молча, ожидая первых выстрелов и боя. Сашкина рота шла в центре. В бинокль Сашка увидел, как левое звено цепи спустилось в неглубокое ущелье, и сразу же оттуда ветер принес звуки выстрелов, но почти сразу все смолкло, и через несколько минут "зеленые" выбрались наверх и присоединились к батальону. Сашка связался с бронегруппой, но

те еще не получали команду на выдвижение. Теперь с правой стороны завязалась заварушка и тоже быстро погасла. Показались широкие полосы зеленки. Сашка приказал роте залечь, афганцы сделали то же самое. Теперь оставалось только ждать разведчиков, которые вот-вот должны были появиться. Вскоре командир "зеленых" сообщил, что разведка вернулась. В зеленке есть духи, но немного, а вот к кишлакам не смогли даже приблизиться - стреляют. Продолжили спуск и ворвались ровной линией в заросли зеленки. Духи даже не пытались сопротивляться, быстро отходили к реке, ярко сверкающей и манящей вспотевших солдат своей прохладой. Впереди показались кишлаки. Бронегруппа еще не выходила. Сашка, чертыхаясь, сорвал с головы наушники радиосвязи и дал команду вперед.

На долю разведроты достался кишлак Намазга, ничем не отличающийся от таких же десятков кишлаков, виденных Сашкой. Такая же убогость и нищета: приземистые дувалы, глинобитные серые стены, но больше зелени от близости реки. Кишлак встретил роту плотным огнем. Еще только над гребнем небольшой сопочки повязалась голова командира первого взвода Криниченко, как пули хищно чмокнули его чуть ниже линии каски, и он покатился вниз, жутко выворачивая ноги и руки. Санитар кинулся к нему и начал рвать из сумки бинты и тампоны. А рота двигалась дальше, падая на брюхо, переползая вниз за спасительную кромочку дороги, идущей к кишлаку. Залегли у дороги. Сашка опять вышел на связь. Эфир рвали слова:

- Вперед, мать вашу! Вперед... Выбить духов...

И Сашка орал те же слова, перебегая от одной группы к другой. Люди не могли подняться под ураганным огнем. Приходилось ждать затишья.

Как только духи чуть успокоились, Сашка выскочил на дорогу и рванул к дувалам. За ним хлынула рота. Сашка не оглядывался назад, он был уверен, что люди пошли за ним и чувствовал их спиной. Его перегнал Поливайко с РПК в руках. Пулемет в его руках казался игрушкой, злобно рычащей, выплескивающей огненные струи. Духи очнулись и с новой силой лупанули по роте. Рухнул командир второго взвода, пули стеганули его ниже колен. Солдаты на мгновение застыли, готовые залечь тут же в пыли на голом месте. Но Поливайко, сменив коробку, хлестнул длинной очередью по дувалу, и пулемет духов заткнулся. Солдаты опять ринулись вперед, простреливая пространство перед собой, и некоторые уже просачивались в тесные улочки, а Поливайко все стоял один среди дороги и долбил из пулемета по верхней кромке дувала, не давая духам вести прицельный огонь.

И все же горячая струя прошила его ноги. Поливайко упал, напрягая все силы, он откинул сошки пулемета и продолжал стрелять. Краем глаза он видел, как медбрат с двумя солдатами оттаскивали с дороги командира второго взвода и еще двоих раненых. Еще одна пуля ударила в спину Поливайко и, минуя позвоночник, вошла в почки. Боль резанула ослепляюще, но Поливайко сменил еще одну коробку и, уже погружаясь в беспамятство, нажал на курок. Рядом блеснул гранатный разрыв, взметая осколочно-пыльный вихрь. Пулемет замолчал, вызвав в умирающем мозгу Поливайко удивление. Мышцы продолжали давить на курок, но кисти, отсеченные осколками, безвольно повисли на РПК...

Бой смолкал у реки, изредка всхлипывая истеричными очередями. Духи ушли на другой берег Мошхада. Бронегруппа так и не подошла.

МИ-8 ввинчивался в воздух кандагарского аэродрома. Сашка сидел на алюминиевой скамейке и всматривался в теперь уже знакомые ориентиры. В его ногах лежали трупы погибших в этом рейде, накрытые плащ-палатками. Остатки первого взвода дремали. В хвосте вертолета глухо позвякивало трофейное оружие, за которым уходила та самая бронегруппа.

Глава 5. Таня

Сашка лежал в небольшой палате кандагарского госпиталя и наслаждался долгим сном, вкусной горячей пищей, вниманием медсестер и вообще беззаботной жизнью. Рана была не тяжелая: осколок вырвал кусок мышцы из бедра, и началось заражение. Теперь уже все зажило, и завтра - послезавтра домой - в батальон. Пока Сашка отлеживался в госпитале, его группа сходила в рейд на прочесывание района, прилегающего к Кандагару, и теперь была на отдыхе - в карауле второго эшелона. Почти все ребята, от офицеров до солдат, побывали у него. С ними Сашке было неуютно, неловко от своей сытости-бритости, а они, уставшие, запущенные, шли к нему за три километра. Сашка встал с койки, прошел, немного хромая, к умывальнику, умылся и вышел в тесный длинный коридор со сферическим потолком, Он стоял и ждал обхода, но до него еще было почти два часа. Сегодня на смену должна была заступить Таня - хирургическая сестра, с которой и хотел встретиться Сашка. Он давно уже заметил Таню, еще в свои первые дни службы, но не мог с ней познакомиться так просто, без всякого повода. Таня всегда передвигалась очень быстро, изредка мелькала в расположении из городка, и Сашка никак не мог как, следует рассмотреть Таню. Он видел ее хрупкую стремительную фигуру, длинные светлые волосы, а

остальное придумал сам, придавая девушке те черты, которые хотел бы видеть у нее. Сашка был здорово удивлен, когда увидел Таню в операционной. Она была именно такой, какую он себе придумал. Во время перевязок Сашка разговаривал с Таней, как-то быстро они нашли общий язык. Сашка всегда стеснялся женщин, становился неуклюжим, в общем, комплексовал жутко, как сам он признавался, но с Таней ему было очень легко. Таня тоже привязалась к этому молодому старлею, красивому, высокому парню, явно влюбленному в нее.

В полках, базирующихся в Кандагаре, было довольно много женщин: официантки, продавщицы из "Березки", машинистки. Вокруг них всегда царила атмосфера ухаживаний. Сашка знал, конечно, что здесь есть женщины, но сам их не видел. После первого рейда, когда батальон стоял на построении, мимо проходила женщина, машинистка из штаба дивизии. Она шла в легком светлом платье, и солнце насквозь просвечивало ее фигуру. Строй замер в онемении. Командир батальона даже замолчал, не поняв причины звенящей тишины, оглянулся, увидел женщину, скомандовал: "Разойдись!", догнал ее, и они зашли в его палатку. Это была его "фронтовая жена".

Практически все женщины были "определены", то есть жили с кем-либо из офицеров или прапорщиков. Почти все они были одиноки там, в Союзе, и искали здесь хоть какое-то подобие семейной жизни, обстирывая, готовя пищу, деля постель со своим временным мужем, всегда на что-то надеясь и во что-то веря. Были и такие, что, пройдя все ступени от старших офицеров до прапорщиков, быстро им приевшись своей безотказностью, спали с солдатами за десять-двадцать чеков, лишь, бы скопить деньжат, за что и получили свое прозвище "чекистки". Сашке было жаль этих женщин, а впрочем, всех женщин, оказавшихся здесь, на этой войне, никому не нужных ни в Союзе, ни в Афгане. Они попадали сюда через военкоматы вольнонаемными, военнослужащими или по протекции на работу в "Березках". Но где бы они ни работали - им приходилось вместе с мужиками тащить на себе все кошмары фронтового быта.

Впервые Сашка столкнулся с безжалостностью хирургии в рейде, теперь он уже не помнил точно где, где-то под Джелалабадом, в одном из отдаленных гарнизонов, заброшенных в пустыню. Он вышел из палатки, в которой ночевал со своей группой. Встал очень рано, его еще во сне стал преследовать какой-то странный запах, приторно - сладкий, неприятно назойливый. Сашка пошел между еще сонных и молчаливых палаток. Одинокие часовые поеживались под грибками, подняв воротники шинелей. Сашка свернул влево к бочке с водой и

застыл на месте. Из палатки с красным крестом вышел невысокий коренастый солдат в белом, заляпанном кровью халате, с большим тазом в руках и вывалил из него чью-то отсеченную руку в кучу сваленных прямо в пыль частей человеческого тела, облепленных мухами, возбужденно шевелящихся на этих жутких обрубках. Волны смрада поднимались над разлагающимся мясом и разносились ветром. У Сашки потемнело в глазах. Солдат ушел в палатку, затем опять вышел из нее и начал посыпать чем-то белым эту груду. Мухи, недовольно урча, взлетали опять садились, торопясь воткнуть свои хоботки в вонь, разложение и в чью-то боль. Сашку рвало, выворачивало всего наизнанку. Сашке казалось, что он выблевал все, что съел за свою жизнь, а из него все текло и текло, струями выплескивалось из разодранного в судороге рта. Солдат - санитар равнодушно наблюдал за Сашкой, с наслаждением затягиваясь папиросой:

- Это у вас с непривычки. Скоро уже две недели, как никто не убирает.

Сашка отдышался и присел на ящик бомботары. В глазах рябило, голос солдата проходил как сквозь вату. Он слабо заговорил:

- Да что ж, неужели убрать некому?!! Это же ужас!

- А кому убирать? Рейды один за одним. Сами, небось, на подмогу прилетели. Вы же не наши? У нас всегда, как только на войну уходят, хирурги с утра до вечера кромсают. Медикаментов мало, формалин давно закончился. Наркоз делать нечем. Да сами сейчас услышите. Будут майора оперировать, осколок из груди вынимать...

Из палатки доносились стоны, бормотания, крик. Сашка зажал уши и зажмурил глаза. Солдат бросил окурок в кучу и продолжал:

- Скоро уберем. Вот рейды закончатся, мужики вернутся - закопают. Собаки бродячие прибегают, по всему городку мослы растаскивают, а часовые по ним из автоматов лупят.

Сашка поднялся и побрел на мягких ногах к своей палатке...

В начале коридора мелькнула Таня н пошла в ординаторскую. Сашка пошел за нею, на ходу одергивая по-нелепому короткую госпитальную пижаму. Пока он шел по длинному глиняному полу, в ординаторскую кто-то зашел. Сашка подошел к неплотно закрытой двери и остановился, услышав знакомый наглый голос прапорщика Веревкина:

- Танюша, ну ладно, что ты такая недотрога. Я же не просто так. Вот тебе сто чеков, ну хочешь, двести.

Сашка оцепенел. Таня за дверью крикнула:

- Уйди отсюда, гад! Пошел вон...

- Да не будь ты дурой. Скоро ведь в Союз. Шмоток хоть наберешь, а то ходишь в своих задрипанных джинсах, - басил прапорщик, - сколько тебе, месяц два осталось? А ты все на одну зарплату. Ты посмотри на баб умных: и чеки есть, и афошки, и мужик под боком, не один, так другой.

Сашка толкнул дверь, она бесшумно открылась. Таня отвернулась от Веревкина, считая разговор оконченным, и наклонилась над столом с инструментами. Прапорщик шагнул вперед, схватил Таню руками за бедра и прижал ее к себе, пытаясь губами приникнуть к ее шее. Таня вырывалась, забилась в его грубых руках, а Веревкин похотливо ржал, одной рукой крепко обхватив Таню за талию, а другой тискал ее грудь. Таня дотянулась рукой до инструментария и, схватив скальпель, попыталась полоснуть Веревкина по ненавистным рукам, но тот, засопев и отяжелев, легко отстранил ее руку и уже рвал с Тани халат, обнажая ее тело. Сашка ринулся к прапорщику, схватил его за плечо и, развернув лицом к себе, врезал боковым ударом руки в челюсть, а коленом ударил в пах. Все произошло мгновенно. Таня, ничего не успев понять, по инерции, когда Сашка разворачивал Веревкина к себе, резанула прапорщика скальпелем по груди. Веревкин хрюкнул и осел на пол. Теперь он валялся на полу, идиотски вылупив глаза, синея и хрипя от боли. Его орденоносный китель набухал полоской крови.

- Сука, убила, - вдруг завопил он, потом, ощупав себя и убедившись, что жить будет, перевел взгляд на Сашку. - А ты, старлей, сгинешь, падла, на рейдах.

Он встал на колени, потом тяжело поднялся на ноги и вперевалку пошел из комнаты, у двери обернулся, грязно выматерился и ушел, сильно хлопнув дверью.

Таня плакала, тщетно пытаясь запахнуться разодранным халатом. Сашка не знал, что делать, потом увидел на гвозде, вбитом в стену, чью-то шинель с майорскими погонами, снял ее и набросил Тане на плечи. Таня села на стул, не прекращая плакать, и сквозь слезы заговорила:

- Ну зачем? Почему так? Да сколько же вас мужиков, через наш госпиталь прошло. Привезут - труп трупом, отмоют, прооперируют, лежит недвижимый, зовет: "Мама, мама", а потом оклемается и - все, уже баба ему, а не мама нужна. Сашка виновато молчал. Таня успокаивалась, всхлипывая и по-детски шмыгая носом: - Не все, конечно. Это я так, сгоряча. Ты, например, совсем другой... Ладно, садись, Саша, чай попьем до обхода.

Сашка сел за маленький круглый столик. Таня застегнула шинель, налила по стаканам - мензуркам чай из термоса. Они

долго сидели, пили крепкий чай. Время от времени Таня замолкала, переживая случившееся, а Сашка вспоминал все смешное, что знал, пытаясь отвлечь Таню.

На следующий день Сашку выписали. Он каждый день выкраивал время, чтобы увидеться с Таней, хотя бы пять - десять минут. Привыкли они друг к другу. Сашка чувствовал, что не только он, но и Таня ждет этих встреч.

Теперь его жизнь стала более полной. Он знал, что делать в свободные минуты. Написал родителям, что у него есть невеста, хотя разговора с Таней об этом не было.

А Веревкин не спал. Он обо всём рассказал своему дружку майору Стефанчуку - начальнику строевой службы полка, и тот пообещал прапорщику помочь отомстить за обиду.

Был февраль, снежно-дождливый, ветрено-промозглый, сырой и мерзкий. Сашкина группа постоянно таскалась в горы, по зеленке, выматываясь до предела. Возвращались в батальон полутрупами в раздрыстанных сапогах, в промокших бушлатах и шапках. Валились замертво на кровати и засыпали, не дожидаясь ужина. Сашка все равно успевал заскочить к Тане, поцеловать ее, поговорить, и убегал в часть, где его неизменно ждала новость - завтра выход.

Так прошел месяц. Духи не особенно активизировались, замерзая в горах тайно спускались в кишлаки, забирали продовольствие, резали всех и сжигали все дотла, забирали несколько женщин и молодых парней и уходили назад в пещеры, стараясь не наткнуться на шурави{16}.

Однажды Сашкина группа была в засаде у одного из мелких кишлаков. На мартовском солнце парили бушлаты, оттаивали промерзшие за зиму солдаты. Просидели, прождали сутки, но все зря - видать, подвела разведка, и пошли обратно. Горы уже зеленели первой сочной травой, мягко, обманчиво скрывающей острые очертания скальных зубов. Воздух, прохладно-мягкий, успокаивал, кружил голову. Сашка. понимал, что люди расслаблены, и изредка покрикивал, заставляя держать дистанцию, не кучковаться. Они поднялись на последний холм, и перед ними раскинулась целая долина тюльпанов ярко-, ярко-красных. А вчера здесь их еще не было. Шли через поле очарованные, стараясь не наступать на экономно-плотные коробочки цветов. Когда дошли до края, Сашка спохватился, нарвал букет, стянул с головы каску, положил в нее цветы и понес бережно, чуть отставив руку в сторону.

В этот день Сашка сделал предложение Тане, и она согласилась стать его женой. Срок ее контракта подходил к концу. Через месяц она уедет домой в Липецк и будет готовиться

к свадьбе. Сашкин очередной отпуск будет в июне, тогда и распишутся. Строили планы, веря в то, что все будет прекрасно. Но не знали они, что Веревкин со Стефанчуком уже подготовили Танины документы на три недели раньше срока и всеми правдами и неправдами подставляли Сашкину группу на большую войсковую операцию.

Группа ушла в горы. Таня ждала Сашку, как всегда боялась и переживала за него, прислушивалась к вечернему топоту в коридоре. В этот раз (который по счету?), Сашка ушел на два-три дня. Таня не находила себе места, что-то давило ее, выматывая все силы. Она так же умело помогала на операциях, ни разу не ошибившись, но делала все механически. Утром следующего дня ее вызвали в штаб. Стефанчук выдал ей проездные документы и сказал, что в воскресенье, то есть послезавтра, будет борт на Ташкент, которым она улетит в Союз. Таня получила деньги, пошла в "Березку", накупила там сока "Си-Си", "батовских" конфет, разной мелочи в подарок родным и знакомым и ушла в госпиталь.

Сашка видел, как трое его солдат юркнули в узкую, но глубокую расщелину и поползли к той гряде, из-за которой долбил по группе ДШК. Пятеро из группы лежали на этой сопке, уже равнодушные ко всему. Их трупы стащили вниз, чтобы духи не кромсали тела крупнокалиберными пулями. Моджахеды уходили в горы под прикрытием этого единственного, недосягаемого для Сашкиной группы, пулемета. Они недавно сожгли колонну наливников{17} и теперь, окрыленные удачей, уходили от преследователей. Сашка в бессилии кусал губы, орал по связи координаты уходящих духов, просил помощи с воздуха, но в ответ получал одно: - Догнать и уничтожить своими силами!

Один из троих - башкир Мухтар Памлеев дополз до скрывавшего его от духов горного козырька и неловко швырнул навесом гранату. Она пролетела по дуге и, чиркнув по краю гряды, устремилась вниз. Двое других солдат не видели ее и продолжали карабкаться вверх, когда треснул взрыв и сбросил их иссеченные тела к подножию скалы. Сашка видел в бинокль, как Памлеев взметнулся на козырек, отшвырнул от себя автомат, схватил две гранаты и, перепрыгнув через край скалы, опять взлетел над горами в огненном смерче. Пулемет умолк.

Началась гонка. Озлобленные солдаты неслись за духами, соскальзывая на камнях, разбивая в кровь локти и колени. Пот лился ручьями, застилая глаза, заливая рот. Духи шли налегке, изредка залегая и огрызаясь огнем автоматов. В Сашкиной группе упал еще один боец со снесенным пулей лицом. Никто не остановился в едином порыве догнать, отомстить. Люди бежали,

перепрыгивая через трупы духов. Краем глаза Сашка видел, как воронежец Валька Кривко, не останавливаясь, стрельнул коротко по петляющему духу, пытавшемуся скрыться за камнями, оставлявшему за собой грязно- кровавый след. Дух дернулся и упал, ударившись лбом о чуть не спасший его камень. Сашка спешил- если духи успеют спуститься с этой сопки, они уйдут в пещеру, а там- ищи ветра в поле. И он спешил, безжалостно гоня солдат вперед. Когда вскарабкался на вершину, отряд духов уже втягивался в одну из пещер, протянувшихся лабиринтами на многие сотни километров. Сашка присел на колено, передвинул прицельную планку и одиночными выстрелами стал бить по последним, еще видным отсюда духам. Солдаты лупили очередями, взметая фонтанчики пыли и брызги скальных осколков. Злорадно Сашка заорал: "Есть!", когда предпоследний из духов упал. Последний остановился, повернулся к Сашке и застрочил из автомата. Что-то резко отбросило Сашку назад. Бронежилет выдержал пулевой натиск, но правое плечо и левое бедро обмякли, раскаляясь знакомой болью. Сашка рухнул на спину и уплыл в черноту.

Ахмед Каримов - сын карагандинского шахтера- полоснул очередью по ногам духа. Дух завизжал, крутанулся и попытался добежать до спасительного зева пещеры, но запутался в перебитых ногах и, спотыкаясь, подгоняемый еще одной ахмедовской очередью, ткнулся лицом в землю.

Медбрат Андрей Шубин, отчисленный за фарцовку из мединститута, уже колдовал над командиром. Подсунул ему под голову свой вещмешок, содрал с него бронежилет, давая Сашке глубоко дышать. Сашка потянулся к ватному тампону с водой, но не смог его взять и прошептал только что-то о медсестре из хирургии, как понял Андрей. Солдаты крутились рядом, ожидая, что будет дальше. Борис Лапчинский - связист - передавал в часть все, что произошло, и просил прислать вертолет. Обещали. Сержант Серега Ильин послал пятерых за убитыми солдатами и оружием и еще троих отправил разведать вход в пещеру.

Сашка все еще не приходил в себя, хотя Шубин обрабатывал раны спиртом и колол ему промедол. Раны были сквозные, только одна пуля застряла и бедре, и Андрей не мог понять, в мышце или в кости.

Борис и двое друзей-украинцев из Знаменки не спеша шли к пещере. Они знали, что духи уже далеко, но для успокоения, подойдя ко входу в пещеру, швырнули туда по гранате и пальнули из автоматов. Теперь они стояли и курили-ждали, когда осядет пыль. И вот тут-то их беспечность была наказана. Подстреленный Ахмедом дух пришел в себя и увидел прямо перед

собой три солдатские спины. Он бесшумно подтянул к себе автомат, и, не целясь, резанул очередью по беззащитным мишеням. Все трое упали. Сержант бросился на выстрелы и, еще не осмыслив происшедшего, врезал носком сапога в лицо духа.

Теперь они остались втроем с медбратом и командиром. Андрей стянул руки духа капроновым шнуром, накрыл бушлатами тела погибших и пошел в пещеру, рявкая подствольником и рыкая автоматом.

Серега Ильин сидел около командира и пытался нащупать связь. Ему ответили. Он сообщил о случившемся, выслушал в ответ мат дежурного майора Стефанчука и отключился. Скоро подошли посланные за убитыми. Они притащили четверых: Памлеева, и погибших от его гранаты Кудимова Генку и Святко Ивана, а также Пряжко Илюху из первых погибших сегодня. Сбросили с плеч автоматы и растерянно слушали ужасную новость. Серега отправил их назад, за остальными. Ребята нехотя переглянулись и побрели в гору. Сержант окликнул их:

- Мужики, вы там аккуратней, посматривайте, скоро стемнеет.

Через полтора часа они вернулись, принеся с собой еще пять трупов. Уже было темно. Серега тревожился об Андрее, еще не вернувшемся из пещеры, и хотел было идти на поиски. Но Ахмед сказал, что пойдет сам. Ребята перетащили тела убитых поближе к командиру. Сашка Митюк и Васька Дымов стянули с них окровавленные, заскорузлые бушлаты и накрыли головы всех погибших. Потом сели, закурили и штык-ножами начали вычищать из-под ногтей засохшую кровь, хмуро щурясь и отгоняя дым, назойливо лезший в глаза в абсолютном безветрии.

Вдруг от пещеры раздался крик. Все подскочили и, щелкая затворами автоматов, побежали туда. Ахмед, затянув вокруг шеи духа размотанную чалму, тянул ее через камень, пытаясь удавить живучего духа. Серега кинулся к нему, но Ахмед, злобно ощерившись, смахнул автомат на грудь, направил его на сержанта:

- Назат, назат, сирщант. Я его сам убиват будую. Я этат гат раз-арву-у.

Дух, чуть обмякший, встрепенулся и попытался встать на ноги, перебитые пулями, но Ахмед в ярости дернул шелк чалмы, и дух захрипел, выплевывая кровь и вытягиваясь в предсмертной судороге.

Из пещеры вынырнул Андрей. Он подошел к умирающему духу, освободил узел, пощупал шею и сказал:

- Хана. Ахмедка, ты ему шею сломал, хотя, может еще пару часов протянуть.

Ахмед опять вздернул автомат и влепил в духа полмагазина. Брызги крови хлестнули по лицу Андрея, он вернулся, спокойно вытерся грязным рукавом бушлата и негромко сказал:

- Сержант, я склад нашел.

Наступила ночь. Сашка уже дважды приходил в себя, просил пить, требовал доложить ему обстановку и вновь уходил в свою безбольную тишину, где сразу встречал Таню. Около него постоянно находился Андрей, остальные таскали из пещеры оружие в ящиках, патроны в цинках, коробки с минами и гранатами. Здесь было все: и автоматы "Узи", и "Томпсоны", и АК, и М-16, было несколько базук, маузеров, наганов, итальянские мины ТС-6,5, английские МК-7, мины-лягушки и даже два пулемета "Максим". К двум часам ночи перетаскали все- устали как черти. По связи им сообщили, что вертушка будет к семи. Спать никто не хотел. Настороженно ждали рассвета, который медленно наступал, разбухая краснотой полоски над осточертевшими горами.

Вертолет прилетел в восемь часов. Сделал несколько кругов над группой, поднимая тучи пыли, потом осторожно сел. Летчики торопились - нужно было забрать еще несколько групп, а до Кандагара час лету. Бортач раскинул в конце салона брезент, на него сложили штабелем двенадцать трупов. Прикрепили ремнями к бортам ящики с трофеями, только оружие, все остальное взять не могли ввиду перегрузки машины. Патроны и мины торопливо сбросили в кучу, и Андрей подорвал ее. Аккуратно положили командира на подвесные носилки, расселись по скамьям, и вертолет, грузно свистя и подрагивая, начал набирать высоту. Сержант попросил у борттехника ларингофоны и уговорил командира борта врезать НУРСами{18} по пещере. Летчик кивнул головой, развернул нос "восьмерки" к скалам и, найдя нужные ориентиры, всадил всю кассету в разинутую пасть пещеры, затем поднял машину на высоту и лег на курс, ведущий в Кандагар.

В то время, когда Сашку перегружали из вертолета в санитарную машину, Таня находилась в ста метрах от него, проходила таможенный контроль перед посадкой в самолет. Веревкин не находил себе места от злобы. Всю группу Сашки, включая и погибших, наградили медалями "За боевые заслуги", а Сашке еще в госпитале вручили "Красную звезду". Наградные документы получал и оформлял майор Стефанчук. После госпиталя Сашка получил досрочный отпуск.

Сашка шел по знакомой дороге на аэродром, через час оттуда вылетал военный ИЛ-18 на Тузель в Ташкент. Сашка шел прихрамывая, раненые нога и рука еще ныли, но уже не могли отравить праздничного настроения. Он шел мимо знакомых

породненных с ним солдат и офицеров, такой же пропыленный и пропахший войной, мимо "Арианы" с толпой бачей, желающих куда-то улететь, мимо зенитчиков, направивших свои орудия на близкие смертоносные горы, шел к заруливающему к посадочной площадке ИЛу, который унесет его домой к родителям, к Тане, к мирной жизни на целых два месяца.

Глава 6. Димка

Все началось с того, что пропала Лидкина фотография. Димка обшарил всю палатку, просматривая каждый сантиметр, заглядывая под тумбочки, в щели между досок полового настила - нигде не нашел. Димка страшно расстроился. Фотография была цветная. Лида сфотографировалась по колено в прозрачной черноморской воде. Слева от нее открывалось море, сжатое с двух сторон затуманенными утесами, а справа тянулся пляж, усыпанный мелкой галькой. Лидка стояла, отставив левую ногу и опершись на бедро ладонью, правую руку подняла вверх, как будто манила кого-то к себе (Димка - то знал, что не кого-то, а его... и только его!). Яркий красный купальник узенькой полоской плотно облегал золотистое тело девушки. Выгоревшие светлые волосы, недавно высушенные солнцем, слегка поднимались ветром, дувшим с моря. Лидка весело смеялась, и Димка помнил почему. Он стоял надутый из-за того, что Лидка кокетничала с молодым фотографом грузином, который сделал снимок и ушел кокетничать с другими девушками и зарабатывать деньги.

Было все это год назад, когда Димка еще и не думал, что в октябре уйдет в армию, а в декабре уже будет здесь, в Афгане. Когда Димка смотрел на фотографию, все в нем сладко замирало. Он вспомнил мельчайшие подробности того лета. Чувствовал солоноватый привкус моря на Лидиных губах, чуть шершавую горячую кожу и неожиданно прохладную мягкую грудь, белеющую под его ладонью, когда они оставались вдвоем в своей маленькой комнатке, снятой за четвертак в сутки на две недели.

Потом они вернулись домой в Воронеж. Оба учились в университете, но на разных факультетах и курсах. Виделись часто. Выпадала возможность - ночевали в месте. Но все же такой близости, как в адлеровское лето, не было. Сумасшедший ритм городской жизни не давал расслабиться, и, оставаясь наедине, отдыхая после любви в постели, каждый строил на завтра свои планы, забывая о существовании партнера.

Когда Димка получил повестку, Лида вначале расстроилась, а потом сказала, что постарается дождаться, но ничего обещать не хочет. Димка не настаивал на ожидании, впереди его ожидала незнакомая служба. Теперь он здесь, а она там, и их снова

потянуло друг к другу, любовь нахлынула с новой силой. Лида писала чуть ли не каждый день, а Димка, как только выдавался свободный час, вытаскивал из внутреннего кармана свернутый тетрадный лист и продолжал писать начатое во время перекуров-передыхов письмо. Однажды он отправил Лидке свою фотографию, где он стоял в полном вооружении: в бронежилете, в каске с маскировочной сетью, в лифчике, набитом гранатами и автоматными рожками, с автоматом в руке. Он стоял у глинобитной стены дувала, обожженной пламенем догорающей "барбухайки", стоящей на переднем плане. По лицу Димки стекал грязный пот, разрисовывая лицо полосками, как у зебры, а камуфляж был заляпан чужой кровью. Что и говорить, снимок был жутковатый. Димка чувствовал, что этой фотографией он произведет глубокое впечатление на Лиду и ее подруг, которым Лидка обязательно ее покажет. Домой он отправлял другие фотографии нейтрального содержания: встреча Кармаля в Кандагарском аэропорту, у ротной палатки с ребятами своего призыва или лежа на проклятой пыли, почему-то упорно называемой песком, в одних трусах. На всех этих снимках оружия не было и близко, только в почетном карауле у входа в "Ариану", куда должен был проходить после высадки из самолета Бабрак Кармаль. Димкина рота стояла с автоматами на груди. Но почему-то хадовцы{19} повели генсека сразу с трапа в черную "Волгу" и куда-то увезли.

Сегодня они вернулись с "большого сидения" на точке, где проторчали неделю тихо и мирно, даже ни разу не выстрелив. Прапорщик Белов - старший по команде - только недоуменно матерился и разводил руками. Но как бы то ни было они вернулись в часть, и Димка ждал с нетерпением время, когда он вскроет два Лидкиных письма и, поставив перед собой ее фотографию, будет читать их и перечитывать.

В ответ на свою фотографию, Димка получил от Лидки ту самую, морскую. Снимок был размером с конверт, и носить его с собой в хэбэшке было жаль, сминались углы и пропитывалось все насквозь потом. Поэтому Димка сделал тайник. Взял "цинк" от пистолетных патронов, завернул фотографию в целлофан, выбрал время, когда никого не было в палатке, оторвал короткую доску пола под своей кроватью и сунул туда коробку со снимком и тоненькую пачку чеков за прослуженные в Афгане девять месяцев.

Димка дождался, когда все ушли смотреть фильм, вынул "цинк", деньги были на месте, а вот карточка исчезла. Лямка тупо уставился в коробку и лихорадочно соображал, куда же она могла подеваться. Прекратив поиски, он уселся на койку и замер. Что-то недоброе надвигалось на него и давило своей тяжестью.

В палатку кто-то вошел. Димка поднял голову и увидел вечного посыльного по штабу, хитрющего и постоянно чем-то болеющего татарчонка Мамлеева. Тот приплясывал от нетерпения сообщить какую-то гадость и, не приближаясь к Димке, утвердительно спросил:

- Што, баба свая патирял?

Димка взметнулся с койки. Мамлеев отскочил к выходу:

- Дай десять чек, сыкажу, кде гуляит.

Димка вынул из кармана десятку, скомкал ее и перебросил Мамлееву, тот проворно схватил деньги и, озираясь по сторонам, тихо сказал:

- Бобанов у сибя в каптерка сидит, дрочит на твая баба.

Димка выскочил из палатки и побежал к продскладу, где жил Бобанов солдатский повар.

Бобанов был здоровенным мужиком лет двадцати пяти, квадратный, обросший сплошь волосами, весь какой-то грубый, обезьяноподобный. Говорили, что он отсидел за что-то год или два. Но точно никто не знал, да и интересоваться не собирался. Водил Бобанов дружбу еще с четырьмя такими же громилами из полка, вечно отирающимися у складов, но в рейдах их никто не видел.

Димка добежал до вагончика, через щели занавешенного окошка пробивался свет. Димка приник к щели. Боб сидел на кровати спиной к Димке. Локоть правой руки Боба ходил вверх-вниз. Боб постанывал, а потом вдруг захрипел, чуть ли не заорал, откинулся спиной на стенку кунга, и Димка увидел, что в левой руке Боба зажата фотография Лиды, и тугая струя бобовской спермы ударила прямо в Лидино лицо. Димка шибанул дверь ногой, та с треском слетела с петель и рухнула внутрь, вместе с ней в комнату ворвался Димка. Он подскочил к Бобу и врезал ему кулаком в челюсть. Боб всхлипнул от неожиданности и быстроты случившегося и попытался встать на ноги. Но Димка, не давая ему опомниться, с разворота ударил каблуком ботинка Боба в грудь. Боб все же успел увернуться и смягчил удар. Димку занесло, и он чуть не упал. Боб поднялся с кровати и, широко расставив руки, не выпуская осквернённую фотографию, шел на Димку. Ширинка штанов Боба была расстегнута, и сквозь нее Димка увидел волосы лобка, пятна спермы на штанах и, кипя от омерзения и ярости, нанес Бобу удар в пах, после которого тот рухнул на колени, ткнулся лбом в пол и глухо завыл. Димка выхватил из крепкой лапы Боба карточку и бросил ее в печурку, на которой разогревалась банка тушенки. Димка от злости швырнул и ее вслед за вспыхнувшей фотографией, и не успел он еще выйти из кунга, как нераспечатанная банка взорвалась,

обрызгивая Боба ошметками горячего мяса и обсыпая пеплом.

Димка возвращался в палатку. Его душили слезы и злость. Что-то оборвалось в нем, сломалась вера в то, что все будет хорошо. Он долго ворочался на скрипучей кровати, все никак не мог успокоиться и задремал только под утро.

Димка понимал, что все это ему так просто с рук не сойдет. Боб и его друзья никогда не сдадут своих позиций ни околоскладской жизни, сытой и безбоевой, ни "дедовских" привилегий, которые старались сами же насаждать. И такое происшествие - "годок" избил "деда" - просто не могли оставить без внимания. Димка никому не рассказывал о случившемся, но за него постарался Мамлеев. Так что все уже знали, что именно Димка расквасил морду Бобу. По полку ходили слухи, что Боб и его друзья - гомики. Якобы, кто-то из молодых насильно побывал у них "в гостях" и был изнасилован. В знак благодарности за услуги его пристраивали на тыловую работу при содействии прапорщика Веревкина.

Димка тоже это знал. Были у него два хороших товарища: Серега Пухин и Денис Ковров, предлагали ему свою помощь, но Димка не захотел, отказался.

Через неделю рота ушла в горы. Десять дней бродили по зеленкам и кишлакам. Были стычки с духами, но не серьезные, издалека. В последний день поиска наткнулись на большую банду-караван. Бились с ними часа три в теснине узеньких кишлачных улочек. Погиб Сережка Пухин. Пуля всхлипнула в его горле и обдала кровью Димкины руки. Упал Серега, Денис подскочил к нему, а Димка, поняв безнадежность, ринулся вперед, за прапорщиком Беловым. Бежали рядом. Широко раскинулась цепь роты, охватила весь кишлак. Плечо в плечо бежали вслед за бандой, уходящей в зеленку, прапорщик и солдат. Вдруг Димка увидел, как из-за покореженного дувала высунулся ствол винтовки и направил свой злой зрачок в грудь Белова, а тот, часто и громко дышал, целился на бегу в духа, мчавшегося по дувалам и поливавшего преследователей из своего автомата. Димка кошкой кинулся на грудь прапорщика и сбил его с ног, когда хлопнул одинокий винтовочный выстрел. Пуля угодила Димке в предплечье левой руки. Белов мгновенно среагировал, швырнул за дувал гранату, и оттуда уже больше никто не стрелял.

В этот же вечер рота вернулась в полк. В госпиталь Димка не пошел. В лазарете ему промыли сквозную рану, сделали уколы. Димка отлеживался в палатке между перевязками утром и вечером. К нему каждый день заходил прапорщик Белов, приносил шоколад, виноград, дыни, угощал сигаретами. Сегодня,

перед уходом в очередной рейд. Белов сказал, что на Димку отправили наградной лист за спасение жизни командира. Рота ушла.

Димка и еще несколько легко раненных солдат слонялись по плавящемуся от жары городку, не зная, чем себя занять. До одури играли в нарды, спали в липком поту, писали письма. Несколько раз в палатку заходил Мамлеев, но с ним никто не разговаривал, и он, ничуть не обижаясь, уходил к офицерскому модулю, где охранял вещи офицеров, за что те щедро делились с ним своим пайком.

После обеда Димка бродил между палаток, сочинял ответ на последнее Лидкино письмо. Рука чуть ныла, заживляюще подергивало рану. Мимо Димки проскочил Мамлеев с "цинком" автоматных патронов. Димка пошел за ним и увидел, как татарчонок шмыгнул в каптерку Боба и так же быстро выскочил оттуда... Димка заинтересованно подошел поближе. Около домика стоял привязанный уздечкой к распахнутой двери ослик местного дуканщика{20}, а из домика слышался голос Боба:

- Старик, сто тысяч афошек и до свидания.

- Бали, бали, да-да, шурави, семисят тыщач, бали, бали,- отвечал голос торговца.

- Бача, имей совесть. Смотри, совсем новый. Еще семьсот патронов дам.

- Бали, бали, шурави, семисят...

- Вот, мать твою, давай сто, еще ящик тушенки даю.

- Восимисят, шурави, восимисят, - гнул свое голос дуканщика.

Димка не мог понять и поверить догадке, чем торгует Боб. Но щелканье автоматного затвора развеяло сомнения.

- Ладно, дед, бери за восемьдесят.

Димку обдало холодам. Ведь этот ствол завтра, если уже не сегодня вечером, будет стрелять в наших ребят!

Димка шагнул ко входу. Дуканщик отсчитывал деньги из большой пачки, обстоятельно поплевывая на пальцы, выбирал бумажки постарее и складывал их в кучку на кровати Боба, бормоча вполголоса:

- Як сад пенджо, ду сат пенджо...

Боб внимательно следил за стариком, кривя губы, когда тот подкладывал в денежную горку совсем уже засаленную бумажку. Между дуканщиком и Бобом стоял сорокабаночный ящик тушенки, а на нем лежал новенький АК. Димка рассвирепел:

- Ах вы, суки, - и, обращаясь к одному Бобу, завизжал, - чучело, педик вонючий, крыса складская...

Боб от испуга обмяк. Старик исчез, словно растаял. Лишь

дальнее постукивание ослиных копыт свидетельствовало о том, что дуканщик здесь был. Димка замолчал, тяжело переводя дыхание. Боб сполз с койки на колени, лихорадочно зашарил под кроватью одной рукой и вытащил из-под нее вещмешок, вытряхивая из него пачки афганей и чеков. Дрожащим голосом он умолял Димку:

- Димок, ну что ты, я же шутя с ним. Делать-то все равно нечего. Если бы он согласился, я б его особистам сдал.

Губы Боба тряслись. Их сводила судорога страха. Ослабевшие руки подталкивали к Димке деньги:

- Ты возьми, Димок, возьми, купишь на дембель что-нибудь родителям в подарок или девушке своей. Ты уж прости, что так с фоткой получилось. Прости.

Димка качнулся вперед. Боб обрадованно подбрасывал еще и еще денег:

- Бери, бери, я тебе через месяцок еще подкину. Димка вышел из кунга.

Его трясло от отвращения. Он пошел к колодцу, вытянул ведро воды и, неловко действуя одной рукой, окатил голову ледяным освежающим потоком. Потом Димка вернулся в свою палатку и мгновенно уснул.

Снилось ему, что он в горах на точке. Зима. Страшный холод. Димка прижимается к камням, но от них нет тепла. Димка проснулся. Его морозило поднялась температура. Уже вечерело. Покрасневшее солнце заглядывало через полог палатки. Вставать было лень. Димка сдернул с ближних кроватей одеяла, укутался в них и задремал. Разбудили его осторожно- настойчивые толчки в ногу. Димка открыл воспаленные глаза и разглядел стоящего перед ним Мамлеева.

- Димка, тебя дембеля зовут.

Димка опять закрыл глаза. Но Мамлеев зашептал громче:

- Ты не бойся, Димка, они мириться зовут. Димка с трудом сел на постели. Лихорадило. В палатке все спали. Мамлеев уже исчез. Димка пошел к Бобу.

В домике было застолье. На ящиках из-под гранат стояли бутылки с водкой, итальянские мясные консервы с острой томатной подливкой, жареный картофель в огромной сковороде, лук, помидоры, виноград, чеснок, сало. Вокруг ящиков сидели все полковые дембеля - жители складов. Боб, улыбаясь, пригласил Димку сесть, приложив при этом палец к губам. Киргиз Жалымов перебирал струны гитары, затем ударил по ним всей пятерней и запел хриплым голосом:

Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,

Догнали их две маленькие пули
Всегда стрелял без промаха комбат.
Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух комбата кто осудит?
Никто его не вправе осуждать!
А вечером в землянке полкового штаба,
Бумагу молча взяв у старшины,
Писал комбат двум русским верным бабам,
Что смертью храбрых пали их сыны.
И сотни рая письмо читает людям
В глухой деревне плачущая мать.
За этих двух комбата кто осудит?
Никто его не вправе осуждать.

Димка сидел на ящике, с трудом воспринимая слова песни, температура поднималась все выше и выше. Кто-то протянул ему кружку с водкой, но Димка оттолкнул ее от себя. Боб заговорил:

- Ну, что, Дима, будем квиты?! Я тебя прощу, а ты - промолчишь. Ага?!

Боб совершенно изменился. От дневного испуганного Боба уже ничего не осталось. Теперь это был самоуверенный, наглый в своей безнаказанности хам. Боб был очень похож на надутого павиана, которого Димка видел в Сухумском заповеднике. Павиан сидел на камнях и онанировал, глядя на проходящих женщин. Вспомнив это, Димка расхохотался:

- Боб, обезьяна ты хренова. Ублюдок.

Все вскочили на ноги. Димка медленно поднялся и, повернувшись спиной к кампании, пошел к дверному проему, в котором мелькнуло бледное раскосое лицо Мамлеева. Димка почувствовал, как кто-то схватил его сзади за больное плечо. Мгновенно сработала натренированная годами подпольных тренировок реакция. Удар ногой назад вызвал крик нападавшего. Димка уже стоял лицом к этим мерзким рожам, наступавшим на него, пытавшимся взять его в кольцо.

- Эх, если бы не рука, - горько подумал Димка и кинулся на врагов. Он сбил одного хлестким ударом тыльной стороны кулака, прямым ударом ноги в пах завалил другого. Оставались Журымов и Боб. Журымов держал в руке нож, а Боб сорвал с крючка автомат.

- Тот самый, - заметил Димка. Журымов, выбросив перед руку с ножом, приближался к Димке. Димка обманным движением пнул Журымова по ногам, тот согнулся, пытаясь уберечься от удара, и тут-то Димка с подскоком нанес ему проникающий удар в нос, с удовольствием услышав хруст сломанного хряща. Только

хотел Димка обернуться назад, как крепкий удар по затылку погрузил его в темноту.

Пришедшие в себя дембеля со стонами поднимались с пола. Боб уже стянул руки и ноги Димки брючными ремнями. Выпив еще водки, дембеля заметили, что Димка пытается приподнять голову. Они кинулись к нему. Били Димку ногами. Боб старался угодить ботинком в голову, пах, по раненому плечу. Били с остервенением, матерясь, когда задевали друг друга. Боб остановил всех жестом:

- Хорош. Теперь по программе.

Журымов привычно перекинул Димку поперек кровати, стянул с него до колен брюки и трусы. Насиловали Димку по очереди. Потом отволокли его в ротную палатку.

...Димка пришел в себя. Никак не мог понять, что с ним. Рвущая боль напомнила о драке с дембелями, страшно болели ягодицы и задний проход. Хотелось пить. Димка попытался приподняться. Его тут же стошнило. Стало чуть легче. Переставляя мягкие непослушные ноги, Димка прошаркал на улицу. У палатки сидел Мамлеев. Увидев Димку, он вскочил на ноги:

- Дима, Димочка, прасти, я ни знал, что они хатят тибя...

Теперь Димка понял, откуда эта незнакомая, пугающая боль и почему брюки сзади пропитаны кровавой коркой, неприятно царапающей кожу.

- Принеси мой автомат, - прошептал он Мамлееву. отступившему от него. Ну, быстро.

Мамлеев вынес Димкин АКМС. Димка, напрягая все силы, проверил магазин и передернул затвор.

- А теперь заткнись и сиди, - едва шевеля языком, сказал Мамлееву.

Путь до домика Боба занял минут двадцать, хотя в обычное время это занимало минуты три. Димка брел, сжав волю в единую точку, как когда-то учил сэн сэй на тренировках. Цель была ясна, требовалась только сила изнасилованного, истерзанного тела.

Все пятеро спали вповалку на заблеванном полу. Димка пытался разбудить их слабым криком, но пересохшее горло только пискнуло. Димка выстрелил в пол. Медленно просыпались перепившиеся дембеля, тараща глаза на перепачканного кровью, - изуродованного Димку.

- Гни-и-и-ды, - сипел Димка, водя плюющим огнем автоматного ствола. Гни-и-и-ды...

Он выкарабкался из домика и увидел, что к нему бегут какие-то люди. Димка тяжело лег на землю, уютнее подтянул к груди колени, плотно зажимая между ними автомат и, уже нажимая на

курок, узнал в бегущих Мамлеева и прапорщика Белова в полном боевом снаряжении.

- Вернулись! - успел облегченно подумать Димка прежде чем пули разорвали его голову.

Глава 7. Витька

Оглушающий удар по голове бросил Витьку на колени и погрузил в тяжелое липкое забытье... Большой обломок скалы, сорванный взрывом с пятиметровой высоты, расколол Витькину каску и прокатился по обмякшей спине солдата, прочно приковав его ноги к земле. Щебень дождем прошуршал, засыпая могильным пластом разгоряченное боем тело. Из-под свежего холмика лишь слабо краснело лицо и белели кисти рук с ободранными до корней ногтями. Рота с хрипом ушла вперед, не заметив такой нелепой гибели Витьки. Сопя и потея, матерясь и стреляя из всех стволов, рота рвалась на гребень (кому нужной?!) скалы, откуда духи с именем Аллаха так же яростно отбивали от шурави кусок родной земли.

Роту вел начальник строевой части майор Стефанчук. Вот так случилось. Командир роты Сашка Бледных в третий раз лежал в госпитале - сразу после "свадебного" отпуска нарвались на бээмпэшке на мину, крепко тряхануло о броню. Прапорщик Белов был в рейде под Кабулом.

Когда командир полка дал распоряжение идти на прочесывание, Стефанчук доложил, что никого из офицеров нет, а рота под командованием сержанта идти в поиск не может.

- Как никого нет? - возразил подполковник. - А ты что, уже не офицер? Разъелся на штабных харчах. Значит так, завтра в пять выходишь в горы с ротой Бледных. Возьмешь себе еще Веревкина в помощь. В общем, повоюете. Задача такая...

Но Веревкин идти в горы отказался, не прямо, конечно. Нажрался, гад, дерьма какого-то, у него температура под сорок навалила, и остался он при продскладе "бдить и охранять", проявив при этом даже геройство. "Даже при такой высокой температуре в госпиталь не иду, не могу покинуть пост." Стефанчука уже третий день душила злоба:

- Вот говнюк, кинул меня под винты одного, а сам, сученыш, к Надьке моей подбивает клины.

Воспоминание о Надежде - новой официантке из столовой напрочь испортило и без того хреновое настроение начальника строевой части, вызвав цепную реакцию злобы на еле шагающих и измотанных рейдом солдат.

- Вперед, мать вашу, быстрее шагать! - гаркнул Стефанчук, понимая, что и сам уже вот-вот повалится от усталости, но при

этом сладко думая: "Уж теперь-то никто тявкнуть не посмеет, что Стефанчук на халяву опять орденок отхватил..."

Вот тут-то и резанули со скалы пулеметы. Можно было уйти, спрятаться за другой сопкой, но взыграло по-молодецки ретивое, и крикнул роте Стефанчук:

- Скалу взять! Духов выбить!

Вздрогнули, как боевые кони, солдаты и ринулись под защиту нижних складок скалы. Стефанчук - за ними, высоко подбрасывая враз полегчавшими коленями, а в голове мысль - хорошая та, которая всегда приходит поздно:

- Вот дурак, надо же было вот за той сопочкой прикрыться, да вертушки вызвать.

Но дело сделано. Не будешь же команду отменять, тем более, что солдаты взбрыкнулись и на второй "этаж" скалы лезут. Один Стефанчук остался, солнце, хоть и январское, а полуденное - сильно греет, бежать, воевать мешает. Поднапрягся майор, догнал солдат, решил облагодетельствовать:

- Всем, - кричит, - снять бушлаты. На обратном пути заберем! Тут бою на полчаса.

Ничто так сильно не расслабляет в бою, как заминка. Это как с женщиной в ответственный момент: вот все, она твоя, а тут - бац, звонок в дверь... Солдаты сбросили с себя бушлаты, парят под солнцем, а Стефанчук опять "Вперед!" орет.

Взобрались на третий уступ солдаты. Духи, слышно уже, визжат, орут, из миномета долбят по шурави, но те пока скрыты от них. Вот сейчас и было время залечь и вызвать вертушки, даже солдаты ему, майору, подсказывать стали. Нет. Вперед. Не перечь мне, обезьяна! Вперед!

Последним карабкался Стефанчук, перед ним мелькали подошвы "Арены" нахальные такие подошвы кроссовок, неуставные. В свое время Стефанчук такие раздолбоны устраивал офицерам и солдатам за неуставняк... Хорошо Веревкин подсказал, что раздолбоны, оно, конечно, вещь пользительная, но в определенных условиях. Когда три дня назад утром Стефанчук вышел проверять роту в "адиках", солдаты почти с любовью посмотрели на него и с его же позволения кинулись вынимать из тайников кроссовки и переобуваться, сбрасывая с себя абсолютно непригодные в горах ботинки на гладкоскользкой подошве.

Сопя, майор с трудом поднимался на каменный выступ, и тут соскользнула нога на ледышке и рухнул бы вниз Стефанчук, но сильно обхватила его запястье рука впереди карабкающегося солдата и помогла удержаться. Влез Стефанчук на выступ, сердце испорченным будильником верещит. Солдат уже дальше лезет, назад не оглядывается, а майор ему вслед: "Спасибо! Не забуду".

Поднялись еще выше, а там дело к рукопашной идет, ломятся солдаты стеной - благо пулемет заткнули, а от миномета в таком бою толку, как от тех самых ботинок в горах. Но дух, который минометом заправляет, один черт, плюется снарядами, и сшиб он каменюку со скалы, и рухнула она на Витьку, того самого солдата, что выдернул из лап смерти (ой, каких холодных!) Стефанчука. Видел это майор, видел. Но слишком уж плотным показался ему огонь душманов. Залег Стефанчук за камнями и прицелился из автомата. Но куда стрелять? Солдаты как шли стеной, так и смели духов, всего-то десяток их был. Стефанчук стрельнул для порядка в небо весь магазин и покарабкался вверх к солдатам.

Начинало уже темнеть. Не полчаса понадобилось для боя, а почти пять часов. Потеряли десятерых. Вертушки вызывать майор запретил, приказал трупы взять, собрать трофеи и спускаться вниз. Солдаты почти в открытую огрызались, со злобой собирая духовское оружие и сбрасывая его вниз. Оставили только три автомата и красивый маузер с деревянной кобурой, который Стефанчук тут же нацепил на себя. Взвалили солдаты трупы товарищей на плечи и сунулись было вниз. Ан нет! Духи-то, капкан закрыли, и без бинокля видно как они, хитрюги, безоткатки на прямой прицел вывели. Что тут началось! Дым, огонь, грохот, осколки, то ли снарядные, то ли каменные над головой шныряют. А главное, что обидно, из автоматов бить по ним бесполезно, все равно, что из трубочки пшеном плевать. Миномет бы... да нет его... улетел вместе с парой РПК вниз со скалы, да вдребезги... Не рискнул Стефанчук солдат вздрючить за это. По связи вымолил майор вертушки, а ночь - вот она подлая, все темью укрыла, да морозцем прижимать стала. Духи понимают, что вниз шурави ходу нет, но для острастки через некоторые промежутки лупят по скалам, головы поднять не дают.

До утра промерзли на голом камне солдаты, отмораживая носы и уши, руки и ноги. Будет работка хирургам! Стефанчук всю ночь глотал спирт, спрятавшись за штабель трупов. Так и грелся всю ночь. К утру надрался в стельку. Растолкал заиндевевших солдат, но они лежат, не шевелятся, только постанывают от боли, глаза не открывают. Понял Стефанчук - хана ему, если ничего не придумает.

Духи уже ушли, оставив после себя стреляные гильзы. От восходящего солнца прямо на Стефанчука шла пара вертолетов. Голова у майора хмельная, легкая в мыслях. Отошел Стефанчук в сторонку, за выступ скалы спрятался, вынул весь запас бинтов и ваты, приложил к мякоти ляжки и долбанул сквозь тампон из трофейного маузера. Ноге стало горячо. Маузер подальше

закинул вместе с кобурой и бинтами, испачканными пороховой гарью и кровью. Выполз из-за выступа и хрипит: "Духи!" Солдаты задвигались, как в воде: автоматы хватают, а руки не держат, вскочить хотят, а ноги не сгибаются.

Вскоре вертушки подлетели. Первая и вторая всех на борт взяла, как замерзшие бревна, на пол побросали людей. Третья подошла с другой стороны. Стефанчук показал, где оружие бросили, шмотки, и улетел в Кандагар.

Не нашли ничего внизу солдаты из спасательной группы, все духи с собой унесли. Возвращались назад и услышали - стонет кто-то. Бросились искать, нашли Витьку живого, но почерневшего, с лицом и руками помороженными. Погрузили и его в вертолет и полетели в Кабул с дозаправкой в Газни.

Лежал Витька в госпитале месяц. Две недели в себя не приходил , лежал, глаз не открывая и слабо дыша. Доктора уж и рукой махнули - вряд ли... Оклемался Витька, но молчит, ничего говорить, не хочет, да и не может. Через месяц его отправили в Ташкент, в триста сороковой госпиталь.

Стефанчук проявил себя героем, даже в госпиталь не лег. Пулю из него вынули и опознали в ней вражескую, из маузера, хотя и дивились эксперты из особого отдела, слишком уж в упор стреляли. Но свидетелей нет, а на нет... Стефанчук доложил "как все было" командиру и пошел к себе в строевую часть похоронки и отпуск себе оформлять. Не дрогнула рука офицерская даже тогда, когда подписывал сопроводительные бумаги для военкоматов на организацию бесплатных похорон, не дрогнула даже тогда, когда вспомнил он того солдата, что из пропасти его выдернул, а потом под камнем лежать остался. Кесарю кесарево.

Витькины затерялись документы, нет нигде. С одеждой изгаженной, окровавленной сгинули его бумаги, историю болезни ведут бесфамильную. Молчит солдат, хотя по глазам видно, что все соображает-понимает. Лежит Витька в белой палате, в белой постели, уплетает все подряд, все вкусно. И стукнуло его в голову: "Мама", а чуть погодя: "Папа!" и брата вспомнил, и всех бы родственников так пересчитал, но вырвался из него крик: "Домой хочу!" Засуетилась дежурная сестра, побежала к ординатору. А из Витьки прет двухмесячное молчание, обо всем рассказать хочет. Хорошо хоть укол ему дали, уснул солдат.

Через две недели дали Витьке месяц отпуска с учетом дороги, выдали новую парадку, сухпай на три дня, помогли взять билет на поезд в общий вагон. И протрясся Витька в поездах до своей родной Сибири. Благо люди добрые везде есть, не дали с голода напухнуть. Развеселые нефтяники и водочкой попотчевали, но плохо стало Витьке, и не стал он пить больше. Ребята пытались

разговорить Витьку, но он отмалчивался, и ночью пришел поезд на любимую таежную станцию центр Витькиной вселенной. Вышел Витька на заснеженный перрон, с мартовской коркой льда, сунул руки свои страшные, без ногтей, в карманы шинели и зашагал по знакомой темной улочке к своему дому, выбросив напрочь из головы то, что через три недели должен явиться назад в Кандагар.

Не знал Витька, что уже прошел с той поры месяц, как похоронили его родители и ежедневно они обивают порог военкомата, выясняя, когда же тело его пришлют, ведь в похоронке сказано "погиб", а не "пропал без вести". Не знал еще Витька, что после отпуска мать его увезут в районную больницу и похоронят ее очень скоро - не выдержит материнское сердце. А в отпуск его не отпустит подполковник Стефанчук, поясняя это тем, что до дембеля три месяца осталось. Пока совсем вернется домой Витька, младший брат уйдет в армию и попадет в Киев, на Чернобыль. Не зная, что у отца ноги после смерти матери откажут, носить перестанут. Всего-то два месяца батя порадуется на здорового, живого Витьку и уйдет вслед за мамой.

В девяносто втором летом будет отдыхать Витька в Старой Рузе в реабилитационном центре для афганцев и встретит там полковника Стефанчука, вмиг узнавшего Витьку и быстро уехавшего из санатория неизвестно по какой причине.

Глава 8. Игорь

Игорь дружил с Витькой уже почти год. Раньше друг на друга почти не обращали внимания. А однажды вместе попали в плен к духам. Глупо попали, у самого подъезда к кандагарской зеленке. Застучал двигатель "Урала", и Игорю пришлось остановиться.

Колонна дальше пошла. Ремонтная машина подскочила, прапорщик, начальник ремонта, ругается. Да и как не ругаться. Двое суток шли колонной из Газни ничего. А здесь уже почти дома - и на тебе. Охранение боевое тоже укатило. Да и что охранять, склады ГСМ под носом. Машины с поста видны, как на ладони. Витька - водитель ремонтной машины -вытащил из кузова ящик с инструментом, и ребята начал колдовать над заупрямившимся "Уралом". Все излазили ребята, нашли причину, устраняют. Прапорщик ушел на склады за свежей водой, сказал, что туда и обратно и чтобы они машину к тому времени на ноги поставили. Рядом с машиной ребятня афганская кружится, бакшиш у шурави клянчат. Игорь отдал им свой оставшийся сухпай, а Витька почти полную пачку "Памира" бросил. Пацаны визжат от радости, но не уходят, еще попрошайничают. Ничего нет у солдат больше. Хэбэшки с себя сбросили да в кабину

спрятали, а то не углядишь - враз детвора утянет, отчитывайся потом перед старшиной. Возятся Игорь с Витькой, гайки крутят ничего вокруг себя не видят. Одуревшее солнце металл плавит, прикоснуться не дает, но у Витьки на этот случай - всегда есть несколько пар холщовых рукавиц. Спрыгнул Витька с подножки, другой ключ понадобился, а Игорь гайку прижал и ждет, когда же Витька, наконец, ключ принесет. Заметил вдруг Игорь, что тишина наступила и холодом отчего-то по всему телу повеяло. Отпустил Игорь проклятую гайку, что никак не хотела на место встать, и выпрямил спину. От усталости и неудобной позы в глазах разом потемнело, и поплыли перед глазами фигурки микроскопные, прозрачные. Схватился за зеркало Игорь, прошла мгновенная слабость, и увидел он Витьку, лежащего в пыли вниз лицом, а под левой лопаткой у него узкий напильник торчит. Слетел с машины Игорь - про автомат свой, что в кабине лежит, вспомнил, но прежде к Витьке кинулся. Только наклонился над телом товарища, как почувствовал на шее веревку. Еле успел под петлю пальцы просунуть, как сильный рывок протащил его по бетонке, обдирая до костей спину. Перед тем как удар в лицо вышиб из него сознание, увидел он двух бородатых мужиков, а неподалеку от них стайку притихших пацанят-попрошаек.

Очнулся Игорь под вечер. Солнце садилось за знакомые очертания гор. Руки стянуты сзади крепко-накрепко, во рту промасленная тряпка торчит. Стертая спина горит огнем. В голове гул тошнотворный. Осторожно заворочал по сторонам головой Игорь. В подвальной темноте глинобитного домишки разглядел Витьку, также связанного и таращившего глаза. Попробовал Игорь кляп изо рта выпихнуть, но духи еще сверху веревкой перетянули. Витька упал на бок и, извиваясь червяком, пополз к Игорю. Придвинулся вплотную и зашептал:

- Влипли мы, Игорек!

Как будто Игорь сам этого не понимал, но замычал согласно, как, мол, ты от кляпа избавился? Да пока Витька полз к Игорю, веревка чуть сползла с кляпа, вот н выплюнул его. Чуть постанывая от боли, потянулся губами к Игорю, как будто поцеловать его хотел. Впился зубами в веревку, охватившую лицо Игоря, и начал ее расшатывать, ослаблять ее узел. Веревка толстая, крепкая, противно скользила под зубами. Наконец, Витька справился с нею, начал тянуть кляп. Игорь изо всех сил толкал распухшим языком вонючую тряпку, и, как только она выпала, попытался сплюнуть противный привкус. Но наждачный язык только ободрал сухое нёбо.

Сколько ни бились, сколько ни елозили ребята по глиняному полу, никак не получалось у них растянуть и распутать зубами

хитроумные духовские узлы, только подсыхающие раны опять кровью наполнились и больно ныть начали. Сели тогда плечом к плечу солдаты и тихонечко зашептались. Витька рассказал, что как только он за ключом спрыгнул, над ящиком наклонился, увидел, как тень мелькнула, и острая боль пронзила под левой лопаткой. Всего лишь чуть успел Витька отклониться, но эта малость спасла жизнь. Под другим углом, не в сердце, вошло жало напильника, по ребрам скользнуло, убить не убило, а сознание выбило.

Рассказал и Игорь свою грустную историю. Заскучалось ребятам. Жизнь к концу подходит, а даже закурить нельзя. Понимают, что если уж к духам попали в руки, живыми не уйти. А обиднее всего то, что из окошечка незнакомые горы видны. По изгибам вершин точно определить можно, где стоит их полк, да и не только полк, но и палатка где родная - сказать с точностью до метра можно.

Вскоре стемнело. Руки и ноги занемели до деревянности, хоть и пытались ими шевелить по Витькиному совету. Начали было говорить о доме, но только тошно стало, хоть вой на луну, такую огромную, ясномордую, чем-то на кантинщика Али похожую. Услышали ребята, как где-то неподалеку мулла проплакал призыв в вечернему намазу. Значит, уже скоро. Как только перед Аллахом за день отчитаются, так за ними и придут правоверные господа мусульмане.

В абсолютной тишине, остро ударив по нервам, скрипнула расшатанная дверь. В комнату ввалились несколько человек. Первым вошел тот самый мужик, что чуть не вышиб мозги из Игоря. В руках у него светила "летучая мышь". Видно, сильно душманов обидело, что шуравi, не уважая их труда, кляпы изо рта повытаскивали. Ох, и били же солдат. Пинали их ногами, хорошо хоть чувяки мягкие, но все равно пытались побольнее пяткой врезать, Игорь долго не мог сознание потерять, желая этого больше всего на свете. Витька тоже хрипел, вполне осознанно, сквозь новый тугой кляп. Когда хрустнула лучевая кость у Витьки, тогда только он замолчал, безвольно перекатываясь телом под футболящими ногами. Игорь прижимал локти к ребрам, втягивал по-черепашьи голову в плечи, подтягивал колени к груди, но все это мало помогало. Вспышки боли пронзали до удивления ясный мозг. Игорь понимал, что боль в боках - это сломанные ребра, не дающие глубоко вздохнуть между беспорядочными ударами. Наконец, он отключился. В голове что-то ярко вспыхнуло, наливаясь белым светом, и тут же погасло.

Игорь приоткрыл глаза. Сквозь распухшие веки при

керосиновом свете лампы увидел он порыжевшие носки мягких сапог с трещинкой у самой подошвы, попытался приподнять голову, но треснувший носок сапога врезался чуть пониже глаза, и новые удары многих ног сбросили Игоря в тот черный тоннель, из которого он только что пытался выбраться.

В следующий раз Игорь открыл глаза, когда услышал (как будто сквозь вату) стрельбу. Безучастно наблюдал он за размытыми фигурами, мечущимися перед его глазами, то наплывая, то исчезая, удивляло только то, что почему-то смотрел он на все вниз головой. Потом в госпитале Витька рассказал, что духи собирались увезти их в горы, перекинули уже через седла, сами уже на коней сели, да налетели ребята прапорщика Белова с ним во главе и крепко дали духам, те не успели смыться.

Отлежались ребята в госпитале больше месяца, срослись поломанные кости. Пока валялись на больничных койках, посещали их строгие офицеры - особисты, но ничего не сумели вменить солдатам, отступились, слишком малый срок для предательства, всего четыре часа в плену побыли. С тех пор и стали не разлей вода Игорь и Виктор. Продолжали ходить колоннами из Кабула на Газни, из Газни на Кандагар, из Кандагара на Шинданд. Везде, где могли пройти колеса машин, побывали они в Баграме, Мазари-Шарифе, Саланге, Лошкаревке, Черикаре. Во сне видели эти маршруты.

В этот раз шли из Шинданда на Кандагар, везли двадцать тонн огурцов и помидоров, которые в качестве шефской помощи Ташкентский горком комсомола выделил. Не только, конечно, фрукты-ягоды везла колонна из пятидесяти грузовиков, но и доски, и кирпич, и цемент - все, что нужно для постройки модулей.

Как всегда впереди шел на пониженной скорости танк с тралом впереди, и время от времени тяжеленный металлический каток с легкостью мяча подскакивал на разорвавшейся мине. Над колонной со свистом носилась пара "МИ-24", зорко следящая за сопками и близкими к дороге кишлаками. Дорога была хорошо известна Игорю, но это нисколько не расслабляло, потому что ее рельеф бесконечно принимал новые очертания благодаря минной войне. Задача была одна - держать колею. "Урал", который вел Игорь, шел последним в тяжело груженной колонне, за ним шли пять порожних грузовиков, ремонтная Витькина машина, а за ней катил БТР, ни на миллиметр не сходящий с пробитой идущими впереди машинами колеи. Впереди Игорь увидел вспухающее облако разрыва, и тотчас же последовала команда остановиться. Игорь нажал на тормоз и закурил, поглядывая в зеркало заднего обзора. Приказали всем заглушить, двигатели и погрузить мешки

с цемен том с подорванной машины на запасную. Подождали пока танк пробьет новую колею для прохода пустой машины и быстро стали перебрасывать тяжеленные мешки из кузова в кузов. Игорь видел, что Витька с другими солдатами из ремвзвода, торопясь, снимал колесо, вывороченное взрывом из переднего моста машины. Когда закончили погрузку, начальник колонны - майор - отогнал ремонтников от машины и, щелкая затвором "ФЭДа", начал снимать машину со всех сторон, стараясь избегать при этом попадания в видоискатель номера.

Все понимали, что командир делает снимки впрок. Дело в том, что подорванную машину, если она полностью вышла из строя, очень трудно списать. Для этого нужно оформить гору документов. Проводятся расследование, опросы свидетелей, требуются фотоматериалы. О чем думают там, в Министерстве обороны?! Это хорошо сейчас, обстрела нет, и командир снимает и снимает, а бывает, что голову не высунешь, и, рискуя жизнью, лезут люди под огонь, оправдания для себя добывать.

Колонна пошла дальше, змеей проползая мимо подорванной машины, ремонтников и БТРа, оставленного для прикрытия. Вертолеты нетерпеливо сновали над колонной, изредка выстреливая желтыми вспышками тепловых ракет и постреливая из пулеметов в какую-то видимую им одним, цель. Проезжая мимо Витьки, понуро стоящего у машин, Игорь коротко гуднул и махнул рукой, Витька в ответ что-то прокричал и тоже помахал .

Часа через три отставшие догнали колонну на привале. Витька пришел к Игоревой машине и устало плюхнулся в пыль, прислонясь спиной к заднему колесу, от которого падала тень. Подошел Игорь, не скрывая радости, хлопнул Витьку по плечу, вынес из кабины сухпай и термос с горячим отваром из колючки. Обедали быстро. Съели банку минтая в масле, банку сгущенки с галетами, запивая все это желтым антисептическим отваром. Покурили Витькины "Мальборо" из НЗ. Всегда курили их, как только Витька догонял колонну. Традиция такая появилась у друзей. Подошел к ребятам испуганный солдат-водитель подорванной машины. Страх до сих пор так и сочился из глаз. Молодой, не обстрелянный еще. Первый раз в рейсе.

- Спасибо, товарищ сержант. Ты извини, что не смог вести машину. Испугался сильно. Руки, понимаешь, трясутся.

- Да ладно, садись, кивнул Витька. - Есть хочешь?

- Нет, спасибо, не лезет, - жалко улыбнулся солдат. - Я бы покурил.

Витька протянул ему пачку. Солдат присел рядом с ним и, с интересом разглядывая быстро тлеющую сигарету, медленно затягивался. Покурил, с виной в голосе сказал:

- Ну, я пойду. Спасибо, - поднялся с земли и пошел, неловко переставляя ноги, всей своей фигурой выказывая неловкость от того, что его воинскую работу выполнил другой.

После привала шли уже второй час. Машины втягивались в неглубокое ущелье с обширными зарослями зеленки. Вертушки продолжали молотить знойный густой воздух желто-зеленого неба. Жаркий ветер ничуть не помогал избавиться от тяжелой духоты в кабине, густо пропахшей бензином. Автомат дребезжал в зажиме. Игорь пожалел, что забыл подтянуть винты. Вел Игорь машину, а в голове роились разные мысли. Есть тайна одна у Игоря. Он никому не открыл ее, даже Витьке, стыдно почему-то было. Дело в том, что в Бога поверил Игорь. Ну, может не поверил, а все же...

Зажали однажды колонну духи перед Баграмом. Молотили со всех сторон из пулеметов, минометов, безоткаток, автоматов, базук и прочей стреляющей дряни. В клочья рвали машины и людей. Вертушки пытались сверху отбить нападение. Да куда там! Одну сбили духи почти сразу. Видел Игорь, как метнулась какая-то штуковина к "восьмерке", волоча за собой длинный дымный хвост, и врезалась в правый бок вертолета. Моментально вспыхнула машина, превратилась в ярко-красный шар с черными полосами просветов и рухнула камнем в голову колонны, прихватывая два "Урала". Вторая вертушка еще побесновалась над духами, отстреливаясь тепловыми ракетами, а потом легла на левый борт я, блеснув под солнцем блистерами, ушла от боя в сторону баграмского аэродрома видимо, боекомплект закончился. Что тут началось! Духи палили бесконечно, лупили по почти беззащитной колонне, хотя солдаты и огрызались автоматным и редким пулеметным огнем. Бээмпэшки почти сразу же подбили, и они дымили, бесполезно задрав к небу пулеметы. С ГАЗ-66 тоже вначале квакал "Василек", метая в духов мины. Но духи спокойно брали колонну в кольцо и очень быстро разнесли газон в куски. Игорь залег за передними колесами, пробитыми уже в самом начале боя, и выцеливал автоматом метавшиеся невдалеке фигуры. Скоро патроны закончились. Понял Игорь, что из колонны уже никто не стреляет. Духи шли уже в открытую, простреливая насквозь притихшую истерзанную колонну. И было в их наступлении что-то такое неумолимое, что стальным штырем пронзило сердце Игоря. Посмотрел по сторонам Игорь - никого

живого не увидел. Дымит колонна, языки пламени подбираются к его машине, а в ней снарядов нурсовских три тонны. Онемел от страха липкого Игорь, шевельнуться не может. А задний борт чадить начал. Детство почему-то промелькнуло перед Игорем, да так быстро, но очень, ясно, а губы одеревеневшие сами по себе непослушно зашептали:

- Господи, спаси и помилуй.

Даже испугался Игорь, что это такое он бормочет. А сам выполз из-под машины, в кабину юркнул, бушлат из-за сиденья выдернул и метнулся к уже вспыхнувшему борту. Начал пламя сбивать, а духи увидели и перенесли весь огонь на него. Пули свистят вокруг, в землю зарываются, дрожа от злого нетерпения, откалывают щепки от досок, ослепить пытаются Игоря. И тут уж совершенно несуразное выкинул Игорь. Плюхнулся на колени, коряво перекрестил себя, зашептал где-то слышанные слова:

- Господи наш, Иисусе Христе, Спаситель, спаси и сохрани...

Потом опять вскочил на ноги, и показалось Игорю, что сияние от него какое-то исходит и пули от него отскакивают. Сбил пламя Игорь, для верности еще, из канистры водой залил. Тут вертушки налетели, задали жару духам, отбили остатки колонны. Потом танки оттаскивали побитые машины, перегружали грузы. Работал Игорь молча, а сам все думал, что же происходило с ним? Машина его была буквально изрешечена. Витька головой только качал, удивлялся и все на друга поглядывал, странный он какой-то.

Задумался Игорь, пропустил команду "Стой". Хорошо интервал между машинами есть, а то так бы и врезался в идущую впереди. Бросил ногу на тормоз. Только теперь понял, что стреляют. Из зеленки стреляли по колонне, но жидко как-то, неумело. Танк с тралом уже несся в сторону зеленки, на ходу всаживая в нее снаряд за снарядом. Вертушки, суетливо заходя в разворот, тоже лупили из подвесок по невидимому врагу. Игорь выхватил из зажима автомат и спрыгнул на землю с левой безопасной стороны. Водители остальных машин уже лежали под колесами, выставив стволы автоматов наружу. Игорь посмотрел в хвост колонны. Какая-то машина уже затянулась плотным шлейфом черного дыма. Ветер налетел и пригнул к земле завесу. Игорь увидел горящую Витькину машину. Он кинулся к ней, пригибаясь к земле, когда оказался на открытом месте между машинами. Добежал, попробовал открыть дверь, но ее заклинило. Он вскочил на подножку. Через открытое окно увидел, как Витька отчаянно выдирает ногу, зажатую между педалью и вмятым металлом кабины. Игорь влез через окно в кабину, развернулся спиной к Витьке и высадил обеими ногами дверцу. Потом сунулся

вниз и стал тянуть Витькину ногу, одновременно надавливая головой в каске на выпученный металл. Обдирая ногу в кровь, со стонами и воплями Витька освободился. Игорь вынырнул из кабины и протянул руку Витьке. Но Витька встал на подножку и потянулся за автоматом.

Вдруг со стороны зеленки раздался грохот, и один-единственный снаряд, успевший вылететь из безоткатной пушки, тут же раздавленной гусеницами танка врезался в машину Витьки. Игоря отбросило на землю выбив на время дыхание. Крыша кабины оторвалась и острым лезвием сорвала с плеч голову Витьки, которая плюхнулась на колени уже поднимавшегося со спины Игоря. Тело Витьки, нелепо корчась, сползало в пыль, поливая все вокруг, кровью, свертывающейся в ярко-пыльные шарики. Игорь сидел и смотрел в лицо друга. Широко открытый рот, полуприкрытые глаза смотрели на Игоря с укоризной:

- Что ж ты, дружище?! Что ж ты раньше-то не подошел...

Скрежет порванного железа все еще стоял в ушах Игоря, в голове у него что-то щелкнуло. Игорь крепко прижал к себе голову Витьки и заплакал. Тщательно пытались отобрать голову санитары. Игорь плакал, ругался, прятал голову под гимнастерку. Так и увезли его в Кандагар, а оттуда отправили в Ташкент. Голову, конечно, отобрали, вложили ее вместе с телом Витьки в цинковый гроб и отправили "черным тюльпаном" домой.

Разгружали у продсклада ящики с огурцами и помидорами солдаты. Руководил ими прапорщик Веревкин, досадливо морщился и грязно материл шефов за семьдесят процентов гнили. Ведь видно же, что еще в Союзе половина сгнила. Мать вашу, шефы...

Игоря привезли в госпиталь. Солдаты-санитары отмыли его от крови, переодели в пижаму. Тут Игорь пришел в себя после укола, вернее, проснулся. Беспокойно ему. Нет Витьки рядом с ним. Засуетился Игорь, растолкал санитаров, ищет что-то. Понятное дело. Отправили его в зарешеченное психиатрическое отделение. Хорошо, что кто-то из раненых надоумил санитаров. Сунули они в руки Игорю глобус школьный, небольшой такой, размером с солдатскую голову, только ножку отвинтили, конечно.

Спокоен Игорь. Дружок его - Витька с ним. Обнял Игорь земной шар руками солдатскими, охраняет его покой. Беспокоится только тогда, когда баня, и глобус забирают. Вежливо со всеми разговаривает, вполне разумно, между прочим. Пришла пора выписывать Игоря домой. Сколько же можно? Уже почти восемь месяцев лечится. Оформили билет на поезд. Благо, он идет напрямую из Ташкента до города, откуда уходил Игорь в

армию, где живут его родители. В день отправления дали телеграмму, чтобы встретили сына.

Сидят Игорь с сопровождающим на привокзальной площади, ждут, когда объявят посадку на поезд. Сопровождающий уже бутылку "Чашмы" выпил, по нужде хочется. Огляделся по сторонам, никого рядом из военных нет, некого попросить за больным посмотреть. Не просить же гражданских - тайну военную выдавать. Слева от вокзала портрет Брежнева висит, очень на узбека похожего. Ручкой приветствует всех на русском и узбекском языках. Полиглот.

Взял сопровождающий за руку покорного Игоря, поинтересовался, не хочет ли в туалет. Отвел его на перрон, посадил на скамейку, приказал ждать его, а сам в вокзал кинулся.

Сидит Игорь на скамеечке, глобус поглаживает, о чем-то с Витькой толкует. Вдруг взвизгнули тормоза прибывающего на третий путь товарняка, ну очень похоже на полет снаряда взвизгнули. Холодно стало Игорю. Поднялся он со скамейки, по сторонам озирается. Тут как раз объявили, что на первый путь прибывает поезд, на котором поедет сейчас домой Игорь. Люди забегали, заторопились, узлы свои с чемоданами к платформе волокут. Игорёк между ними бредет, тревожит его что-то. Вот и локомотив идет. Мечется сопровождающий по платформе - нет нигде чокнутого.

Идет Игорь, а сзади него старуха торопится, в обеих руках по чемодану. Захотела бабка обогнать неспешащего солдата, толкнула его сердито. Разжались руки Игоря и заскакал глобус по асфальту да вниз на рельсы спрыгнул.

- Ви-и-и-ить-ка-а,- заметался Игорь и прыганул прямо под колеса налетевшего поезда...

Глава 9. Колька

Жутко... Жутко... Страх наползает липким потом, заставляя забыть о горном холодном воздухе, за десять минут до этого покалывавшем морозными иглами. Рев разрывов мин в близком ущелье заставляет сильнее (куда больше!) втягивать голову в воротник бушлата, теснее обхватывать заиндевевший автомат, глубже втискиваться в призрачное убежище - небольшую ложбинку за камнем, пробитую ежегодными весенними потоками воды. Теперь промерзшая ложбинка заполнена крупным телом Кольки. Метрах в семи от него, за камнями, покрытыми толстым слоем голубого искристого снега, лежит прапорщик Белов. Засада.

Группу сбросили с вертушек в трех километрах от нужного места. Маршрут прошли быстро, без затруднений, что в общем-то

немного удивило Белова. На восемьдесят процентов группа состояла из молодых.

По разведданным на этом участке горной вьючной тропы должен появиться караван с оружием из Пакистана. Реализацию разведданных возложили на Белова и придали ему свежесформированную группу "горных егерей", как их прозвал один из первых командиров роты. Так название и закрепилось за ними. На совещаниях у командира полка эту роту иначе и не называли. Название-то названием, да вот люди постоянно менялись. Хорошо, если по ранению, а то все больше "черными тюльпанами" домой отправляли. Раньше было хуже. Попадет в роту солдатик, а по физкультуре у него в школе "трояк" был, на гражданке крутым считался, портюшку по подъездам глотал, дурь курил, худо-бедно за себя мог постоять, особенно если толпой наваливались. А здесь... Эх, да что тут говорить! Еле на горушку вскарабкается и все - сдох. А по маршруту еще топать и топать, да не только топать, а еще груз свой тащить, да воевать надо. Дело в том, что ножонки слабые. Горы - не дискотека. Вот и проходили месяцы, пока молодые окрепнут, к горам привыкнут, приноровятся к ним. Теперь-то полегче. Замкомандира по физо выбил в Союзе тренажеры - доказал их нужность. Молодые с них месяц не слезают, колени накачивают, а потом уж с ними в горах легче.

Ждали в засаде уже три часа. Ни единого движения не улавливалось. Белов неслышной тенью проскальзывал по залегшей цепи из двадцати солдат, перебрасывался короткими фразами со "стариками", дольше задерживался с молодыми, чувствовал притаившийся страх у молодежи, пытался ободрить, настроить на предстоящий бой.

Ночное небо черным куполом висело над горами. Звезды по-сумасшедшему сияли, выжимая слезы из пристальных глаз взглянувшего на восток, откуда придет рассвет. Январский мороз давил, усиливая свою мощь ветерком. Тишина звенела. Люди старались лежать спокойно, только про себя ругали мороз и мечтали о кружке обжигающего чая. Изредка где-то далеко срывался со скал одинокий камень и катился вниз. Легко можно было пересчитать, сколько выступов имеет стена, по которой щелчками летел в пропасть камень, прежде чем пропадал в расщелине или ущелье. Однажды услышали рев сошедшей лавины. Подумалось: начался артобстрел. Но по скоро наступившей тишине и снежной искрящейся пелене, поднявшейся высоко в небо, поняли, что духи не атакуют. Колька поежился в своей ложбинке и невольно оглянулся назад на стену скалы, с которой они слезали к месту засады. Только отлегло, только

прошел первый испуг, как опять зарокотало. В первый миг почудилась опять лавина. Но нет. Вслед за ударом последовали еще и еще, зарыдали, заплакали в резком воздухе траектории мин, застрекотали автоматы и пулеметы.

- Как? Откуда узнали? - стучало в голове у Белова. - Что делать?

На извечный вопрос ответа не было. Пока не было. Белов окинул взглядом близлежащих солдат. Никто не вскочил, не вскрикнул, так же и лежали, заметно напружинив тела. Только шалопут Сережка Донцов, уловив взгляд прапорщика, оскалился в белозубой бесшабашной улыбке и едва заметно махнул ладонью в теплой двухпалой рукавице. Как-то спокойнее стало Белеву, прошла мгновенная паника. Задумался прапорщик:

- Почему же духи лупят по ущелью? Кто там? Может, наши?

Пришлось выходить на связь. Благо, грохотало здорово. Быстро настроившись. Белов доложил обстановку.

- Ничего не предпринимать. Ждать. При изменении обстановки - доложить! -глухо прогудело в наушниках.

Через десять минут, когда стрельба достигла тугого грохочущего вала, который катился из ущелья к вершинам гор, прапорщик опять связался с полком и получил приказ разведать обстановку, хотя сам уже отправил солдат.

К ущелью ушли двое: Колька Светлый и Сережка Донцов. Белов следил за их удаляющимися фигурами: гибкой и ловкой Сережкиной и крупной, приноравливающейся Колькиной.

Сережка дослуживал уже второй год, весной - дембель, привык к горам, даже полюбил их, несмотря на то, что горы всегда здесь приносили увечья и смерть. Нравилось Сережке испытывать свою силу и выносливость. Ловко, легко двигался он по горам. Безошибочно находил безопасные тропы, чувствовал необходимую устойчивость камня, нависшего над пропастью; запросто ориентировался в пещерных лабиринтах, хотя и жил в степном Казахстане. Почувствовал Сережка в Николае Светлом тягу и интерес к горам, поэтому и взял его сейчас с собой в разведку. Белов предлагал кого-нибудь из тертых ребят, но Сережка уперся и настоял на своем выборе.

Солдаты передвигались по узкой щели, в направлении боя. Колька быстро приладился к крадущимся шагам Сережки и старался повторять все его движения.

В Кольке боролись два чувства. Страх, который он испытал, пробегал ознобом по телу от попадавших в рукава и за воротник струек мороза, но его легко пересиливало чувство любопытства. Еще ни разу не был Колька в бою, но слышал, конечно, стрельбу, видел хищные хвосты " Стингеров", пытающихся врезаться в борт

вертушек, в одной из которых сидел он сам. Теперь он непосредственный участник событий.

Думал Колька о себе как-то отстраненно, словно видел все по телевизору. Чувство реальности ушло.

В конце каменного коридора, изгибающегося в сторону ущелья, уже видны были вспышки и красно - люминесцентная стена огня. Не боясь быть замеченными, ребята торопливо протискивались между теснящихся камней, задевая, за выступы касками и автоматами. Сережка добрался до расширившегося края щели и лег на снег. Колька притиснулся ближе к нему и улегся рядом. Под ними огромным провалом виднелось ущелье, широко раскинувшее щупальца трещин, наподобие той, в которой разместились разведчики.

Колька напрягал зрение, пытался разглядеть что-либо в ярких вспышках, мечущихся с одной стороны ущелья к другой и наоборот. Сережка внимательно изучал обстановку в прибор ночного видения, потом матюкнулся и сунул Кольке под нос трофейный американский бинокль. Колька ткнулся носом в специальное углубление и тут же отшатнулся от окуляров. На него вдруг накинулся ствол миномета, выплюнувший очередной снаряд. Калька вновь прильнул к биноклю и отчетливо разглядел в красном свете панораму боя. С левой стороны духи вели минометный огонь из пяти видимых орудий. Снаряды с воем неслись по восходящей траектории и плюхались беззвучно в стойком гуле на правой стороне ущелья, где на нешироком плато метались фигурки людей. Калька никак не мог понять, кто это. Люди на правой стороне огрызались редким огнем автоматов и ружей. Укрыться им было негде, только редкие камни могли служить защитой, но мины доставали всюду. Колька разглядел тропу, заваленную камнями, по которой могли уйти эти люди, по плотный огонь не давал им этой возможности.

Сережка толкнул Кольку в бок и махнул рукой назад. Ребята скользнули вниз, поднялись со снега, н Сережка, хохотнув, сказал:

- Во дают душары! Друг друга крошат- ослы...

Колька недоуменно взглянул на него.

- Да какая-то мелкая банда захотела караван пощипать, а те, видишь, по соплям им врезали. Хрен с ними, пусть долбятся, нам же легче потом будет. Ладно, пошли назад.

Колька опять шел за Сережкой. В голове проносились вырванные биноклем эпизоды боя. Он вспомнил взметнувшуюся вверх в снопе пламени фигуру человека, рядом с которой вспух разрыв. Еще одну фигуру, переломленную пополам на камнях засыпанной тропы...

Вернулись к своей группе. Сережка скользнул к прапорщику, доложил результаты, а Колька улегся в свое остывшее ложе.

Белов вышел на связь, в свою очередь доложил результаты разведки: караван имеет семь минометов (углядел же Сережка, посчитал по вспышкам), четыре пулемета, около сорока человек. А вот количество лошадей уточнить не удалось, их духи укрыли за валунами.

С той стороны приказали ждать караван, по возможности уничтожить его своими силами, а к рассвету подойдут вертушки.

Белов прошел по цепи, дал приказ пулеметчику ударить по каравану в голову и хвост, минометчикам двух орудий сосредоточиться на центре колонны, тем самым перекрывая пути духам вперед и назад и сея панику в середине. Остальные солдаты должны будут поражать уцелевших автоматным огнем.

Вдали стихал бой. Только поспешно трещали запоздавшие одиночные выстрелы. Тишина.

Колька вглядывался в угол скалы, прикрывавшей поворот тропы. Он вспомнил, как мальчишками играли на развалинах старых домов, окружавших новый район города. Делились на две группы. Устраивали засады. Пуляли друг в друга горохом из прищепковых самострелов и крупой из трубочек. Случалось, дрались. Помнил Колька сладкое чувство безопасности и безпроигрышности, когда пацаны другой армии, ничего не подозревая, пробирались между разрушенных стен в поисках противника. Колька всегда верховодил своей группой мальчишек - считался самым отчаянным и бесстрашным. По всем правилам военного искусства располагал своих бойцов, пытаясь предугадать маршрут противника, по обе стороны его движения, и, когда "враги" достигали критической точки засады, кричал страшным голосом: "Огонь!" Тут же из щелей высовывались стволы горохового оружия, и противник осыпался со всех сторон жалящими снарядами ...

Колька увидел на тропе первую лошадь. Она шла почти вплотную к скале, а по другому краю тропы шагал человек с автоматом на груди. Вслед за первой лошадью показалась вторая. Вскоре весь караван из семидесяти тяжело навьюченных лошадей растянулся по хорошо просматриваемому с места засады участку тропы. Душманы шли весело, разгоряченные успешным для них боем. Калька примерно прикинул размеры цепи и одновременно с классическим криком прапорщика Белова "Огонь!" мысленно дал команду на поражение противника своим пацанам из детства.

Пулеметы и минометы ударили в унисон, разом осветив тропу с остолбеневшими людьми и животными на ней. Колька поймал в прорезь прицела чалмастую голову одного из

погонщиков, задравшего ствол автомата верх, и ударил по ней короткой очередью. Душман взмахнул руками, далеко отбросил от себя оружие и упал под копыта взвившейся лошади.

- Есть, - совсем по-киношному подумал Колька и удивился тому, что ничего, кроме удовлетворения от удачного выстрела, не испытывал.

А караван внизу метался, как совсем недавно металась напавшая на них банда. Люди и кони смешались. Треск выстрелов и разрывов, крики отчаяния, ржание - все это странно возбуждало Кольку. Он водил автоматом по хорошо видным ему целям и, увидев пораженного им человека, с наслаждением всхлипывал: "Есть!"

Забывшись в угаре стрельбы. Колька высунулся из-за камней по грудь, выискивая все новые и новые цели. Вдруг по камням царапнула пуля и с густым упругим воем унеслась вверх.

- Вот черт! - подумал Колька. - Ведь могла же и в меня.

Его тряхнуло страхом. Он представил себе, как кто-то из духов вскрикнул бы: "Есть!", если бы лежал сейчас Колька с пробитой головой. Вот тут-то реальность зашумела в ушах Кальки, заставляя втиснуться глубоко за камни.

Духи опомнились от внезапной атаки и бросились к стене, под защиту неровностей скалы. Стрельба утихла. Прапорщик Белов сообщил в полк. До утра нужно было держать духов на месте, не упускать их из сектора обстрела до подхода вертушек. До рассвета оставалось час-полтора. Солдаты закурили, и в воздухе, который становился прозрачнее, потянулись тягучие, крепкопахнущие волокна табачного дыма. Колька не курил и поэтому пристально смотрел вниз на тропу, пытаясь разглядеть высовывающихся из укрытия духов. Тропа была завалена трупами людей и лошадей, тяжелыми вьюками, которые падали во время обстрела со спин животных с металлическим цоканием.

Покурившие и вроде бы отдохнувшие солдаты опять припали к своим щелям, выискивая цели, но духи высовывались редко, так как насыщающееся светом утро неумолимо приближалось, и любое неосторожное движение грозило смертью.

Белов никак не мог успокоиться. На духов не похоже, чтоб они так пассивно вели себя. По связи предупредили, что вертолеты подойдут минут через сорок. Оставалось только ждать.

Рассвет полностью охватил небо, заблестел нестерпимым сиянием на снегах, окрасил их в красно-розовый цвет, блеснул золотой полосой над отрогами Гиндукуша и вытолкнул огромное белое солнце.

У Кольки даже дыхание перехватило от этой впечатляющей картины. Грандиозность горной панорамы подавляла его. При

ярком свете тропа поразила Кольку безжалостностью смерти. В темноте все казалось бесформенным, слитым в одно целое. А сейчас он разглядел огромные ржавые пятна впитавшейся в снег крови, страшные позы мертвых людей, придавленных тюками и лошадьми. Один из душманов лежал на вьюке, безвольно свесившись руками и ногами. Голова его представляла собой кровавое месиво, смерзшееся в кошмарный шар из шелка чалмы и раздробленного черепа. Из ватной спины поднимались струйки дыма, и отверстия от трассирующих пуль все расширялись. У самого поворота скалы, из-за которого вышел караван, лежала еще одна лошадь, но только живая. Она поднимала голову, пыталась вскинуть передние ноги, но все ее попытки были напрасны. Калька находился в середине цепи, и край тропы хорошо открывался только ему. Он приложился к автомату, поймал голову лошади в прицел и выстрелил. Лошадь встрепенулась, легко вскочила на колени и с пронзительным визгом-ржанием стала валиться под откос. Большой вьюк, обтянутый грязно-серым брезентом, рванулся вниз, увлекая за собой животное и человека, который запутался рукой в узде. Духи под скалой грозно завизжали бесполезно паля в воздух.

Со стороны солнца показались вертолеты. Очертания двух машин размылись от яркости, но по мере приближения принимали четкость, доносили до людей свист и гул двигателей. Душманы вновь загалдели, и к вертолетам понеслись перекрещивающиеся линии очередей. Белов закричал:

- Всем укрыться...

Колька высунулся из-за камней и наблюдал за надвигающимися вертолетами до тех пор, пока не увидел струи пламени из подвесок. Он быстро опустил голову н обхватил ее руками, при этом понимая всю бесполезность этого движения, когда за спиной грохнуло сразу несколько взрывов и каменный щебень плеснулся на солдат.

Вертолетчики промазали. Дали залп поверх духов и чуть не смели со скалы группу Белова. Со следующего захода залпы ударили ниже тропы, и вертушки пошли на третий заход. Колька услышал мощный выстрел над головой с самой вершины скалы. Он выглянул в щель между камнями как раз в тот момент, когда снаряд, посланный духами, забравшимися высоко в горы, влетел сквозь блистер ведущего вертолета и блеснул разрывом внутри него.

Колька завороженно смотрел, как метнулись в разные стороны куски машины, как она, распухая огненным шаром, рухнула вниз. Вторая вертушка шарахнулась ввысь, паля НУРСами из подвесок по вершине горы, и водопад щебня

зашуршал по стене, срывая с нее снежный покров, засыпая площадку- Калька почувствовал, что его засыпало достаточно сильно. Он рванулся и легко выскочил из холмика, но теперь его ложбинка оказалась засыпанной, и защитный уровень камня, за которым он лежал, теперь едва прикрывал макушку каски. Колька беспомощно огляделся. Все солдаты лежали так же тихо и спокойно под кучами щебня, как перед самой вертолетной атакой, лишь осторожно освобождали головы, сметая с касок пыль, мелкие камешки. Белов, разъяренно жестикулируя, позвал Кальку к себе. Тот на четвереньках пополз было к прапорщику, но увидел Сережку, залегшего между большими валунами, и метнулся к нему.

Сережка имел способность устраиваться как можно более комфортно в любой ситуации. Вот и сейчас камни окружали его со всех сторон и щебень задерживался, не засыпал Сережку, как всех остальных.

- Что ж ты. Колек... Раз засыпало - лежи, не шевелись, - хлопнул Кольку по плечу Сережка, - Представляешь, какой толщины бронежилет над тобой? Ведь зашита! А ты дергаешься. Хорошо еще, что обстрела не было, а то бы - крышка.

Пока Калька менял позицию, духи угодили из базуки в хвост второй вертушки. "Восьмерка", заваливаясь на правый бок, уходила между горами прочь от группы Белова. За вертушкой тянулся негустой черный след. Духи внизу ликовали.

Белов сообщил в полк. Оттуда его злобно выматерили, обвинив в том, что он не выставил дозоры на возможных подходах к группе. Прапорщик понимал всю несправедливость этих слов: людей в его группе как раз хватало на то, чтобы успешно провести бой из засады, но спорить было бесполезно. Теперь оставалось только ждать. А сколько ждать? Очевидно, до завтрашнего утра. Первым делом нужно организовать оборону, и прапорщик с головой окунулся в решение неотложных задач..

Вот она, война! Недавно были охотниками, а теперь сами стали дичью. Белов, зная повадки духов, выставил пост у щели тропы, сквозь которую они ночью спустились к месту засады. Духи сверху так просто не уйдут, всячески будут помогать оставшимся внизу. Второй пост оставил у среза площадки контролировать движение на тропе. Остальным солдатам приказал приткнуться к стене скалы под выпуклости.

Солдаты стеснились у стены - и вовремя. Сверху духи сбросили несколько валунов, но они, не причинив никому вреда, гулко рухнули на площадку и, подскакивая, скатились вниз. Солдаты нехотя жевали холодную тушенку, молча курили. Спать хотелось зверски. Белов разрешил спать, а сам еще раз связался с

полком. Колька не спал. Панорама гор, гораздо более высоких, чем они казались ночью, приковывала к себе. Яркое солнце пригревало, и от солдатских ватников валил пар. Когда-то Колька был в горах, но в цивилизованных краях. Промок пошел в гостиницу, переоделся, согрелся. А здесь... Задремал Колька, а через два часа разбудил его Сережка. Прапорщик послал их двоих сменить наряд у тропы.

Колька поплелся за Сережкой, еще не совсем проснувшись. Предыдущий наряд ушел, и Сережка с Колькой уселись в их логово. Но деятельная натура Сережки заставила их обоих собрать крупные камни и выложить что-то вроде крепостной стены, прикрывающей тропу. По задумке архитектора в ней были, как и полагалось, амбразуры, дающие возможность для широкого наблюдения за тропой и обстрела. С площадки слышалась стрельба, видимо, нижние духи сделали попытку пробиться дальше по тропе. Внезапно что-то грохнуло, и, едва ребята упали на землю, снаряд из базуки врезался в кладку. Сережка вскочил на колени, высунул ствол автомата в амбразуру и, ничего не видя в каменной и снежной пыли, зачастил выстрелами. Калька сунулся к другой щели и тоже нажал на курок. Пули злобно защелкали, взвыли рикошетом, беспорядочно заметались по всей длине расщелины.

Утихло. Пыль быстро осела. Сережка весело выругался, а Колька остолбенело молчал. Вдруг сзади раздался голос Белова:

- Психуете? Что за дела?

- Веселимся, - повернулся к нему Сережка. - Ослы из базуки стрельнули - а тут ловить нечего.

Колька тоже повернулся к прапорщику, с одобрением осматривавшему сооружение. И опять грохнул выстрел. Солдаты вновь застрочили. К ним присоединился Белов, предварительно швырнув гранату. Она метнулась через стену, несколько раз задела боками о камни и рванула метрах в десяти от баррикады. Опять тишина.

Сережка услышал стон. У плавного поворота он увидел ствол брошенной базуки и руку, тянущуюся к ней. Сережка полоснул очередью по руке и рывком перескочил через стену.

Белов закричал:

- Стой... Назад, назад... Ты куда? Но Сережка уже несся к базуке. Подскочил к повороту, схватил оружие одной рукой, левой навел автомат на духа и добил его, выглянул за угол и попятился назад, простреливая тропу перед собой. У стены он остановился, перебросил через нее базуку и повернулся спиной к тропе, чтобы перемахнуть через ограду к своим.

Духи выскочили из-за поворота, поливая очередями. Сережка

присел, сжался в комок, развернулся лицом к нападающим, но выстрелить не смог. Обожгла руку вражеская пуля, пронизала жгучей болью.

Белов лупил очередями по пригибающимся, но неумолимо приближающимся к Сережке духам.

-Серега, быстро лезь сюда, -звал прапорщик.

Колька целился сквозь амбразуру, но не стрелял: голова Сережки закрывала сектор обстрела.

Сережка перекинул левую руку через край стены, попытался подтянуться. Автомат скользнул ремнем вниз, вдоль раненой руки, вызвав адскую боль. Сережка наклонился, перехватил оружие левой рукой и, перебросив его через стену, попытался еще раз вскарабкаться на нее, поставив ногу в амбразуру Кольки.

Белов крикнул Кольке:

- Я прикрою. Помоги ему.

Колька отбросил автомат, хотел было подняться, но страх, тошнотворный, животный страх, притиснул его к земле. Не мог Колька оторвать себя от уютного убежища. Он ясно представил себе, как над срезом стены появляется его голова, и пули, учуяв жертву, впиваются в его лицо. Жутко. Жутко!

-Ну, что ты, гад! - орал Белов, продолжая палить.- Помоги же ему. Помоги же ты, сука.

Колька даже не пошевелился, занемел всем телом. Белов бросил автомат, вскочил на стену, схватил руку слабеющего, изрешеченного Сережки и потянул к себе уже мертвое тело солдата.

Вдруг прапорщик вздрогнул, секунду постоял и рухнул назад с развороченным лицом и перебитыми ногами.

Колька лежал оглохший, опустошенный ужасом. Через стену хлынули солдаты, выметая духов на самую вершину горы. Медбрат горестно мотал головой, осматривая еще теплые трупы Белова и Сережки. Потом подошел к Кольке, попытался перевернуть его на спину, думая, что и он мертв. Но Колька напрягся и не дал себя перевернуть. Медбрат все понял и выплюнул одно единственное слово:

- Дерьмо...

Глава 10. Олег

С самого вечера варан лежал на песке, широко раскинув мощные лапы и вытянув безобразную голову. Теперь уже приближался рассвет, вытягивая розовую нитку на горизонте. Древний зверь мудрыми глазами всматривался в очертания построек кандагарского аэродрома, с которого со звонким свистом взмывали в еще ночное небо один за одним вертолеты.

Знал варан, что нужно поскорее убираться отсюда. Где есть человек и его машины, там обязательно будут неприятности. Но это было любимое место "ящера" на протяжении долгих лет. Вот уже пять лет, как он мог приходить сюда только ночью, а днем убирался подальше в пустыню. Удивительно быстрым движением варан развернул свое длинное тело головой на восток, но свист летящей мины остановил его. Еще ни разу за столько лет войны варан не слышал так близко этого звука, поэтому он вновь замер, впитывая новую информацию о людях. Зря... Мина конечной точкой своей траектории выбрала имение варана. Сверкнул разрыв, взметнулись ошметки животного. Афганистан просыпался.

Олег встал рано, еще не было пяти. Вчера было очень много полетов. Вертушки до бесконечности взлетали и садились. Олег бегал к каждой из них, ловко выдергивал кассету с фотопленкой, на которой прописывались параметры полетов, вставлял другую и возвращался в лабораторию. Там проявлял эти пленки в огромном ведре с проявителем, затем, взглянув на обрабатываемую пленку в лучах света, определял достаточность или недостаточность проявления и перебрасывал пленку в ведро с закрепителем. За целый день набегался до изнеможения без перерыва на обед. Когда вернулись последние "восьмерки", у Олега хватило сил только на то, чтобы снять с них кассеты, сунуть в аппарат новые и добрести до своего топчана в этой же пропахшей фотозапахами лаборатории. Ночью постоянно преследовала одна и та же мысль: "Проснуться раньше, проявить оставшиеся кассеты". Олег знал, что с утра будут опять массовые полеты, и он просто зашьется на работе. Вообще-то одному здесь было тяжело, но остальные двое солдат улетели в Шинданд в командировку для обеспечения полетов полковых вертолетов. Под Шиндандом проводилась широкомасштабная операция по уничтожению огромных скоплений врага. Те двое улетели под командованием Малыша -прапорщика Малышева - добрейшего человека. Он всегда помогал своей группе быстро расправиться с проявкой и прочтением пленок. Олег только печально вздохнул, когда увидел на столе огромную кучу непрочитанных пленок. Был у него помощник, дембель Вовка Долгов, в принципе, неплохой парень, но по общему признанию - алкоголик. Действительно, не было ни одного дня, чтобы Вовка хоть немного, но не был бы выпившим. Где он доставал спиртное? А черт его знает. Где-то брал. Вчера еще Вовка набрался с утра, потом в обед приложился к фляжке со спиртом, а вечером уже не поднимался со своего топчана. Лежал на нем, улыбался в ответ на ворчание Олега, тихо напевал что-то себе под нос, потом уснул. С ним пытались

бороться и командир полка, и замполит, и начальник группы АФС (аэрофотосъемки) капитан Кулаков и Малыш. Но все было тщетно. Даже на импровизированной гауптвахте-яме, вырываемой в день ареста самим арестованным, Вовка умудрялся напиваться, чем окончательно сломил командира полка - боевого летающего полковника. На Вовку махнули рукой, и он, одинокий герой, продолжал свою службу. Олег читал уже седьмую пленку, записывая в журнал снятые параметры, когда Долгов, тяжело постанывая, поднялся с топчана и побрел к туалету, шаркая в пыли давно нечищенными ботинками. Вернулся назад он через полчаса уже навеселе, зато притащил с кухни горячую перловку с тушенкой и котелок чаю. Олег на ходу жевал, заряжая пустые кассеты, а Вовка взялся за чтение оставшихся пленок, отрываясь от них только для того, чтобы отхлебнуть из фляги. Олег с опасением посматривал на Вовку, боялся, что он не до конца выполнит работу, напьется раньше времени. Но Вовка работал быстро и четко, несмотря на принятую изрядную дозу спиртного.

Олег услышал двигатели заходящих на посадку вертолетов и выскочил из лаборатории. Вертушки садились парами. Сразу четыре машины зарулили на стоянку полка. К ним со всех сторон кинулись механики, сразу же набросились на свой узел вертолета. Олег заменил кассеты и вернулся в лабораторию. Пленки извивались в ведре змеями, неприятно прилипая к изъеденным химикатами рукам. Олег вынул одну на свет, и тут-то раздался ужасающей силы грохот. Вовка, уже дремавший за столом, выскочил из домика. Олегу ужасно хотелось сделать то же самое, но он не мог, так как пленки еще были в проявителе. Грохнуло еще раз тогда, когда Олег выходил из лаборатории. В конце взлетной полосы находились склады артвооружения, и именно над ними вставал огромный гриб взрыва. Дым клубился черной массой, поблескивая языками огня. Зрелище было потрясающим. Вовка и Олег зачарованно смотрели на все поднимающийся в небо сгусток взрыва, пока сверху не стали падать осколки растерзанного металла. Они падали под ноги солдат, шипели в бочке с водой, стоявшей рядом с лабораторией. Со стороны складов грохнуло еще раз, но уже не так громко как прежде, но этот взрыв принес целую стаю осколков поменьше, опаснее предыдущих, они шли параллельно земле на большой скорости. Мгновенно аэродромный порядок сменился панической суетой. Люди носились по взлетке, выискивая защитные места. Олег с Вовкой спрятались за большие жестяные контейнеры, но осколки легко пробивали их. Неподалеку от лаборатории находился пост афганского караула. Он представлял собой глубокую яму, сверху которой была натянута палатка. Ребята

бросились к посту. Там уже было полно людей. В основном летчики и технари. Испуганный ""зеленый" афганский солдат-часовой сжимал побелевшими пальцами автомат, шепча молитвы. Все сидели на земле, прямо в пыли. Олег увидел, что у большинства есть автоматы, и пожалел, что свой оставил в домике. Он тут же кинулся к ступенькам, ведущим из ямы, и побежал за автоматом. Еще раз грохнуло. Олег остановился. У него на глазах вертолет, с которого он только что снимал кассету, начал растекаться огромной лужей дюраля. Пламя невозможно было разглядеть под ярким солнцем, и что-то мистическое чудилось в тающем вертолете, прощально постреливающем разрывами боеприпасов. Горело сразу четыре вертолета, беспомощно оседая на бетонку. Олег встряхнулся и влетел в домик. Косые лучи солнца перечеркивали внутренность лаборатории сквозь пробоины. Олег сдернул с гвоздя куртки: свою и Вовкину, на ходу проверив, в них ли военные билеты, вытащил из-под топчана автоматы, перебросил их на спину и потянулся рукой к зеркальному фотоаппарату японского производства - монстру фототехники, гордости Малыша. Олег снял аппарат с полки и пошел к выходу, но звяканье в футляре "зеркалки" остановило его. Олег открыл кофр{21}. Аппарат рассыпался на три части, среди которых хищно поблескивал острыми гранями металлический осколок.

Олег вернулся назад в яму. Командир полка уже был там и распределял людей на спасательные работы. Олега с Вовкой отправили к самолетам "МИГ-21". Самолеты стояли почти у самых складов, и было удивительно, что они еще уцелели у клокочущей огнем чаши. Наваливались на самолет вдесятером. Быстро подкатывали "водило", цепляли к нему передние шасси самолета, один оставался рулить, а остальные толкали машину, обжигая руки о раскаленный металл. Отталкивали "мигарь" подальше от пожара, на него тут же налетали машины, поливали водой, что-то подсоединяли и проверяли. Олегу некогда было рассматривать, что делают с самолетом. Он бежал назад, к другой машине. Навстречу им катили самолет другие солдаты. Как только этот самолет удалился метров на десять от группы Олега, сзади проревел взрыв, валяя на землю и разбрасывая людей. Олег больно ударился локтем и, ругнувшись, посмотрел назад. Самолет пылал огромным факелом. Огонь легко и свободно рвался к небу, питая свою силу большим запасом топлива. Несколько горевших трупов корчились от жара рядом с остовом самолета. Олег увидел бегущего к нему человека, от которого хлестало пламя. Олег кинулся ему навстречу, но человек не добежал до Олега, упал на колени и повалился ничком. Его

одежда горела. Человек дико кричал. Олег оглянулся и увидел спешащего к ним Долгова с большим брезентовым чехлом от самолета. Вдвоем они быстро накрыли человека, и Олег побежал, размахивая руками, навстречу санитарной машине.

Склады горели почти весь день. Только к четырем часам вечера к ним смогли подъехать пожарные машины. Мощные струи воды и пены разбрасывали пожарище, разметали тлеющие ящики с патронами, НУРСами и гранатами. Редкие несильные взрывы на время прекращали работу пожарников. Когда огонь начал отступать, шипя и взметываясь на ярких головешках, в склады ринулись саперы. Они быстро обнаруживали взрывоопасные материалы и выносили их из зоны огня, складывали на машины и увозили прочь от аэродрома.

Закончив с самолетами, Олег с Вовкой вернулись в расположение своего полка. На складах еще звучали взрывы, ралбрасывая кругом уже неопасные осколки. Вокруг царила паника. Афганские солдаты ничего не хотели делать и во главе со своими офицерами молили Аллаха о спасении, стоя покорно на коленях. По пути Олег подобрал офицерскую афганскую фуражку с огромной кокардой, с ярко-красным гофрированным ободком. Олег покрутил ее в руках, удивляясь в который раз опереточному виду военного обмундирования "зеленых", и напялил ее себе на голову. Хоть какая-то, но защита от солнца. Вовка Долгов, не выпивавший с самого утра, приложился к бездонной фляжке и шел счастливый и улыбчивый. Солдаты из советского гарнизона метались по всей территории Кандагарското аэродрома, разбойничая и мародерствуя. Влетали в кантины, хватали все, что попадало под руку, выскакивали и неслись дальше, опустошая все на своем пути. Олег увидел "Волгу" афганского генерала, когда-то она сияла блеском черно-лакированного величия. Теперь она имела вид ободранной кошки. Ну ладно, стекла на ней разбиты осколками. А вот кто посрывал поворотники и бамперы, можно было только догадываться, тем более, что Олег увидел чью-то предприимчивую спину, усердно склоненную над передними колесами машины.

Вечерело. Все, ужасно уставшие, занимались подготовкой ко сну. Олег сидел у вечернего костра с ребятами с метеостанции - ждали, когда закипит вода для чая. Вовка уже просыпался и начинал медленно, но верно надираться спиртом опять. Подошли танки охранения. Танкисты приволокли мешок муки и один из них привычно начал готовить огромные оладьи с изюмом на прокаленном жестяном противне.

Уже стемнело. Тревога дня не проходила. Ребята с метеостанции толковали о том, что духи, конечно же, совершат

нападение, раз гарнизон остался без патронов. Как бы в подтверждение этого далеко грохнул малиновый разрыв. Олег сходил в домик и принес автоматы.

Вовка взял свой и положил его рядом с собой. Со стороны сгоревших складов доносилась стрельба. Солдаты молча жевали вкуснейшие горячие оладьи и запивали их крепким горячим чаем. К ним подошел капитан Баранов - начальник метеослужбы полка. Попил с солдатами чаю, покурил и, уходя, посоветовал танкистам быть внимательнее, подтверждая этим опасения солдат о нападении духов.

Костер угасал. Угли подернулись белой накидкой, чуть просвечивали сквозь нее глаза-огоньки. Вовка уже дремал. Олег рассказывал негромко одну из своих гражданских историй. Небо иногда озарялось редкими цветками ракет - красных и зеленых.

Внезапно небо рассекли огненные струи крупнокалиберных пулеметных трассеров. Со стороны складов опять затрещали длинные нервные очереди. Танкисты кинулись на броню. Остальные спрыгнули в глубокий окопчик, вырытый на досуге Олегом. Спрыгнули в него и примолкли, настороженно ожидая развития событий. Вовка покачивался, держась одной рукой за край окопа, а другой укладывал автомат перед собой. Издалека донесся мощный вой двигателей "Урала". Столбы света освещали то небо, то стены афганских крепостей, окружавших аэродром. Вдруг фары вынырнули из-за поворота и ударили светом по глазам солдат, спрятавшихся в окопе. Уснувший Долгов испуганно дернул курок автомата, и пули застучали по мгновенно завизжавшему тормозами "Уралу". Олег прыгнул к Вовке:

- Ты что, охренел?!

Но Долгов пьяно хохотал, саданул Олега прикладом в живот и опять пальнул в сторону машин. Из "Урала" вылетали солдаты и залегали в цепь, мгновенно ощетинившуюся огоньками выстрелов. Олег поднялся с земли, держась за ушибленный живот. Вовка заставил вылезти всех из окопа и приказал идти стеной на солдат из машины. Олег подобрал свой автомат, никак не решаясь выстрелить в Вовку, заговорил с ним. Но тот мгновенно озлобясь и выходя из пьяного забытья, заорал на Олега н повел стволом автомата на него. Олег вскинул свое оружие и, закрыв глаза, длинной очередью вспорол Долгова, ощутив на своих Щеках тошнотворно теплую кровь.

Афганистан засыпал.

Глава 11. Костя

Разгулялся, расшумелся ветер "афганец", превративший из

легкого дуновения в рассвирепевший натиск бури. Вначале налетал порывами, потом однообразно, тоскливо завыл, затем пошел резиновой мощной стеной. Летели бумажки , невесть откуда взявшиеся, спички и щепки, но самым неприятным и страшным летящим предметом был песок. Песок хлестал с силой по всему , что попадалось на его пути: по броне танков, дюрали летающей техники, парусине палаток. Неосторожно высунувшиеся на открытое пространство люди отскакивали в укрытие , вскрикивая от боли. Песок стегал по коже , моментально рассекая ее в кровь, забивался в самую ничтожную щелку, насквозь пробивал хэбэшную ткань. Если бы не забота технарей, полетели бы самолеты и вертолеты, но не легко и красиво , ведомые людьми, а безобразно и неестественно, ломаясь на бетоне взлетной полосы, подпрыгивая и круша свои стремительные хищные тела. Но механики знают свое дело, и техника крепко притянута растяжками к земле и зачехлена брезентом. Тросы растяжек тоскливо гудели, рассекая струи ветра. Лопасти вертушек чуть подрагивали, словно ожидали внезапного звука двигателей.

Привычная картина осенних ветров.

Ветер начинал свою работу около двух часов дня и неутомимо усиливался, усиливался и усиливался, сводя с ума людей своим упорством. В четыре часа утра внезапно наступала тишина, и обезлюдевший гарнизон оживал. Люди выбирались из палаток, измученные ветром и духотой, выходили на улицу а одних трусах, жадно втягивали в обожженные песком легкие свежий ночной воздух. Вытряхивали мельчайший песок из одежды, постелей, посуды. Техники шли и машинам, продували, прочищали, готовили самолеты и вертолеты к очередному боевому дню. Отдельные звенья восьмерок уже перемешивали воздух широкими лопастями винтов, унося в своих утробах людей на войсковые операции, продукты на дальние точки, да мало ли что может перевезти на себе этот незаменимый трудяга-вертолет МИ-8!

Оставшиеся на земле спешат в душевые кабинки, построенные из нурсовских ящиков, сверху которых приспособлен топливный бак от "мигаря". Люди стоят под холодными струями воды и пьянеют от наслаждения. Грязь и пот смыты с тел, и теперь дышится легко, и не хочется верить, что днем все начнется сначала.

Костя вернулся во взводную палатку первым. Сидел на кровати и чистил автомат. Шомпол вначале с трудом ходил по каналу ствола, но обильная смазка и ершик сделали свое дело, и шомпол залетал легко и свободно. Ветошью Костя снял излишки

зеленоватого масла, собрал автомат, защелкнул предохранитель и вставил полный магазин. До подъема оставалось еще больше часа, и Костя вытянулся на старом синем армейском одеяле. Кто-то из солдат приподнял с двух сторон полог палатки, и свежесть легким сквознячком хлынула внутрь, вытесняя затхлый воздух. Солдаты ложились и засыпали.

День тянулся противно медленно. Комбату пришло в голову провести строевые занятия. Рота уныло стучала каблуками ботинок по жалкому подобию великолепных армейских плацев. Их плац - это прочная корка пыли, залитая водой, как каток, несколько раз. Этим самым достигалась прочность необыкновенная. Костя летал весной на дальние приграничные точки и был поражен, когда увидел, что даже тяжелые транспортные самолеты садятся на импровизированные взлетные полосы, сделанные таким же способом.

- Рота-а-а, стой! -выкрикнул старшина. - Пятнадцать минут на оправку и на обед. Второй взвод заступает в караул. После обеда спать.

Взвод, в котором служил Костя, как-то сразу обмяк. До последней минуты каждый надеется, что неизбежная неприятность обойдет стороной, не коснется тебя, при этом понимая всю невозможность желаемого. В общем-то, быть в карауле второго эшелона, не такое уж наказание. Знаешь ведь, что первым эшелоном идут минные поля, танки, БТРы, десант и пехота, значит основная тяжесть на них, но только не в сезон ветров. Душманы привычны к местным условиям и легко используют их для своей выгоды.

Костя тщательно готовился к караулу. Затянул шнурки на битниках, приладил широкие кожаные щитки, закрывающие голени. Давно подсмотрел у "зеленых" этот способ защиты ног от песка и свистнул у одного из них. Плотно застегнул бронежилет, подогнал лямки вещмешка, экономно уложил в него боекомплект и сухпай. Ремень затянул так, чтобы не давил, но и не болтался и как можно меньше пропускал под куртку песка. Встал, попрыгал на месте, проверил, не звенит, не стучит ли что-нибудь. Удовлетворенно крикнул и пошел на развод.

Взвод стоял за штабной палаткой. Ветер уже ярился. Все гудело и хрипело. Комбат напрягал горло:

- Первое отделение на доты!

Доты окружали аэродром со всех сторон. Вообще-то, это были не доты в полном значении этого слова . Просто широкие кольца бетонных труб с бетонной же плитой сверху, с узким лазом - амбразурой. Сидели в дотах по двое, наблюдали за своим сектором.

- Второе отделение на склады.

Не очень, конечно, весело, но жить можно. Есть навесы. Можно укрыться от ветра. Сердце Кости сжалось от сознания неизбежного.

- Третье отделение на "сквозняк"...

- Мать твою! -чуть не вырвалось из пятнадцати глоток. Сутки торчать на лысом холме, имеющем только неглубокую песчаную трещину. Сутки! До утра так исхлещет песком, что, сели вернешься в полк, неделю сгибы на теле кровоточить будут. А днем без ветра тоже не фонтан. Прийдется лежать под солнцем, не снимая бронежилета и каски, высматривать возможное движение противника и плавиться, разбухать от пота.

Вот и "сквозняк". Низко склонившись, солдаты карабкались на холм, тяжело дыша, задыхаясь. Кристаллики песка уже раздирали пах и терли под руками. Костя влез на площадку и нос к носу столкнулся с командиром отделения, которое пришли менять, литовцем-тезкой Кястасом. Растягивая слова, Кястас обрадованно залопотал:

- Привет, Костик, все нормально. На ближнем подступе мины сигналили, но прорыва не было. Из пулемета стрельнули- тихо. Может, ослы?

Действительно, в этом районе водилось огромное количество ослов, давно уже одичавших. Это тихое животное пострадало от войны не меньше людей. Кишлаки выжжены, кормить их некому. Вот и бродят стада брошенных животных, нарушая границы, прочерченные воюющими людьми.

Костя молча выслушал Кястаса, завидуя в душе, что он уже возвращается в полк. Отделение Кястаса уже нетерпеливо топталось у края площадки, а Костины ребята прятались в траншее.

- Ладно, Кястас, давай, шлепай в полк. До завтра, -хлопнул Костя тезку по плечу и пошел к своим.

Ночь наступила как-то сразу, словно ее принес ураган. Небо, густо заштрихованное летящими песчинками, тускло освещалось луной и мириадами звезд. Все было тихо на охраняемом участке. Костя назначил первый наряд, остальным разрешил отдыхать. Сам прислонился к стенке мелкой траншеи, поднял короткий воротник куртки, закурил и задумался. Незаметно подкралась дремота. Вой ветра и летящие штрихи песка убаюкивали своим однообразием, легко напоминали зимние бураны в родном городе. Сквозь сон удивляется Костя бурану без снега и мороза. Соображает, что батареи горячие, оттого и тепло. Над сопкой вспыхнула ярко-красная ракета, быстро лопнула аккуратным солнечным шаром и мгновенно проспала, унесенная далеко-

далеко разъяренным "афганцем". Костя вздрогнул, просыпаясь, скользнул глазом по циферблату часов. Смена постов через сорок минут. Можно еще вздремнуть. Только прикрыл глаза, как почудился ему снег. Да не простой снег, а крупный, густой. Такой снег, что за считанные минуты укутывает город толстым одеялом, глушит все звуки, погружает город в блаженную тишину. Вскинулся Костя и увидел: на сопку и дальше к аэродрому летели хлопья чего-то белого. Встряхнулся Костя и протянул руку навстречу летящему "снегу". К руке его мгновенно прилип небольшой лист бумаги, приятный на ощупь, какой-то пористый, как промокашка, но гораздо плотнее. Костя поднес ее к глазам, но рассмотреть как следует не смог. Солдаты, не занятые в наряде, придвинулись, к Косте. Каждый держал в руке по бумажке. Костя растянул накидку и влез под нее. Яркий луч китайского фонарика осветил листок. С одной стороны его была нарисована картинка. Земной шар, по которому вразвалку шагает огромная горилла в советской армейской форме. Здоровенные когтистые лапы-ноги топчут континенты, оставляя за собой глубокие воронки, растоптанные руины городов, уродливые очертания рек и озер. Волосатые лапы-руки разбрасывают во все стороны света оружие: танки, ракеты, самолеты, корабли, а те, еще падая на землю, уже стреляют по людям, прикрывающим в страхе головы. На голове гориллы маленькая каска, венчающаяся шпилем - Кремлевской башней со звездой и надписью "СССР". А лицом гориллы было лицо Леонида Ильича Брежнева. Широкий разлет бровей, верблюжья губа не оставляли сомнения в том, что это именно генсек. На обратной стороне листовки на двух языках - русском и восточной вязью отпечатан небольшой текст: " Убивая нас - ты убиваешь в себе человека..." Дальше предлагалось бросить все и уходить в горы к духам, а листовка будет служить пропуском.

Все по очереди рассмотрели листовку, посмеялись и разошлись по своим местам. Костя подумал, что утром придется убрать бумажки и сжечь. На политзанятиях замполит грозил разными карами за идеологическую пропаганду, направленную против Союза. Очень он рассмешил всех, посадив на несколько суток "губы" туркмена Салиева за то, что тот, сидя на "очке", вырывал из газет портреты партийных лидеров и слюной приклеивал их на дощатые стены. Салиев удивлялся и на ломаном русском языке доказывал замполиту, что в его действиях нет никакого криминала. Совсем наоборот. Он же не использовал портреты по назначению. Замполит рассвирепел:

- Ты, бабай.., красный уголок в сортире устроил!- и впаял Салиеву еще пять суток.

Раньше на это никогда не обращали внимания. Но приехала

проверка из политотдела штаба округа и проверяющие полковники, такие чистые, лощеные, пришли в ужас после посещения солдатского "толчка". После той памятной проверки замполит совершенно озверел - чуть не лишился майорской звезды. Полковые остряки соревнуясь в остроумии, вырезали из газет лозунги у клеили их на стены туалета. Пришлось замполиту самому погнать роту на внеплановое прочесывание кишлаков и приволочь оттуда четыре новеньких "Шарпа" в упаковке. Улетающие в округ полковники гудели в командирском модуле всю ночь, требуя восточной экзотики. Замполит уговаривал официанток из офицерской столовой станцевать обнаженными перед проверяющими потом сунул их в постель к полковникам, заплатив женщинам из своего кармана большие деньги в чеках и афошками. Наутро полковники еще хмельными собирались в Ташкент. Хмуро попрощались с командованием полка, погрозили замполиту и улетели.

Ночь прошла спокойно. Когда вынырнуло солнце Костя с ребятами сжег огромный ворох листовок, тщательно собрав со всего холма бумажки. День прошел тягостно. Привыкшие ко всему солдаты дремали, не обращая внимания на солнце. Вернулись в полк по ветру который нетерпеливо гнал солдат в спины.

Прошел месяц. Наступила осень. Полк был на Пандшере. Кровавые бои, бессонные дни и ночи, потери, потери, потери... Взвод, в котором служил Костя, прочесывал скалы, в которых могли остаться духи. Наделю лазили по горам искали ветра в поле. Когда возвращались назад. Костя забрел в небольшую пещерку, набитую ящиками с оружием. Вернулись в полк. Командир полка на построении объявил Косте благодарность, от пуск на Родину и пообещал награду. Костя летал на крыльях, не верилось ему, что он поедет домой. Обегал все кантины, выбирая подарки родителям и брату. Накупил разной мелочи, чтобы можно было попрятать по карманам при осмотре вещей. Красивые ногтерезки, медальончики с изображением Девы Марии, две зажигалки с пьезокристаллами и несколько кассет для магнитофона. Нагладил вычищенную парадку, назеркалил ботинки, перешил погоны на шинели и потопал в штаб полка за проездными документами.

В штабе ему выдали бумаги. Командир полка пожелал доброго пути и посоветовал спешить на "Ариану". Скоро от нее отправлялся транспорт на Ашхабад. В кассе получил свои чеки за последние три месяца и пошел к замполиту.

Майор приказал открыть вещмешок и вывалить из него все. Посыпались из мешка носки, трусы, несколько фотографий, яркий

восточный платок и книги. Замполит пересмотрел все, отложил фотоснимки и принялся перелистывать книги, купленные Костей в "Березке". Хорошие книги, такие книги в Союзе достать очень трудно. По чьему-то головотяпству попали они сюда. Замполит только головой покачал. Булгаковская "Мастер и Маргарита" завели его. И вдруг из одной книги выпал маленький листочек. Замполит поднял его и побелел от гнева. Костя взглянул на бумажонку, и сердце его провалилось. На листке ощерился горилла Брежнев, подмигивая Косте: "Что, говнюк, съел?"

Самолет оторвался от земли "Арианы" и медленно начал набирать высоту, ревя мощными двигателями. Костя смотрел на него сквозь пелену слез. С полковой гауптвахты хорошо просматривалась вся взлетная полоса.

Глава 12. Славка

В стремительной атаке остановить солдата, значит вызвать на себя всю ярость, накопившуюся в нем в ожидании этой самой атаки. Рота летит вперед, поливая все вокруг из автоматов и подствольников, стрекотанье АК, рев подствольников, хлопки разорвавшихся гранат, вскрики раненых, мат спотыкавшихся - все горячит, раззадоривает роту. Духи за стенами дувалов почувствовали это единение роты шурави, увидели бесполезность своего сопротивления, потихонечку стали отступать, но все же стреляли еще густо. Командир роты знает, когда можно залегать, а когда развивать атаку. На собственном опыте научился. Когда-то, в одном из первых боев, увидел, что рота идет навстречу огненному шквалу, крикнул: "Ложись!" а в ответ увидел только командира. И не посмел он больше кричать, а ринулся впереди роты, мгновенно влившись в ее яростный атакующий порыв. Вместе с первыми прорвался командир через стену огня, вместе с ними кинулся на растерявшихся духов и крошил их из своего ствола вместе с первыми прорвавшимися. Только теперь заработал себе прощение командир, только сейчас увидели в нем солдаты не просто офицера, но командира, своего Командира. Почувствовал тогда Славка-лейтенант момент, остро почувствовал, что ошибись он, все могло обернуться иначе. Мог бы лежать где-нибудь сзади роты Славка с развороченной грудью под искрошенным бронежилетом. Не держит бронежилет выстрелов в упор.

В этой атаке Славка снова впереди. Знают солдаты место командира, прикрывают его с флангов, готовы за своего старлея глотку любому перегрызть. Ворвались через дувалы в кишлак. Духи уже запетляли, зашмыгали по кишлаку, по его запутанным узким улочкам. Солдату не в первый раз в кишлаке. Архитектура

знакомая, ясно, что к чему. Ориентируются солдаты по главному кишлачному арыку, перебегают от одной стены дувала к другой. Командир Славка хотел было заскочить в один из дувалов, да опередил его сержант Мишка Тарасов. Вышиб ногой ветхую калитку и обомлел на месте. Славка чуть не сшиб сержанта и тоже остолбенел. Стоит перед ними дед в широченных голубых штанах, в такой же рубахе, в чалме замызганной, веревкой вокруг головы намотанной грязной и старой. Борода редкая, клочьями белеет. Лицо цвета вяленой дыни ничего не выражает, глаза прозрачно-белые сквозь шурави смотрят. Обеими руками дед саблю за рукоять держит, клинком в землю оперся. Сержант обошел деда, посоветовал ему "до обеда не рассыпаться" и побежал к дому. Славка пошел было за ним, но почувствовал за спиной хищное движение. Удивился командир: неужели это старик шевелится? Хорошо, что успел обернуться. Сабля сверкнула клинком, уже падающим на голову Славки. Выбросил вверх над головой руку Славка, отбил жало сабли вскользь, но кончик лезвия с легкостью отсек первую фалангу мизинца на левой руке. Дед уже взметнул шашку еще раз, а Славка на курок давит. Молчит автомат - нет патронов. Рвет с плеча оружие командир, хрястнуть в лоб старика, да не успел, пристрелил духа Мишка. Дед с задранной вверх саблей, широко расставив босые ноги, шагнул к Славке и рухнул к его ногам, с предсмертной силой рассек воздух перед шурави, в надежде достать, ужалить ненавистного. Сержант уже был у дома. Славка одновременно с ним упал в пыль, когда сержант швырнул в оконце гранату. Взрыв сорвал с петель дряхлую дверь и разнес ее в щепки о землю. Клубы пыли и дыма рванулись из домишки. Старлей и сержант подскочили к нему и разом влетели внутрь, простреливая перед собой пыльную темноту комнаты. Зря пуляли. Никого и ничего внутри не было. Два топчана - развалюхи с рваными лохмотьями одеял, несколько помятых медных кувшинов на жалком подобии стола, взрывом брошенном к стене. Вышли из домика. Мишка сменил магазин, протянул командиру еще один, полный.

Духи опять ушли, оставив после себя несколько трупов. Оружие унесли с собой. Потерь в роте не было. Несколько раненых легко, да мизинец командира вот и все потери. Прочесали кишлак. Нашли несколько стариков и старух. Ни детей, ни взрослых - все ушли в горы, все сбежали. То ли от шурави, что, скорее всего, то ли от духов, в чем убеждала официальная пропаганда.

Надоела до чертиков эта война. Всем. Нашим солдатам от неясности своего нахождения здесь. Афганским воякам - от бесконечности сидения в горах.

Тихо ночью. Затаился пустой кишлак, насыщенный по горло кровью и ненавистью. Дневные защитники ушли в горы, далеко залегли где-то в мрачных узких пещерах, выжидая своего часа. А дождутся, ударят по шурави острыми уколами партизанских атак. Отставших и раненых изрежут на куски, уведут в плен крепких и здоровых обращать неверных в мусульман.

Не спит рота. Бродят солдатские головы от крепкого хмеля сегодняшнего боя. Лихой был бой, даже красивый, в своей атакующей стремительности. Знает Славка, что солдат надо успокоить, но не расслабить. Сейчас все возможно. Бывало такое, что после боя еще не наступит обратная реакция, все возбуждены, вздернуты, и вдруг блеснет крохотная искорка раздора между что-то не поделившими солдатами. Взрыв эмоций страшен. Драки не миновать. А драка вооруженных, окропленных кровью людей страшна вдесятеро.

Выставил Славка посты, назначил бодрствующего и отдыхающую смены и созвал к себе оставшихся солдат. Расселись вокруг костерка солдаты, слабенькие всполохи огня мерцают, едва освещая закопченные боем лица, сверкая на свежих белоснежных бинтах с небольшими кровавыми пятнами. Сидят солдаты, курят крепкие сигареты, ждут, что командир им скажет. И Славка ждет, когда внимание будет обращено на него. Знает Славка, что нарушит сейчас Устав, и если есть в роте хоть одна гнида, то несдобровать ему. Но верит Славка - нет таких в его роте.

- Вот что, мужики, - начинает Славка, обводя взглядом вмиг приблизившиеся к нему лица, ставшие родными и близкими за несколько месяцев. - Спасибо хочу сказать вам за сегодняшнюю "войну". Молодцы, хорошо воевали. Мишке, вот, Тарасову, - кивнул командир головой в сторону смутившегося сержанта, - большой "ташакур". Если бы не он, не мизинец я потерял бы, а голову. Крепкий душманский дед оказался. - Рассказал Славка эпизод, случившийся сегодня. Посмеялись солдаты, нисколько не заискивая, смеялись, от всего сердца.

Пошарил старший лейтенант в своем вещмешке и вынул на свет божий, а, вернее, во тьму аллахову полную фляжку спирта, подбросил ее на широкой ладони, велел всем кружки приготовить. Передал флягу самому педантичному солдату-радисту Пискареву Женьке, точнее и справедливее которого найти в полку человека нельзя. Женька взвесил оценивающе сосуд и пошел быстро по тесному кругу, останавливаясь перед каждым на короткий миг, и плескал каждому ровно столько, сколько и предыдущему. Дошел до командира, плеснул вначале себе, а потом в командирскую кружку, слегка звякнув горлышком

об алюминиевый край. Молчат солдаты. Командир опустил голову, задумался, что же сказать, бойцам.

- Хочу выпить за ваши руки, - начал Славка, улавливая при этом удивленные, быстро брошенные к рукам взгляды солдат. - Нет, ребята, не за эти руки, а за те, что были у вас на гражданке, и за те, что будут потом, когда домой вернетесь. Пусть ваши руки никогда и никому не причинят горя, а только добро принесут, ласку и счастье! - помолчал немного командир, замечая оттаившие лица бойцов. -Ну, быть добру!

Закончил Славка свой тост и опрокинул содержимое мятой походной кружки себе в рот. Спирт вспыхнул обжигающей струей, ринулся в желудок. Замелькали вверх-вниз солдатские кружки, крякнули единодушно солдаты. Каждый задумался о словах командира. Да уж, за эти-то ручонки, страшные и обломанные, никто бы пить не стал - красоты маловато. Грубые, обожженные, закопченные, с корявыми ногтями, с кровавой грязью под ними. Сейчас эти руки способны только стрелять, рвать, резать, душить, уничтожать. Грустно, но неизбежно, если хочешь выжить в этом кошмаре чужой войны. Разбрелись солдаты, вытянулись в мягких постелях пыльной земли, примостившись головами на пышные подушки вещмешков и, усталые, чутко уснули.

Славка проверил посты и сам подремал часа два, прислонившись спиной к теплому дувалу.

Вновь идет Славкина рота в атаку. Не ладится сегодняшний бой. Нет в роте единства. Теряет рота солдат. Духи крепкой стеной насмерть стоят, защищают свою родную горушку, за которой только скалы голые да пустыня мертвым саваном лежит, щетинится редкими колючками. Вот такая земля есть на свете! Какая никакая, а для афганцев она своя, родная и защищать ее надо.

Спустилась рота в ложбинку, такую прекрасную. Пули над ней проносятся, никого не задевают. Благо у душманов гранатомета нет. Не достать им роту. Славка видит, что нет смысла солдат под пули гнать, не зависит от этой сопки успех большой операции, скомандовал отбой атаки. Солдаты благодарно взглянули на командира: "Спасибо, батя!" Вот так в свои двадцать пять с небольшим лет стал батей для своих солдат Славка.

Ярятся духи: ну никак не достать шурави. Пуляют в белый свет, как в копеечку. С полковой стороны по рации щедро поливают матюгами командира роты. Взять горушку и точка! Капитана Русланова, командира другой роты, ставят ему в пример. Тот хоть и потерял больше половины роты, а сопку взял. Только на кой черт она нужна, коли духи на зимние квартиры

расползаются, никто не говорит. Знаком Славка с капитаном Руслановым, знает, что батей того никто не называет, да и вряд ли кто-нибудь назовет. Губит солдат капитан. Есть боевая задача сдохни, но выполни! Вот и гибнут солдаты, не успев разглядеть, в Русланове своего "батю".

Настороже провела ночь рота. Духи простреляли всю темень, видимо, боялись атаки. Славка нарочно драконил их, не давал уйти с места. На контратаку духи не осмелились, маловато их было. Надеждой питались сыны Аллаха. Вот, мол, шурави побьем, оружием разживемся. Да не удалось. Чуть светать стало, по связи пригрозили старшему лейтенанту Петракову Вячеславу - командиру роты пехотного полка - сорвать с него погоны, да не посмотрели, видно, что на связи солдат, велели слово в слово командиру передать.

Женька кинулся к солдатам, все рассказал им. Поняли солдаты, что судьба офицерская, судьба бати в их руках. Сержанты выстроили роту в цепь, бесшумно покарабкались из ложбинки, стараясь не разбудить задремавшего под утро старлея. Потом уже, когда вырвались на простор, грянули "Ура!" и пошли ломить сопротивление духов.

Славка подскочил, еще не совсем проснувшись, рванул затвор автомата и вылетел из ложбинки, растерянно глядя вслед пыльной занавеске, поднятой сапожищами бегущей впереди роты, бегущей за спасением своего Бати.

Глава 13. Пашка. Часть 1

К концу первого полугода службы Пашка впервые попробовал покурить "дряни". В общем-то, ничего о этом он для себя не открыл и удивленно смотрел на ребят из своего взвода, которые, накурившись анаши, сидели и лежали в расслабленных лозах. Сладковатый н удушливый запах дыма, маслянистый привкус в гортани и во рту - вот и все, что почувствовал Пашка. Чуть позже ребята притащили из рейда какую-то другую штуковину. Она и по виду сильно отличалась от предыдущей: почти черный цвет, на ощупь липковато-тугая и резкий запах масла - вот что отличало ее. Процесс курения тоже был особенным. Не нужны были традиционные папиросные гильзы или сигареты. Вещество скатывалось в маленький, размером со спичечную головку, шарик, насаживалось на острие иглы и поджигалось. Опиум медленно тлел, курился синей струйкой дыма. Нужно было лишь с силой вдыхать через ноздри этот плотный дым, и эффект не заставлял себя ждать. Пашка попробовал и такой способ. Результат оказался необычным. По позвоночнику стал подниматься теплый мягкий шар, добрался до затылка,

перекатился в лобную долю и растекся приятно-оглушающим нежным раствором. Ноги разом отяжелели. Пашка плюхнулся задом в пыль, прислонился спиной к ящикам со снарядами, сложенным штабелями на складе, который сейчас охранял Пашка. Окружающие звуки гасились ватой, в которую превратился жидкий раствор в голове... Насыщенное истомой тело приятно обезвесилось, создавая иллюзию полета. Глаза призакрылись, оставив узкую полоску бельма под веками, зрачки закатились. Голова бессильно свалилась на плечо. Рот безвольно открылся, из него обильно потекла слюна. Блаженство медленного парения все нарастало и нарастало, грозя оборваться страшным падением. Потом все куда-то ушло, разом выключилось. Пашка подремал некоторое время. Внезапная сухость во рту и головная боль швырнули его в реальность: в звуки, в движение, в жизнь боевого полка. Неприятные ощущения прошли достаточно быстро, оставив после себя небольшую, даже приятную в какой-то мере боль в суставах. Пашка еле дождался смены и побрел на кухню, где в больших котлах держался отвар колючки. Пил Пашка долго, вес никак не мог утолить жажду. Отходил было, да потом вновь возвращался и опять пил, пил, пил... Пот ручьями растекался по телу, напитывая ткань хэбэшки. Пашка набрал из узкого ствола колодца воды и выстирал форму. Вечером ребята предложили ему еще разок "хапнуть", но Пашка отказался - не хотелось больше чувствовать себя беспомощным хотя бы даже и под кайфом.

Рота Пашки находилась во втором эшелоне охраны кандагарского аэродрома на отдыхе. Занимались с утра до вечера строевой подготовкой до чертей в глазах, до одурения, до "потери пульса", как называл это состояние старшина роты прапорщик Рахимбобоев, огромный, мускулистый туркмен. За глаза солдаты называли его Рэмбобоевым, и в этом изредка даже сквозило уважение, но очень редко...

Вскоре роту перевели на выносные посты - на "блоки". Жизнь там была ужасной. Камни, бетон "блока", ежедневная смерть, кровь и, как единственное спасение от всего этого - гашиш. Рядом с "блоком", где "тащил" службу Пашка, врос в каменистую почву маленький кишлачок, живущий своей непонятной азиатской жизнью. Люди там жили пугливые, несмотря на то, что кишлачок был договорный. Один из прежних командиров "блока" догадался бросить от движка на дувалы провода, и вечерами в кишлаке загорались тусклые лампочки, что приводило афганцев в благоговейный трепет. Изредка подбрасывали в кишлак керосин, лекарства. Но им было поставлено условие. Как только из кишлака в сторону шурави произведется хоть один выстрел, электричество вырубят и кишлак выжгут. Вот и приходилось

седобородому "старшине" кишлака крутиться между шурави и моджахедами, чтобы сохранить столь шаткое равновесие. Видимо, духи понимали всю безнадежность положения для жильцов кишлака и совершали нападения на "блок"" только не со стороны кишлака. Кишлак давно и прочно вошел в жизнь "блока". Солдаты постоянно уходили в "самоволки", меняли шмотки, консервы со сгущенкой и тушенкой, керосин на гашиш. Некоторые из старослужащих имели какие-то свои дела в кишлаке и, несмотря на запрет командования, все же просачивались туда. Пашка тоже имел свой постоянный канал добычи наркотика. Перед выходом на "блок" он набивал вещмешок старыми майками, хэбэшками, сумками от противогазов и прочим тряпьем. Обмен производился по давно установленному тарифу. За майку давали на два "косяка", за хэбэшку четыре-пять. Пашка сотрудничал все время с высохшим от старости одноногим Халимом. Халим ловко скакал на одной ноге, опираясь обрубком другой на самодельный протез из узловатого крепкого дерева. Он брал шмотки, смотрел их на свет, определяя степень крепости, бросал их через плечо в темень лачуги на кучу другого тряпья. Рассчитывался за каждую вещь отдельно. Обычно Пашка, получив плату за первую шмотку, тут же закуривал мастырку и, блаженно затягиваясь, спокойно смотрел за суетливыми руками старика, ловко хватающими вещи и тут же бросающими плату, завернутую в тряпицы, перед Пашкой.

Однажды Халим, хитро улыбаясь, предложил Пашке вместо гашиша шароп-водку. Пашка вначале даже обалдел, ни фига себе! "Сибирская водка"! Повертел в руках длинную стройную бутылку с винтом-крышкой и... отказался. Ну ее на хрен! Это в начале службы, когда только начал ходить "на войну" с духами она нужна была, еще не знал тогда гашиша. Ох, как нужна была тогда водка! Первые смерти переживались как своя. Сколько дней - столько смертей, а то и по нескольку за день. Возвращаешься в палатку, а там пустые койки. Поперву эти койки аккуратно заправляли, на подушки клали панамы убитых, а потом перестали - в привычку вошло, да и новеньким где-то спать надо было. Внутри все заскорузло, запеклось от ежедневной крови, так что до особых сантиментов не было ни времени, ни сил. После первых смертей головами молотились обо что придется от страха и ужаса за жизнь свою, орали и психовали, рыдали и блевали от слабости не физической, нет, от слабости душевной... А что толку! Все равно, не сегодня, так завтра в рейд, в "зеленку", на "блоки", мать, их... Поэтому и долбили наркоту по-черному. Все как-то легче. Хоть не думаешь о тех, кто уже лег, и когда твоя очередь.

В этот раз Пашка быстро изменялся и вернулся на "блок".

Почти все уже были на месте, по лицам видно, что накуренные и затаренные. Офицеры изрядно выпили и сильно пьянели. "Дурь" они не курили или почти не курили, а вот спирт или водку употребляли постоянно. К выходу на "блоки" не только солдаты, но и офицеры готовились. Искали спиртное, меняли на все, что угодно, лишь бы достать, лишь бы не оказаться нормальным человеком в ненормальных обстоятельствах. Покупали бутылку за десять-пятнадцать- двадцать чеков, отдавали то, что собирались везти домой матери, жене, детям...

Старшина метался по "блоку", матерился, смешивая русские и туркменские ругательства, раздавал тычки и оплеухи тем, кто попадался под руку. Пашка спросил у молодого Иванова:

- Что это Рахим лютует?

- Кто-то у него мешок насадил со шмотками,- отозвался Иванов, чуть приоткрыв воспаленные веки,- по-моему, Оська. Как только пришли сюда, он сразу в кишлак сдернул.

Старшина заставил всех построиться, пьяно пошатываясь, пошел вдоль строя, пересчитывая всех ударом толстого пальца в грудь.

- Где Быков? - проревел он, обводя взглядом строй, замерший в равнодушном ожидании.

- Я еще раз спрашиваю, где Быков?.. Где он? - старшина подскочил к радисту Смыкину , - где Быков?

- Не знаю, - вяло ответил Смыкин.

Прапорщик, не размахиваясь, воткнул свой кулак апперкотом в челюсть радиста, тот, отключенный, упал.

- Где Быков? - подошел к следующему - хиляку Попцову, который и автомат-то с бронежилетом на себе еле таскал.

Попцов тоже полетел в пыль. Так старшина прошел через весь строй, в конце которого стоял Пашка.

- Где Быков? - протянул старшина, сверля Пашку налитыми кровью глазами, шумно втягивая через широкие, раздувшиеся ноздри горячий воздух.

- Не знаю, - зло бросил Пашка, напрягая пресс и готовясь отбить удар старшины.

Рахимбобоев резко вскинул колено, метя Пашке в пах. Пашка инстинктивно согнулся, выбросил руки вниз, прикрывая самое уязвимое место, а прапорщик правым кулаком нанес сильный удар в лицо солдата, кроша зубы и выбивая сознание. Пашка не упал, а просто плюхнулся задом в пыль, ошалело потряхивая головой и сплевывая осколки зубов вместе с кровью.

- Обезьяны, мать вашу, - орал старшина, уже остывающий, - я вам, сукам, покажу службу-пряник.

Дохляк Попцов поднялся с земли, щелкая затвором АК,

затравленно и дико вращая глазами, покачиваясь, еле держась на ногах. Он навел ствол автомата в спину старшины. Рахимбобоев зверем метнулся на землю, перекатился через спину к Попцову и, отжавшись руками, коротким рывком-взмахом ударил обеими ногами в грудь солдата. Попцов отлетел к бетонной стене "блока", далеко отбросив автомат, врезался спиной и, булькая кровавой пеной, съехал в пыль.

- Ну-у-у-у, -протянул прапорщик, - кто еще?! Разбрелись избитые, униженные, разозленные солдаты. Вот и еще один повод курнуть и забыться, что и сделали незамедлительно.

- Ну, сука Оська, - басил сибиряк Шурка Кочетов, - прежде чем этот мудак к Рахиму пойдет, я ему харю-то начищу...

Но Оська так и не появился до самой ночи.

Пашка заступил на пост в два часа. Из амбразур "блока" хорошо был виден кишлак, хотя ночь скрывала даже луну. Слабые лучи звезд освещали знакомые очертания дувалов, по которым скользил Пашкин взгляд. Спать хотелось зверски. Зевота сводила скулы, в глазах больно резало от недосыпания. Но в голове не возникало даже этой крамольной мысли - уснуть. Пашка, не отрывая глаз от кишлака, на ощупь вынул из пачки сигарету, помял ее и быстро прикурил от зажигалки. Не торопясь, выкурил и приступил к детальному осмотру кишлака. На всех трех остальных постах солдаты делали то же самое, но только следили за горами, ущельями и узким входом в долину. Пашка нашел взглядом лачугу Халима, в которой был днем. Домишко старика стоял за полуразрушенным дувалом под толстым, но низким корявым деревом с удивительно густой кроной. Корни дерева мощно выпирали из земли, раздвинув скальный грунт, местами клубились замысловатыми узлами и вновь уходили под землю. Корни, вылезшие наружу, были очень толстые, и на них приятно было посидеть даже в сумасшедшую жару. Крона прикрывала от солнца, а корень придавал какую-то внутреннюю прохладу, струящуюся глубоко из-под земли. Дед Халим жил не один, с ним жила его внучка Лала. Пашка знал только ее имя и больше ничего. При появлении Пашки Лала неизменно убегала. Халим не считал нужным рассказывать что-нибудь о ней, а у Пашки хватало такта не расспрашивать о девчонке, дабы не оскорбить национальные чувства деда. Однажды Пашка внезапно вынырнул с другой стороны дувала и успел разглядеть тонкую детскую спину девочки в старом застиранном платье. Он специально кашлянул. Лала оглянулась и, соскочив с корня, метнулась в лачугу. Пашка успел увидеть ее смуглое свежее лицо с длинными черными бровями, нос с горбинкой и пунцовые маленькие губы. Пашка решил, что ей лет двенадцать не больше, так как в

тринадцать-четырнадцать эти девочки становились замужними матерями. Еще раз Пашке удалось застать врасплох Лалу на заходе солнца. Она стояла на большом валуне лицом к яркой полосе заката. Казалось, солнце насквозь пробивало девочку, и под тканью ее одежды хорошо была видна небольшая стройная фигурка, а когда Лала отвернулась от света, Пашка увидел небольшие груди, от вида которых он смутился, пригнулся за камень и неслышно ушел на "блок".

Пашка тряхнул головой: "Вот, черт, задумался!" По узенькой улочке по направлению к "блоку" кто-то шел, даже не шел, а крался.

Пашка рассмотрел в руках у тени автомат и подтянул поближе свой. Вдруг фигура быстро побежала, на ходу поворачиваясь в сторону кишлака, откуда раздался гулкий выстрел. Фигура побежала еще быстрее, звонко заорав оськиным голосом: "Ду-у-ухи, ду-у-у-хи..." Оська на ходу оборачивался и коротко стрелял. Пашка заорал: "Тревога! Духи!", но можно было и не орать, потому что все и так уже услышали стрельбу и бежали к стенам и амбразурам.

Рахимбобоев подскочил к Пашке и приказал встретить Оську. Пашка скатился по наклонному желобу, над которым вел наблюдение за кишлаком. Со стороны кишлака раздавались редкие одиночные выстрелы. Оську пока не было видно из-за поворота тропы. Пашка решил выскочить ему навстречу. Вынырнув на тропу, Пашка увидел Оську. Оська подлетел к стене "блока" и с размаху врезался в нее лицом и кулаками, сжимающими автомат. "Ранили, гады!"- пронеслось в голове у Пашки, и он побежал к Оське. Оська отскочил от стены и побежал ко входу.

Пашка никак не мог понять, что с Оськой. Оська увидел Пашку, когда почти наткнулся на него и сразу же заорал:

- Паша, в "блок"! Духи, Паша!

Что-то незнакомое послышалось в голосе Оськи, но размышлять было некогда, и Пашка, пропустив Оську вперед, поспешил за ним, на всякий случай выпустив очередь в черный кишлак.

Все сидели на стене и всматривались в ближние дувалы. Оська подскочил к командиру "блока" и частой скороговоркой говорил, что его скрутили в самоходе и бросили в сарай, что он смог выкрутиться и убежал, но его заметили и пытались застрелить. Капитан в сомнении покачал головой, по ничего не ответил Оське, потому что из кишлака донеслись вопли, приближающиеся к "блоку", и выстрелы.

Командир приказал открыть огонь по наступающему

противнику. По улочкам бежали люди, стреляющие из ружей. Они падали под плотным огнем автоматов со стен "блока", почти неуязвимых для нападающих, но все же пули иногда щелкали по бетону, и в конце концов одна хлюпнула в горло Попцова, и он, слабо вскрикнув, вытянулся на стене. Разъяренный командир, обманутый в своих надеждах на договорность кишлака, заорал, перекрикивая треск выстрелов:

- Вперед! Стереть гадов с земли! В атаку!

Солдаты сорвались с мест и ринулись вниз, затопляя улочки кишлака, уничтожая стрельбой все живое, швыряя гранаты за дувалы, превращая деревушку в ад. Крики женщин, яростные вопли редких мужчин, плач детей и вой собак постепенно замолкали под жестокой атакой шурави. Пашка летел вперед вместе со всеми, но не стрелял, никак не мог понять, где же атакующие. Что всего-навсего эта горстка стариков со старинными ружьями, которых возглавлял одноногий Халим, и которые теперь лежат распластанные неподалеку от "блока", это и есть духи?! И вспомнились, вдруг Пашке слова одного тяжело раненного майора, с трудом хрипевшего на носилках перед отправкой на самолете в Ташкент. Пашка сидел около носилок, с жалостью глядя на офицерское лицо, подернутое желто-серой пылью смерти, с искусанными вдрызг губами, с синевой вокруг рта и глаз. Майор приоткрыл глаза, полные предсмертной муки, увидел Пашку и тихо заговорил:

- Хана мне, солдат, хана. Отвоевался...

Помолчал долго майор, Пашка подумал, не умер ли.

- Ты вот что, солдат, не верь, ничему не верь, что тебе говорят, - вновь зашептал майор, - здесь душманов нет!

Пашка удивленно вскинул брови.

- Да, да, нет! Мы же не против духов воюем. Мы против целого народа воюем!

Замолчал майор. Тут началась погрузка, и некогда было думать Пашке над офицерскими словами. Потом уже Пашка возвращался к тому разговору и стал понимать, что хотел ему сказать майор.

Вот они, эти душманы, лежат в пыли старики и дети, женщины и мужчины, которых положили ночью на тесных улочках ночного кишлака.

Добрел Пашка до домика Халима, вошел во дворик дувала, посидел на корне дерева и вдруг вспомнил, что среди убитых не видел трупа Лалы. Кинулся Пашка в домик. Лежит на полу истерзанное тело девочки. Пашка подошел поближе. Платье на внучке Халима разорвано в лоскуты. Кровью ноги забрызганы от лобка до колен, а под грудью, острой, маленькой, с иссиня-

черными сосками, штык-нож -торчит автоматный. Почернело в глазах у Пашки, кинулся он назад по кишлаку. Бежит, о каждый дворик заглядывает, В одном из них увидел он Оську, на камне сидящего, о чем-то солдатам рассказывающего. Успокоил дыхание Пашка, подошел поближе, сел рядом, прислушался к Оське.

- Я, значит, на нее суку увалился, коленом между ног ей въехал, - говорил Оська, - а она упирается, заорать хочет. Ну, я ей пасть быстро тряпкой закрыл. Заорет, думаю, весь кишлак на уши поднимет. Да еще по морде слегонца врезал, а она и с катушек. Тут-то я ее...

"Так вот в чем дело, - пронеслось в голове у Пашки , - вот почему этот гад об стену бился!" У Пашки внутри все захолодело, в голове стало неприятно пусто, даже затошнило от догадки. Ведь этот гад Оська спровоцировал уничтожение кишлака! Наверняка он залез в дом Халима, чтобы затариться гашишем, пока старик вместе с остальными был на намазе. Может, там же и курнул, да и за кайфовал, а там и Лала пришла. Лала... Ее бесстыдно обнаженное мертвое тело вновь предстало перед Пашкой, и он в бессилии скрипнул зубами. Конечно, это Оська, и никто иной изнасиловал Лалу, а потом убил. Что же делать? Что, что?.. Пашка готов был броситься на Оську, но осторожность, которой он научился здесь, остановила его. А чем он докажет, что было именно так? Может, действительно, жители сошли с ума и кинулись на "блок" с несколькими ружьями и кинжалами? Пашка мучительно думал, не слушая трепотню Оськи. Из лачуги, стоящей внутри дувала, в котором сидели солдаты, вышел маленький ребенок, полутора-двух лет, на некрепких босых ногах он еле передвигался по пыльной дорожке. Рваная рубашонка до колен обнажала его худенькое рахитичное тельце. Ручонки малыш расставил в стороны, согнув их в локтях и кулачками тер глаза, беззвучно плача. Огромная, непропорционально уродливая голова падала то на левое, то на правое плечо, то на грудь, и его тело, как бы пытаясь установить равновесие, не упасть, раскачивалось из стороны в сторону. Ребенок заметил чужих людей и остановился, опустил руки, хотя его ножки подгибались, еле держа тельце. Оська увидел малыша и громко расхохотался:

- Гля, башковитый какой!

Затем схватил автомат, направил его на малыша и прострекотал языком:

- Тр-р-р-р-р...

Малыш испугался и опять заплакал, чуть громче, чем прежде, но было видно, что это ему стоило больших сил, потому что он посинел и упал на живот. Пашка вскочил, хотел броситься к

малышу, но не успел. Блекло-серой птицей метнулась из лачуги зазевавшаяся мать, схватила на руки ребенка и так же быстро исчезла, затаилась за глиняными стенами от врагов и наступившего рассвета.

...На этот раз моджахеды ударили со всех сторон, взяли "блок" в правильную осаду. Бой продолжался до темноты. Позже налетели вертушки и, разбросав осветительные люминисцентные ракеты с парашютиками, взмыли вверх, уступая плацдарм бомбардировщикам. На "блоке" все замерло. Было непонятно, как это ни одна бомба, ни один снаряд не рванули на территории "блока". Летчики утюжили скалы, кишлак, небольшую мелкую речушку, резко меняя ее русло, выбрасывая высоко вверх камни с ее многовекового дна и расплескивая драгоценную влагу на мертвый камень гор. Через полчаса самолеты ушли, надрывно сопровождая свой след эхом.

Пыль постепенно улеглась, и страшная картина открылась всем: кишлака не было, было все, что угодно, кроме жилья человеческого; камень и глина, составляющие дома, просто-напросто рассыпались по каменистой почве, придавая местности ее первоначальный, первозданный вид. На эти площадки садились три вертолета, готовые принять в себя гарнизон не нужного уже "блока". Это раньше, еще до "блока", здесь проходили древние торговые пути. В этом кишлаке караваны всегда останавливались, подкреплялись перед дальней дорогой, запасались водой и приносили небольшому горному кишлачку богатство и славу.

Солдаты быстро грузились, а Рахимбобоев их все подгонял и подгонял.

Пашка в это время был уже далеко. Он упрямо лез по скале вверх, таща с собой только вещмешок с оставшимся тряпьем и автомат с полупустым магазином.

Глава 14. Пашка. Часть 2

Пашка брел по пыльной, прокаленной злым солнцем земле. Жаркий день разгорался с новой остервенелой силой. Цикады трещали в недалекой зеленке. В звенящей тишине их стрекот, как острым лезвием, резал слух, напоминая о том, что Пашке давно хотелось пить. Фляга опустела часа три назад, когда Пашка прятался в узкой скальной расщелине от пролетавших над ним вертолетов, направлявшихся на прочесывание того района, где остались разрушенный кишлак и брошенный, уже никому не нужный, "блок". Пашка издалека услышал свист двигателей вертушек и поспешил к скалам, в которых нашел ту самую щель. Вертолетчики охотились за любой движущейся целью и плевать им было, кто там бредет, главное, что в руках у мишени есть оружие. Если афганец, так нечего бродить по пустыне, вынюхивать, кого же можно грохнуть. Если наш, то тоже нечего в одиночку шастать. Не мы, так духи приговорят, и опять же из этого ствола по нашим долбить будут. Такова философия здешней войны. Пашка чувствовал себя дезертиром, хотя все внутри него протестовало против этого определения. Разве он защищал свою Родину?! Да нет. А что же он защищал? Сколько раз сопровождали своей ротой какие-то странные караваны, состоящие из русских и афганцев от пакистанской границы до Шинданда, а там передавали их другим солдатам, странно молчаливым и совершенно здоровым. Караван не трогался с места, пока рота не уходила на расстояние, когда все становилось едва различимым.

Ну это ладно. А с какой стати он, Пашка, должен убивать

безоружных и беззащитных людей, виноватых перед Пашкой только в том, что они мусульмане, что не хотят они просто-напросто жить так, как живем мы в своей стране, такой же непонятной для них, как и Афган для нас. Ну не хотят они этих заводов, колхозов, партии н Ленина. У них есть своя партия и свой Ленин - Аллах. Он для них - ум, честь и совесть, он им указывает, как жить и что делать. Почему же Пашка и другие пацаны должны вбивать в головы правоверных, что в этом-то они и не правы?!

Пашка ушел с "блока" ни на что не рассчитывая, понимая, что он- отрезанный ломоть, и к какому бы берегу он не прибился, везде ему крышка. Но последнее, что умирает в человеке - это надежда. И Пашка брел в неведомое своей судьбы.

Пашка побрел к зеленке, из которой пахнуло прохладой, он раздвинул кусты густого заброшенного виноградника, давно уже одичавшего. Цикады, умолкнувшие было, быстро привыкли к присутствию человека и вновь застрекотали. Пашка быстро нашел влажные камни, перевернул их и припал наждачным, пересохшим ртом к еле видному ручейку. Пил долго, отдыхал в благодатной тени и вновь приникал к воде. Потом носовым платком начал впитывать воду и аккуратно выжимал ее в узкое горлышко фляжки, пока она не наполнилась до краев, и вода обильно смочила чехол. Пашка забыл об осторожности и ушел от ручья, забыв на камнях свой автомат. Шумно продрался сквозь лопушистую листву и вышел на дорогу, но тут же кинулся назад. К зеленке стремительно несся небольшой отряд всадников. Пашка метнулся к ручью. Мгновенно в нем проснулась звериная осторожность. Он подбежал к камню, схватил автомат, на ходу поправил перевернутые камни, присыпал их пылью и листвой, припорошил вмятины на земле и, прорвав зеленку, с противоположной от всадников стороны, побежал к близким холмам. Среди множества расщелин, морщинивших вековые камни, Пашка быстро нашел ту, которая могла надежно скрыть его от человеческих глаз. Это был очень узкий вход в колодец-кяриз, тоннели которого раскинулись на многие километры. По этим подземным руслам в дни весеннего таяния снегов мчались бурные мутные потоки талой воды, питая влагой скудную афганскую землю. Этой влаги было достаточно, чтобы вырастить великолепный урожай винограда, но только не сейчас, когда бушевала война. Пашка протиснулся между острыми камнями в просторную пещеру, насыщенную влагой, в полной темноте очень громко хлюпались капли о скользкое дно пещеры. Пашка осторожно пошел вперед, держась левой рукой за осклизлую стену, а правую держал перед собой, чтобы не ткнуться головой в

скалу. Над головой что-то противно прошуршало. Пашка инстинктивно пригнулся, уже понимая, что это всего-навсего летучая мышь, выпрямился и пошел дальше. Так он шел долго. Временами тусклый свет, проникающий через трещины, освещал сырость пещеры, и Пашка смелее шагал все вперед и вперед. Наверняка где-то есть выход, а где и куда он выходит, это не имело значения. Вскоре Пашка устал. Сказывались бессонные сутки. Захотелось есть. Кое-что было у Пашки в вещмешке, но сразу уничтожить пищу он не решился, кто его знает, сколько еще бродить в одиночестве. Пашка присел на чуть сухой камень. Нащупал в кармане пачку сигарет, выудил мастырку и закурил. Привычно зашумело в голове, и Пашка отдался знакомому чувству, погружаясь в эйфорию. Сполз Пашка на прокисшие камни и уснул.

Снится Пашке, что сидит он на большом бревне в березовой роще неподалеку от халимовой лачуги. Вокруг березы длинные, тонкие, чистые такие, только макушки у них корчатся в прозрачном солнечном пламени. Ветки низко свисают, под легким ветерком траву метут. Небо голубое-голубое, совсем прозрачные облака пролетают, а может, это и дым от березок. Покрутил головой Пашка. Вроде бы все хорошо вокруг, но что-то тревожит, не дает расслабиться, отдохнуть. Увидел Пашка, как на полянку выходят люди и рассаживаются в круг, на Пашку внимания не обращают. Присмотрелся внимательнее Пашка и видит, что сидят перед ним те, кого он хорошо знал в Афгане. Только вот погибли они давно. Вот прапорщик Белов бутылку водки открывает. Голова и грудь у него в кровище, не засохшей, а свежей, даже капли стекают на руки и в стакан, который держит капитан Вощанюк. Пашка узнал капитана по разорванному телу, половины которого как-то неловко сидели друг на друге. И всех остальных узнал Пашка. Стыдно вдруг стало Пашке, что сидит он вот тут, вроде как предал всех, ушел от них, да и теперь сидит, прячется, не предупреждает, что пожар скоро может быть, вон уже и середина березок чернеет. Встал Пашка с бревна и не может шагу шагнуть, не знает, как его примут. Посмотрел на него прапорщик Белов мертвыми глазами, кивнул головой:

- Ладно, Пашка, чего там, иди, садись с нами. Все равно скоро с нами будешь...

Страшно стало Пашке, шагнул он было к кругу, дернулся всем телом и проснулся. Понял Пашка - быть ему убитому. Встряхнулся Пашка, попытался отогнать от себя неприятное сновидение. Припал к ручью, напился холодной воды и побрел дальше. Странно, чувство вины, что испытывал во сне, ушло совсем. Постепенно уходил страх перед смертью, хотя знал

Пашка, что она близка, близка и неизбежна.

Вскоре Пашка нащупал в стене ответвление и пошел по нему. Забрезжил впереди рассеянный свет, и Пашка вышел к узкой трещине, за которой были видны все те же горы. Пашка протиснулся сквозь нее, сняв с себя мешок и бронежилет. Автомат держал стволом перед собой. Выглянул Пашка наружу. Все спокойно. Потянулся за своими вещами назад в щель и вдруг почувствовал, как на его шее оказалась веревочная петля. Не растерялся Пашка, быстро просунул руку под веревку, перевернулся на спину. Спасибо выучке Рахимбобоева. Зрачком автомата уже нащупал Пашка врага, который натягивал на себя, тянул веревку. Пашка увидел, что перед ним пацаны, еще совсем дети, вооруженные только кинжалами. Хотел было остановить убийцу, но опять-таки рахимбобоевская тренировка сказалась, уже летели пули, ломая пацанов пополам. Пашка снял с шеи веревку и в отчаянии отбросил от себя автомат. Ведь не хотел же, не хотел больше убивать. Надо было бросить оружие в кяризе. Сейчас бы сдался мальчишкам, а теперь...

Пашка даже не стал подходить к убитым, побрел уныло в долину.

Ночью, когда подходил Пашка к какому-то кишлаку, его остановил громкий окрик: "Дриш! Стой!" Пашка, устало сгорбив спину, остановился. Удар по голове опрокинул его на дорогу.

Пришел в себя Пашка рано утром. Тягучий голос муллы звал людей к намазу. Пашка попробовал встать, но туго скрученные веревкой руки и ноги только запульсировали отечной болью. Рядом с собой Пашка увидел глиняную миску, наполненную водой. Он подполз к ней и, ткнувшись лицом в посудину, по-собачьи начал лакать. Потом Пашка пополз к двери, сквозь щели он увидел только часть глинобитного дувала и ветку дерева, толстую и корявую. К дереву подошел мужик, одной рукой он легко тащил на веревке упирающегося барана. Перекинул веревку через ветку у самого ствола, одним рывком вздернул животное вверх и широченным ножом полоснул его по горлу. Баран захрипел, задергался ногами. Струи крови хлынули вниз, сразу же жадно впитывались пересохшей землей. Пашку стошнило, но все же он продолжал смотреть. Мужик ловко отсек голову барана и стал сдирать с него шкуру, выворачивая ее наружу. Потом вспорол брюхо и вынул лоснящуюся плевой требуху. Над головой уже пиршествовали собаки, злобно рыча и отгоняя друг друга. В эту хрипящую свору мужик швырнул и требуху. Собаки взвыли и кинулись раздирать ее, роняя куски в пыль и отдирая новые, кося по сторонам красными, злющими глазами. Через несколько минут все было закончено. Собаки сидели и облизывались длинными

алыми языками, поглядывали на тушу, высоко вздернутую человеком. С туши стекала каплями кровь, и собаки, увидев, что человек скрылся, кинулись под дерево слизывать кровавую пыль. Самая смелая подпрыгивала вверх, пытаясь зубами впиться в манящее мясо, но только бессильно щелкала клыками и повизгивала от ярости. Ее примеру последовали и другие собаки. Опять началась свара, но теперь уже более жестокая, с дракой, с ревом, с клоками вырванной шерсти и кровавыми ранами. Пашка, не отрываясь, следил за происходящим, все это что-то сильно напоминало ему. Но что?! Внезапно драка прекратилась, собаки кинулись в разные стороны без оглядки, вскидывая высоко вверх тощие зады, прижав хвосты к животам и поскуливая. Кто-то невидимый для Пашки, что-то крикнул собакам и швырнул в них камень. И тут Пашка вспомнил, что это ему напомнило. Когда-то, сто лет назад, а вернее, в первые полгода службы, Пашка был в рейде под Газни. В самом городе они с ребятами наткнулись на опиумокурильню. Зашли туда, заплатили и предались цивилизованному курению опиума, через всяческие хитроумные приспособления. Кто-то из солдат заметил полуобнаженную женщину, стоящую у входа в комнатку. Оська сразу сообразил, кто она и почему стоит в таком вызывающем виде, он сразу бросился к ней. Дорогу ему преградил толстяк-хозяин, показывая пальцами, что за все надо платить. Оська сунул ему в руку пачку "афошек" и скаканул к женщине, вталкивая ее в многообещающий полумрак комнатки. Остальные кинулись следом за Оськой, опрокинув растерявшегося хозяина. Пашка пошел за ними. В комнате он увидел сопевшего на женщине Оську и споривших между собою солдат- никак не могущих установить очередь. Дело уже доходило до драки, когда сзади раздался окрик:

- Всем назад, выходи строиться!

Это был советский патруль, который вызвал хозяин...

Пашку вывели из лачуги. Он зажмурился от яркого света и шатнулся назад. Его чувствительно саданули под ребра стволами винтовок два сопровождающих. Повели Пашку в центр кишлака, где уже собирались люди. Неторопливо шагали седобородые старики, опираясь на палки, семенили женщины, разглядывая путь сквозь густую сетку паранджи, бежали дети визжа и крича, взмучивая пыль улицы босыми ногами. Пашку привязали веревками к дереву. Взрослые стояли в тени дувалов, не обращая внимания на пленного шурави. Пацанята тут же воспользовались этим, и в Пашку полетели камни, больно обдирая его ноги. Один угодил Пашке прямо в глаз, рассек кожу, и кровь потянулась по его лицу первыми струйками. Увернуться от камней не было никакой возможности. Пашка только зажмурил глаза, чтобы их не

выбили. Установилась тишина. Пашка открыл заплывшие глаза. Спиной к нему стоял вооруженный человек, опоясанный крест-накрест ремнями, он что-то говорил жестким, хрипло-гортанным голосом. Все внимательно слушали его и только согласно кивали головами. Даже детишки посерьезнели и с восхищением следили за скупыми жестами говорящего человека. Пашка мучительно пытался поймать, уловить знакомые слова, чтобы расшифровать смысл сказанного, хотя и так было понятно, что говорят о нем, и что ничего хорошего это ему не сулит.

Когда говоривший умолк, на площадь вынесли два трупа. Пашка сразу узнал в них тех двух пацанов, которые пытались его заарканить, и которых он убил. Рядом с трупами бросили Пашкин автомат.

К Пашке подошли двое. Тот, который говорил, ударил Пашку кулаком в лицо и что-то прокричал. Другой, молоденький, худенький быстро и легко перевел на чистый русский язык, с небольшим акцентом:

- Твоя работа?

Пашка, не удивившись родной речи, кивнул головой. А какая разница, его или не его рук дело? Конец-то все равно один.

- Тогда тебя расстреляют или зарежут,- самостоятельно сказал переводчик.

Пашка криво ухмыльнулся окровавленными губами. Вооруженный опять подскочил к Пашке, ткнул кулаком в живот и, разъярясь, начал молотить Пашку увесистыми ударами в лицо, в грудь, в живот. Пашка захлебнулся кровью, закашлялся, сплюнул выбитые зубы и ударил ногой в пах налетавшего на него человека. Удар оказался не сильным, но от неожиданности нападавший упал. Потом он вскочил, завизжал страшно и опять кинулся на Пашку. Дальше Пашка ничего уже не помнил, очнулся в знакомой каморке. Все тело ныло, рваные раны саднили и кровоточили, голова кружилась, тошнило, хотелось пить. Пашка приоткрыл больные веки и увидел сидящего перед ним переводчика. Тот увидел, что Пашка открыл глаза, наклонился к нему и начал тоненькой струйкой лить воду из медного кувшина Пашке на голову. Пашка жадным ртом ловил холодные струйки, и силы постепенно возвращались в его избитое тело.

- Есть хочешь? - негромко спросил афганец. Пашка отказался.

- Ты откуда язык наш знаешь? - спросил он у переводчика.

- В Союзе в институте учусь. Сейчас на каникулах, - ответил тот.

- Ну ты даешь! - удивился Пашка.

- А что делать. Ведь все же знают, что я в Союзе учусь. Можно, конечно, на каникулы там остаться, но тогда здесь всю семью

вырежут. Вот я и езжу сюда на лето, переводчиком у них служу, - тяжело вздохнул парень.

- А где в Союзе учишься? - поинтересовался Пашка.

- В Ставрополе...

- Где-е-е-е?! -удивленно протянул Пашка. - В педе что ли?!

- Да. А ты что, оттуда?

- Ага. С юго-западного. На Доваторцев живу... жил. Помолчали.

- Может, к твоим зайти. Записку напиши,- засуетился афганец. - Меня зовут Фарух.

- Да пошел ты, - ответил ему Пашка и замолчал, ушел в себя, замкнулся.

Фарух пытался его разговорить, но тщетно. Встал, потоптался немного и вышел из домишки, заперев за собой дверь.

Ночью налетели ураганом вертолеты, разбомбили, разнесли в клочья кишлак. Следом прошла, прочесывая, пехотная рота. Тяжело раненного Пашку отвезли в Кандагар, а оттуда в госпиталь ташкентский. Комиссовали.

Идет однажды Пашка по улице Морозова, изуродованную ногу, прикрытую джинсами, подтягивает. Вдруг мелькнуло в толпе студентов, идущих к институту, лицо такое знакомое, смуглое, нос горбинкой.

- Фарух, - выкрикнул Пашка мгновенно всплывшее имя афганца-переводчика.

Фарух оглянулся, побледнел, узнавая Пашку, и кинулся на другую сторону улицы.

- Вот дурак! - удивился Пашка.

Глава 15. Сережка

...День-тень... тень-день... День-то, конечно, есть, а вот тень... Тени, естественно, нет. А почему естественно? Да потому, что пустыня вокруг на сотни километров. Солнце желтораскаленной сковородкой пышет злобой, плюется яростными протуберанцами, пытается растопить, заживо изжарить все живое, что находится под ним, на его территории. Так оно беснуется днями, неделями, месяцами. Но человек привыкает ко всему, только целый день в голове настойчиво звенит один нудный мотивчик, на любую мелодию накладывается: "...День-тень... Тень-день...", а хочешь наоборот: "...День-день... Тень-тень..." или "...Тень-тень... день-день". Нудно? А что еще делать? Пост в песках, наверное, выдумала святая инквизиция. Вроде бы и не лишают жизни человека, а он сам доходит "до ручки". Что такое пост в песках? Да то же самое, что "блок" в горах. Это ямы в песке, края которой политы водой, чтобы песок не стекал вниз, не заставлял работать

под солнцем. Достаточно сказать, что куриное яйцо, сунутое в песок, через три минуты спекается насквозь. Ребята сами эксперимент проводили. Где, какими способами достали этот дефицит, одно-единственное яйцо, никому неведомо. Да это и не важно. Важен результат опыта - подтверждение эмпирических размышлений, расчетов. Ну, ладно, хватит о яйце.

Так вот, над окопами натягиваются брезентовые пологи, получается нечто вроде палаток. А вот и тень! Так подумает непосвященный. Правильно, тень. ...День- тень... Но все дело в том, что в этой тени можно запросто "коня двинуть", "копыта отбросить", "сандалии загнуть", как угодно можно назвать, а смысл один, от духоты и застоявшегося воздуха не только сознание, но и жизнь свою разъединственную потерять можно. Лучше уж под лучами Ярила находиться. Поэтому пологи эти самые днем скатывают, и лежат они серо-белыми бледными толстыми колбасами, вбирают в себя жар адов, чтобы потом отдать его людям ночью.

Ночами здесь прохладно, ведь перепад дневной и ночной температуры достигает ни много ни мало тридцати градусов. И костерок ночью не разложишь, не погреешься у огонька. Война все-таки. Есть и другая беда. Стоит только полог натянуть, как под него набивается тьма-тьмущая мошкары, мелкой, противной. Откуда она на наши головы берется, не ясно. Можешь пройти под открытым небом по пустыне хоть сотни километров, встретишь редко-редко варана или там кобру какую, ну скорпиона, по-крабьи спешащего куда-то. Но ведь ни одна тварь не пролетит в тиши звенящей, кроме, конечно, орлов-стервятников, закружившихся над добычей-падалью. Кто там лежит, понятно, не узнаешь. То ли животное падшее, то ли человек погибший по какой- то из сотен причин. Знаешь только, что не ты, и это даже как-то радует. А чему еще радоваться?! Тень-день... Маловато радости сидеть здесь, в пустыне. Мошкара налетает, ну и черт с ней... Лишь бы не духи налетали. В принципе, не так уж и плохо. Еда есть, конечно, законсервированная и порошковая. Вода тоже не переводится, правда, теплая и противная, но все же... Вертушками раз в месяц, а то и реже, почту подбрасывают. Читаешь свеженькие новости, после того, как письма из дома и от друзей-подруг прочтешь. Духи редко беспокоят. Перестали караваны водить по зоне действия поста. Подобраться к нам нелегко. Заминирован радиус серьезно. И противотанковые, и противопехотные, и осветительные мины поставлены. Пулеметы по своим секторам пристреляны. Суньтесь только. Не война, а жизнь-малина! Только вот целыми днями... День-тень... Тень-день... Надоело? Мне тоже...

На посту взвод несет службу месяц-два-три, в зависимости от обстоятельств, от нас независящих. Каламбур! Слабо, да? Так ведь... ...День-тень... Тень-день... Живем, вообще-то, мирно. Солдатское, войсковое братство, а так же офицерское, прапорщицкое, сержантовское ефрейторское, рядовское, ой, что-то не так, да ладно, не важно. Главное, братство.

Вчера по рации "Маяк" поймали, по разрешению старшего лейтенанта Кулакова. Послушали о наших успехах в оказании помощи братскому афганскому народу, потом о том же самом, но нигерийскому, камбоджийскому, алжирскому, ливанскому и другим таким же братским и дружественным народам. Вывод один - готовь, дорогой Леонид Ильич, еще одну дырку, - за массированную атаку, тьфу, черт, помощь многим братским и дружественным народам Золотую Звезду Советского Союза- будут вешать. Потом немного музыки удалось послушать. Грустный голос Челентано грустно пел: "Пай, пай, пай, пай, пай..." Не знаю, о чем, но приятно. Леха Сироткин, наш радист, тумблером щелкнул, и нас обласкал родной голос комбата матом за то, что связи с нами нет. Леха соврал, что мелким ремонтом занимался - и даже не покраснел. Удивительно, да?! На следующий день у меня в голове вместо песенки про день и тень "пай, пай" крутилось. К вечеру, правда, на этот же мотивчик тень и день замечательно улеглись, а я даже и не заметил. Так и завалился спать.

В два часа ночи растолкал меня сержант, пора заступать на пост. Лихо! Заступать на пост на посту. Как там, масло масляное. Ага, точно. Теперь моя очередь четыре часа, вылупившись сонными глазами, воспаленными от песка, глазеть по сторонам, ждать с моря погоды.

Далеко от поста взвились вверх веером яркие шары осветительной ракеты. Ого, мой сектор. Тревогу поднимать не буду. Сами подскочат. Жму на курок РПК, слегка вожу стволом, чтобы пошире захватить в свинцовое русло пулеметной реки возможного врага. Хрен его знает, что там. Может, варан-баран залез на минное поле? Бывает и так. Значит, как только разлюбимое солнышко морду свою из-за холмов-барханов высунет, пойдешь, друг ситцевый, новые мины ставить. На твоем дежурстве взрыв произошел, тебе и ликвидировать последствия.

О, все уже на местах. А там тишина. Кулаков наш в бинокль пытается что-то рассмотреть. Ничего не увидит - это как пить дать! Точно, не увидел. Сейчас прикажет еще популять. Я же говорил! Пальнем, что уж там!

Снова трассеры режут темень, хлещут ее гадину, раздирают яркими стежками-точками. Хорош, хватит.

Ну вот, дежурство быстрее пойдет. Минут сорок у тишины вырвал.

Ой, что это? Кто это? Слышу топот ног, чье-то неровное дыхание приближается к нам. Ясно, что не наши. Вот они все, дрыхнут опять. Дыхание приближается. В бинокль вижу приближающееся пятно. Стрельнуть? Нет, подожду еще. Верблюд! А может за ним кто-то есть? Бью по животному короткой очередью. Верблюд отскакивает назад, задирает вверх ноги и валится на песок.

Бежим к верблюду со старлеем. На верблюде уздечка, седло, мешки свисают, набитые чем-то. Но самое главное то, что из чехла седельного ствол АКМ торчит. Значит, все же духи пытались прорваться. Все, до утра тревога. Ждать будем нападения.

Вон уже полосочка света заяснилась. Скоро узнаем, что и как.

Не знаю, духи это или нет, но среди убитых, подорванных на мине, есть три женщины и два ребенка, а также один мужчина. Видимо, шли ночью, старались сделать большой переход по холодку, а оно, видишь, как получилось, нарвались на заградительные мины. Да какие они к черту духи, если даже оружие из чехлов не вытащили. Значит, ничего о нашем посту не знали. Небогатый караванчик был. Два верблюда и один ослик, груженные мешками с тряпьем. На одном верблюде, который первым подорвался, дети спали в мешках. Вот они, лежат на разодранном взрывом животном. Не повезло малышам. А вот следы кровавые, бусинками раскатились по пыли, ведут куда-то дальше в пустыню, хоть к черту на кулички, лишь бы от шурави подальше. Правильно, чего тут делать. Интересно, кто ушел? Мужик. Точно. Вон один его тапочек валяется, весь в засохшей корке крови. Видимо, ноги осколками посекло. Ушел. Молодец. Живее будет, не знаю - здоровее ли.

Ух ты, одна женщина еще живая. Петька Ефимов, наш медбрат, над ней кружится. Да, здорово ей живот рассекло, все кишки наружу, а дышит, надо же. Правильно, в тень ее надо, скоро парилка начнется... День... тень...

Отнесли женщину на пост, а я остался. Теперь мины нужно установить. Так, противопехотная есть. Для верности еще одну рядышком прилепим, проявим хитрость солдатскую. Теперь парочку сигнальных воткнуть и все. Готово. А солнце-то какое! Сколько же я проводился? Часа три, не меньше.

На посту уже позавтракали и мне оставили. Спасибо. Перловочка и рыбка, очень вкусная, называется "Минтай в масле". Каждые полгода меню меняется. Вначале был "Минтай в масле", вторые полгода "Минтай я томате". Теперь снова "Минтай в

масле" - значит, скоро уже полтора годика, как я фосфором организм свой на всю жизнь, снабжаю. Вот как только подойдет очередь рыбки с томатиком, значит, не за горами и дембель-батюшка.

День тянется и тянется, долго... День... тень... Раненая женщина все никак не умирает. Петька замучался с ней. Бесконечно колет ей промедол, промывает рану, смачивает губы мокрым тампоном, отгоняет мошек. Теперь спит рядом с нейсморило мужика.

Наш командир связывался с полком, просил помощи - вывезти вертолетом раненую. Ему ответили недоуменными матюками и посоветовали заниматься своим делом.

Теперь ждем, когда день-тень закончится или нет, ждем, когда женщина умрет. Невозможно слышать ее стоны, протяжные, страдающие, бьющие по нервам. А милое солнышко разозлилось, печет, греет нас грешных, прокопченных на всю оставшуюся жизнь.

Пить захотелось. Пить водичку здесь нужно с умом, уметь нужно. Нельзя хватать ее залпом, огромными глотками. Нужно набрать немножечко в рот, смочить небо, весь язык, а потом только проглотить, можно потом еще несколько глоточков сделать. Жажду только тогда собьешь. А если не удержался и хватанул жадно, налил полный желудок - все, пить будешь беспрестанно и никогда не напьешься. А что уж будет твориться с тобой! Врагу не пожелаю. К сожалению, испытал на себе. Думал, вытеку весь.

...Да что ж она никак не успокоится, а? Ведь с ума же сойти можно! Мошкара облепила ее со всех сторон. Марлю кровь пропитала насквозь. Мошек не сгонишь теперь, как ни старайся. Да не ори же ты, не ори. Петька, уколи ее еще разочек! Нельзя?! Итак, говорит, много колол.

В тишине, колющей перепонки, крики женщины бьют молотом по обнаженным нерпам, в мозг. Не уйти, не спрятаться от этого крика.

- ЗА-А-А-А-А-АТКНИ-И-И-ИСЬ...

Витька Свиридов хватает автомат и кидается к тенту, под которым лежит афганка. Ведь пристрелит же, пристрелит. Нельзя, Витька, ты что! Человек же. Витька дергается в моих руках, то плачет, то смеется. Дошел парень. Все, обмяк, поспокойнее будет.

...День... тень... Что-то мне не по себе... ЗАТКНИСЬ ЖЕ, Я ПРОШУ ТЕБЯ, ЗАТКНИСЬ!!! Не кричи, хватит... День... тень... Тень... день... АААААААА!!!

* * *

- Товарищ подполковник, докладывает командир поста

старший лейтенант Кулаков. У нас тут ЧП. Сержант Иваницкий на мине подорвался. Нужно срочно эвакуировать в госпиталь.

- Что ж ты, Сережка!

- Да вот, - шепчу умирая. - ...Тень... День...

Глава 16. Юрка

Неподалеку от кандагарской "Арианы", если ехать или идти по дороге, ведущей к Кандагару от аэровокзала, есть шлагбаум. На этом шлагбауме круглые сутки дежурят два поста. Один пост шурави, второй - "зеленых". У каждого из них абсолютно одинаковая деятельность- проверять входящих и выходящих с территории аэропорта. На первый взгляд, служба неплохая, нет непосредственной близости с врагом, как в бою, в атаке. Но это только на первый взгляд. Наш пост с левой стороны бетонки, если ехать из Кандагара, а пост "зеленых" с правой. С их стороны противовес, который помогает вскидывать металлическую черно-белую трубу в полинявшее небо. Уже давно установилась традиция: "зеленые" поднимают шлагбаум, а шурави первыми начинают досмотр. Целыми днями приходится работать в напряжении. Люди идут пешком, едут на лошадях, в арбах, на верблюдах, на осликах; кто побогаче, имеет свой автомобиль или автобус. Грузовики тоже переделаны под автобусы. Уродливые ящики вместо кузова с прорезанными по бокам дырами-окнами. Груз крепится на крыше транспорта. Всевозможные мешки, тюки, ящики, коробки, саквояжи, чемоданы обтянуты рваной сетью, стянуты в одно безобразное целое, которое высится над машиной, иногда превышая размеры самой барбухайки. Весь местный транспорт представляет собой интересную картину. На машине нельзя найти ни одного местечка, которое бы не было заклеено картинкой. Обклеено все. Даже лобовые стекла обклеены, остается только узенькая щель, напоминающая триплекс, сквозь которую стиляга-шофер умудряется что-то видеть, и это-то на афганских дорогах, особенно на горных серпантинах! Картинки разной величины. Есть вкладыши от упаковок жевательной резинки, есть рекламные плакатики сигарет, вырезки из "Плейбоя" и "Пентхауза" запросто соседствуют с цветными разворотами из "Огонька". В глазах рябит от обилия красок, припудренных пылью дорог. Колоннами стоят грузовики "ЗИЛы", "ГАЗы", "Мерседесы", "Тойоты", маленькие и большие автобусы. Афганцы- народ терпеливый. часами ждут, пока дойдет их очередь. Никто не украшения для женщин, жалкие детские игрушки - вот чем набиты мешки. Все это нужно проверять. А вдруг среди этого скарба наткнешься на оружие? А может быть, под этой чадрой скрыто не нежное личико пятнадцатилетней

девушки, а вполне мужские усы и борода? Могут и опиум провозить таким образом. Поэтому служба на шлагбауме трудна и опасна. Если обнаруживается что-то, афганцы бьются упорно, хотя и видят всю бесполезность такого боя в самой середине военного гарнизона шурави. Перед посадкой в самолет пассажиров уже никто не проверяет. Некогда. Нужно быстрее погрузить пассажиров, продать прямо в самолете билеты счастливчикам, попавшим на этот рейс, и быстрее взлетать, пока не начался обстрел.

Юрка служил на посту уже почти год. Многое узнал он здесь об афганцах, вначале непонятных и пугающих, а теперь ставших ближе и понятнее. Многому научился Юрка. Теперь у него получилось чувство уверенности, что вот этот автобус пуст, а этот, нужно тщательнее проверить. В восьми из десяти случаев он оказывался прав.

Начальник "таможни" капитан Марат ценил интуицию Юрки и относился к нему снисходительно, спускал ему многие "выкидоны", на которые Юрка был большим мастером.

Была у Юрки любовь. Не простая любовь, та, что зовется фронтовой, а настоящая, как он сам утверждал. За эту любовь таскали Юрку в особый отдел. И не только Юрку. Капитан Марат на себе испытал все прелести особого отдела, но отстоял, отбил Юрку от цепких рук особистов при помощи командира полка, а может быть, даже и повыше стоящих людей. Помогли здесь необыкновенные способности Юрки определять на глаз контрабанду. Пока Юрку таскали по допросам, на посту произошли три крупные перестрелки с гибелью наших солдат и "зеленых". Духи пытались провезти полные машины боеприпасов, вступили в бой с солдатами и, что самое страшное, сумели уйти. Юрку вернули на шлагбаум, но строго-настрого предупредили его и капитана. А все дело было вот в чем.

Угораздило же Юрку влюбиться. Да не в какую-нибудь медсестру из госпиталя или официантку из столовой, а в стюардессу с индийской авиалинии "Боинга", летавшего по маршруту Калькутта - Кабул - Кандагар и обратно. Тогда Юрка начинал службу на аэродроме, было время, шерстил пассажиров у трапа. Увидел ее Юрка впервые у самолета всю такую неземную, о форменной короткой юбчонке, в ослепительно белой прозрачной кофточке, миниатюрно-маленькую, с длинными густыми черно-синими волосами, огромными голубыми глазами и пухлыми ярко-красными губами. Юрка даже застыл на месте, глаз от нее отвести не мог. Фарида заметила восхищенный взгляд русского мальчишки и улыбнулась ему. С тех пор Юрка заболел. Ждал прилета этого самолета, разузнал расписание и всеми правдами и

неправдами старался оказаться на "Ариане", чтобы увидеть девушку.

Фарида неплохо владела русским языком и первой заговорила с Юркой. Юрка и не помнил, о чем они впервые говорили. Запомнился только приятный запах духов стюардессы, ее белые маленькие руки с длинными ухоженными ногтями и звонкий смех. Чем-то Юрка привлек Фариду. При встречах они долго разговаривали. Девушка рассказывала, что живет с родителями в Калькутте, окончила университет в Париже, где и выучила русский язык, а летает стюардессой, потому что хочет увидеть мир, но пока летает на этой заштатной линии, набирается опыта. Юрка немного мог рассказать о себе. Родители живут в Рязани, он сам, недоучившийся студент МАИ{21}, поэтому, наверное, попал служите на аэродром.

Когда у Фариды было много времени, они сидели в комнатке для отдыха стюардесс, пили чай или кофе. Фарида о многом расспрашивала Юрку. Она никак не могла понять, почему в Союзе нет сил, направленных против войны в Афганистане, почему нет борьбы, похожей на ту, что велась в свое время в Америке против войны во Вьетнаме. Юрка только пожимал плечами, сам удивлялся тому, что ничего об этом не знает. Потом он долго размышлял над тем, что ему рассказывала Фарида. Она хорошо была знакома с идеями пацифизма и как могла, пыталась втолковать их Юрке, нисколько не навязывая своего мнения. Юрка многое понимал, но во многом сомневался. А как же присяга? А кто же будет защищать южные границы нашей Родины? Так то же американцы на Вьетнам напали! И так далее.

Их взаимоотношения вскоре переросли в более близкие, интимные. Юрка однажды прижал девушку к себе и быстро скользнул губами по ее щеке. Фарида не отстранилась, подняла руку и провела по щетинистой щеке Юрки теплой ладонью. Юрке стало неловко за свою небритость, он торопливо попрощался и ушел. В следующие встречи-свидания Юрка всегда был чисто выбрит, выстиран, отутюжен.

Однажды, через полгода знакомства. Юрка и Фарида оказались одни во всем здании аэровокзала. Когда Юрка спешил на встречу, начался обстрел. Вечерело. Солнце скрылось за близкими горами. Свет везде потух-маскировка. Тяжелые снаряды с воем проносились в сторону гор, а оттуда летели "Стингеры" и легкооперенные стрелы "Рэд ай". Юрка мчался к "Боингу", на котором прилетела Фарида. "Боинг" был тоже пуст, как и здание "Арианы". Юрка забегал по площадке, тихонько покрикивая: "Фарида..." Н Фарида услышала. Она выбежала из землянки, в которой всегда скрывались экипажи самолетов во время

обстрелов и о которой Юрка от страха за девушку совершенно забыл. Она подбежала к Юрке и крепко-крепко обняла его. В груди у Юрки разом потеплело, все отступило, он был счастлив. Потом они ушли в здание аэропорта. В абсолютной темноте комнатки с зашторенными окнами Юрка раздел Фариду и впервые за свою девятнадцатилетнюю жизнь овладел телом девушки, любимой девушки. Когда все закончилось, обстрел уже стих... Юрку взяли особисты прямо на выходе из комнатки, он даже не увидел, ушла ли Фарида.

Его долго расспрашивали о контактах со стюардессой, стращали, даже били. У Юрки хватило ума настаивать на том, что его привлекала только возможность полового контакта, хотя и противно и горько было говорить такие слова, предавать свою любовь. Целый месяц возились с Юркой, но доказать ничего не смогли, а может, просто план по отлову предателей был выполнен, и, как это ни странно, его вернули в полк, но перевели на шлагбаум.

Капитан Марат просил Юрку об одном, чтобы он уходил на "Ариану" не во время службы. Но другого времени у Юрки не было, поэтому он уговорил Фариду приходить к нему. Ребята на посту любопытствовали, конечно, но тактично оставляли влюбленных одних. О будущем Юрке не хотелось думать. Пусть пока будет все, как есть. Время покажет. Фарида тоже избегала этой темы, и они просто любили и наслаждались своей любовью.

Юрка издалека почувствовал надвигающуюся опасность. Перед шлагбаумом затормозил здоровенный автобус, как всегда груженный сверх всякой меры. Солнце лениво выкарабкивалось из-за гор, едва освещая изукрашенный автобус. Юрка первый зашел в заплеванный салон. Ничего необычного. Сидят люди, выжидающе смотрят на вооруженного солдата. Юрка скользнул взглядом по лицам. Вроде бы все как всегда, но тревога какая-то скользит, пошевеливается грозно. Юрка медленно пошел по салону. У входа в автобус капитан взял автомат на изготовку. Юрка прошел до конца автобуса, резко повернулся на каблуках и пошел назад. Внезапно он остановился возле высокой женщины и сорвал с ее головы чадру. Крик ярости раздался в салоне. Под чадрой скрывался мужчина, который выхватил нож и всадил его в грудь Юрки, но клинок только взрезал ткань бронежилета и скользнул в сторону. Юрка Отпрыгнул назад и затарахтел автоматом в потолок автобуса. Капитан проделал то же самое. Обычно, в такой ситуации наступает тишина, и начинается досмотр. Но здесь все встрепенулись, выхватывая припрятанное оружие. Юрка кинулся на пол, под заднее сиденье, а капитан выскочил из автобуса, на ходу снеся очередью голову водителю,

тянувшегося кинжалом к офицеру. Юрка стрелял по пространству, которое видел из-под кресел. Кто-то взвыл, подкидывая раненые ноги вверх.

Солдаты уже полоснули по автобусу, превращая его в решето, но старательно обходили то место, где мог быть Юрка. Юрка же сжался в комок и ждал, когда закончится стрельба. Все стихло, только невнятные стоны несмело шуршали над потоками крови, которые текли по полу автобуса, заливали Юркин автомат, лежащий под рукой. Юрка вышел из автобуса. На этот раз добыча была крупная. Автоматы и пулеметы, мины и гранаты, патроны и снаряды везли духи. Потом уже Юрка понял, что насторожило его в первыый момент,- ни одного ребенка не было.

Через неделю после этого события душманы сильно забеспокоились в околокандагарских зеленках чаще стали нападать на гарнизон и колонны грузовиков, пытались просочиться на территорию аэродрома.

...Юрка пошел провожать, с разрешения капитана, Фариду на аэродром. Уже подходили к зданию "Арианы", как со стороны шлагбаума разнеслись звуки выстрелов. Юрка сам осматривал стоящие там машины и заверил капитана, что в них все чисто. Юрка бросился назад, Фарида - за ним.

- Уходи,- кричал ей на ходу Юрка,- иди в самолет, я скоро...

Но Фарида бежала за ним следом.

Юрка вылетел к, шлагбауму. Пули черкали воздух, взвывая вверх и свистя. Оба поста вели огонь по машинам, из которых яростно огрызались. Юрка кинулся в пыль и тоже принялся поливать очередями барбухайки. В пылу боя он даже забыл о том, что за ним, где-то сзади бежала Фарида. Только когда стрельба закончилась, Юрка вспомнил о девушке и оглянулся назад. Фариды не было видно. Юрка поднялся с земли, стряхивая с себя пыль. Тяжело вздохнул Юрка и отправился к посту, но внезапно оглянулся и увидел за ящиками лежащую Фариду. Юрка не помнил, как он оказался возле нее, как поднимал ее лёгкое тело, как нес на руках, через весь гарнизон ее в госпиталь. Очнулся только тогда, когда санитар толкнул его в плечо:

- Умерла твоя девка...

Юрка шел назад на пост оглушенный и уничтоженный, а в голове звучал голос Фариды:

- Как ты думаешь, Юра, зачем эта война?

Глава 17. Артем

Лучше всего двигатель вертолета запускается ранним утром, когда еще солнце не успело превратить воздух в пышущий жаром кисель, в котором, кажется, лопасти беспомощно барахтаются, не

в состоянии обеспечить себе опору для взлета. Если же случилась такая досадная вещь, как подъем в воздух после обеда, не стоит отчаиваться. Всегда можно вызвать на взлетку водовозную машину, облить вертолет, что называется, с головы до ног, и смело запускать двигатели. Разжиженное температурой адской печки масло принимает свои свойства и действует согласно требованию машины. С аэродрома вообще приятно взлетать. Не надо насиловать аккумуляторы, поднимаясь свечой вверх. Помогает машина с огромным запасом электроэнергии. Толстые жгуты тянутся к вертолету, питая его электричеством. Перед самым взлетом их убирают технари. Малейшая поломка в машине вызывает заботливую беготню. Механики суетятся, но с толком, и быстро устраняют возникшие дефекты. Хуже дело обстоит на полетах. Сядешь где-нибудь в горах или в пустыне, вокруг- война, примешь на борт людей и срываешься посумасшедшему вверх, подальше и повыше бросаешь машину; чтобы побыстрее уйти из зоны обстрела. Вертолет МИ-8 - машина надежная, не подведет в бою, если уцелеет. Летуны любят и жалеют свои "восьмерки", стараются избегать ситуаций, в которых нужно рвать на пределе ручки управления, выжимать шаг-газ до монотонного взвизга двигателей. В редких случаях после гибели машины экипаж остается в живых. Вместе воюют, вместе живут и летают, вместе и умирают. А если остался в живых хоть один член экипажа - помнить будет свой борт всю жизнь, даже если и пересадят его на совершенно новую модификацию вертолета. А все потому, что доверяют люди своей машине. Хоть и говорят, что когда Бог раздавал дисциплину, авиация была в воздухе - это неправда. Все-таки, порядок в авиации есть. Техники-механики головой отвечают за отправленный в воздух вертолет, и не дай господи, случится что в полете, откажет какой приборчик -погибнут экипаж и пассажиры, если таковые будут на борту. Комиссия по расследованию летных происшествий найдет причину гибели машины, разыщет тот самый незаконтренный механиком винтик, обнаружит забытую отвертку, на которой клеймо есть. Так что не сносить головы виноватому. Из-за этого, наверное, есть некоторое панибратство между людьми, доверяющими друг другу независимо от количества звезд на погонах и отсутствия таковых.

"Восьмерки" в афганской войне используются круглосуточно. Перевозят грузы, доставляют солдат на операции в район боевых действий, везут обратно в полк раненых и убитых. Работы на войне много.

Экипаж "восьмерки" с бортовым номером "полсотни два" был слетанным. Командир его, капитан Рудницкий Артем, правый летчик старлей Хейдаров Ильяс и борттехник-прапорщик

Шумилов Андрей, летали вместе больше года. Где только не побывали за это время ребята. Шинданд, Газни, Пулихумри, Файзабад, Джелалабад, Кандагар - все знакомо экипажу. Сколько точек безымянных облетали, одному Аллаху известно.

Вертолет получали в Союзе в Кокайты. Блестел он тогда свежей красочкой, нанесенной маскировочными пятнами, сиял никелем и новенькими блистерами, а пахло от него так приятно неуставшим металлом и чистотой. Теперь же машина потеряла свой былой лоск, но зато стала ближе и роднее. Заплаты украшали борт вертолета. Блистеры потрескались, потеряли свою прозрачность. Фонарь фюзеляжа снизу прикрыли коробкой из бронелистов. Не единожды приходилось садиться на скаты от КамАЗов - срезало стойки шасси, а от этого летели к чертовой матери лопасти, разлетались ошметками от ударов о бетон взлетки. Однажды садились без хвостовой балки. Благо, что подбили при посадке на шиндандский аэродром. Выждали духи, когда не осталось чем отстреливаться и саданули "стингером". Вертолет бросило в сторону, и балка отскочила словно ветка под топором. Дым, гарь, копоть наполнили салон. Лопасти молотят в одну сторону, а корпус машины вращается в другую. Кошмар! Как сели тогда, до сих пор удивляются парни. Но ничего - живы и протезированная машина с ними.

Сегодня под вечер должны были взлетать в паре за группой, высаженной неделю назад в горах. Отвозили тридцать спецназовцев. Сколько-то привезут назад? "Полсотни второй" идет ведущим, а ведомым - новый экипаж на новенькой "восьмерочке" с бортовым номером "сотня три". До вечера еще далеко, есть время подготовиться к полету.

Но не довелось ребятам "отдыхать" до назначенных девятнадцати ноль-ноль по-местному времени. Во время обеда ворвался посыльный из штаба полка и выкрикнул:

- Полсотни второй и сотня третий, на вылет.

Поднялись летчики из-за столов и пошли к выходу из столовой-палатки. Молча проводили их взглядами те, что оставались на земле, ждали своей очереди. Не принято в здешнем полку прощаться с уходящими в небо, желать удачи. Удача-штука капризная, не спугнуть бы ее!

Командир полка дал приказ вылетать немедленно. Запросили помощи спецназовцы. Видать, крепко их духи прижали.

Взмыли в небо по - самолетному, разогнавшись по взлетке, и стали взбираться повыше в небо, ввинчиваясь стрекочущими лопастями в разом заплотневший воздух.

Артем смотрел сквозь стекло фонаря на однообразную картину под брюхом вертолета. До места лету не меньше часа.

Ползли под вертолет пустынные километры, уползали назад невысокие сопочки, однообразно серые. Редко встречались маленькие кишлаки со сферическими крышами домов, с одинокими чахлыми деревцами. Кое-где встречались пашни, засеянные неизвестно чем. Блестели под солнцем узким металлическим лезвием речушки. Попадались небольшие стада верблюдов, задиравших гордо посаженные головы вверх на пролетающие вертолеты. А вот уже и горы. Песчаные сопки-барханы плавно начинают каменеть, ослепительно сверкать скальными зубами, потом незаметно появляются широкие языки скальных пород, и, наконец, горы вплывают в обзор во всей своей хищной и опасной красоте.

Все, хватит любоваться! Ильяс по карте находит место, где они должны подобрать спецназовцев. Тычет пальцем в карту и кричит в "ларинги":

- Здесь, Артем, здесь они должны быть!

Артем кивком отвечает и до боли в глазах начинает искать ориентиры. Как всегда, первым находит нужные точки Андрей и на полсекунды раньше Артема кричит:

- Есть?.. Вон та вершина...

Артем уже кренит вертолет на левый бок и скользит к нужной скале. Ведомый борт идет следом, выполняя все маневры ведущего. У ребят с ведомого задача прикрывать и помогать ведущему.

Пронеслись раз над местом встречи - никого. Вернулись еще раз. Повисли на месте. Нет, не видно. Артем принял решение медленно расширять круги поиска. Его машина пошла на правые круги, а ниже пошел ведомый на левые. Вскоре с ведомого доложили, что обнаружили маленькое горное озерцо, возле которого, по всей вероятности, идет бой. Артем пошел к озеру. Действительно, под собой Артем увидел ртутный блеск озера. Спустились ниже. Теперь хорошо были видны вспышки взрывов и выстрелов. Артем бросил машину- еще ниже, почти к поверхности озера, на ходу определяя, где духи, а где спецы. Спецназовцы прятались за грядой камней, почти у самой воды. Духи пытались взять их в клещи и двигались вокруг озера, напирая со всех сторон.

Артем сделал разворот и полетел вдоль береговой полосы озерка, поливая духов из передней пушки и пулеметами с подвесок. Андрей уже поводил стволом пулемета, закрепленного на входе в вертолет. Духи дрогнули и побежали в каменные укрытия. Ильяс отметил координаты их укрытия. Ведомый выполнял развороты, долбя из всех стволов по другой стороне озера. Артем пошел на камни, под которыми прятались духи, и

всадил в них Курсами полной подвеской. Пламя, смешанное с щебнем и дымом, взвилось вверх, заслонив на время картину боя. Сотня третий высаживал снаряды по своим целям, не давая возможности духам перейти в более безопасное место. Артем приказал ведомому попытаться снизиться и подобрать спецназовцев. Сам кинулся разъяренным шмелем на высовывающихся духов. Ведомый начал снижаться над грядой, откуда выглядывали спецназовцы. Машина низко зависла над, ними, коснулась мягко скальных обломков. Не глуша двигатель. вертолет терпеливо ждал, пока в него втиснутся остатки отряда. Люди торопливо влезали в машину, быстро волокли на руках раненых. Артем все хорошо видел сверху и мучился над озером, отбивая атаки духов. Наконец, ведомый взревел двигателем и тяжело оторвался от земли. Он поднялся уже метров на двадцать, когда Артем увидел знакомый хвост "Стингера", пущенного с близкого расстояния. Снаряд ударил ведомого и правый борт. Вертолет мгновенно задымился и, теряя скорость и высоту, начал крениться вправо, как зачерпнувшая воды лодка. Подбитая машина рухнула в озеро, и вода сбила пламя, начавшее лизать фюзеляж. Машина Артема носилась над водой, изрыгая огонь и свинцовые потоки, давая возможность уцелевшим выбраться на берег. Люди торопливо плыли в ледяной воде, некоторые зарывались в нее головой и больше не появлялись на поверхности. Теперь уже духи не обращали большого внимания на вертолет, носящийся над их головами. Боезапас НУРСов вышел, а пулеметные струи не приносили страшного ущерба спрятавшимся за камнями. Зато теперь Артему приходилось быть предельно осторожным, то н дело он нажимал на педали перекоса винта, лавируя среди смертоносных линий и отстреливаясь тепловыми ракетами от "Стингеров" Пули стучались в бронелисты, настойчиво нащупывали слабое место, чтобы ворваться в вертушку, уничтожить летающих шурави.

Вертолет в озере булькнул огромным воздушным пузырем, разошедшимся по поверхности маслянистой волной от берега до берега. Артем увидел, как из клокочущей воды вынырнули два человека, они усиленно гребли, то и дело ныряя и стараясь отплыть под водой подальше от машины. Артем усилил атаки на ту сторону, куда направлялись пловцы. В это время он услышал в наушниках мгновенно прервавшийся крик Андрея. Артем кинул взгляд через блистер и увидел тело Андрея, по-мертвому распластанное в воздухе. Еще он успел заметить болтавшийся на проводке штеккер от "ларинга" Андрея. Артем скрипнул зубами и крикнул в эфир Ильясу:

- Иду на правый разворот. Как только сравняемся с этим

берегом, -он указал пальцем на противоположный от ребят, выползающих на берег, скалистый козырек, откуда методически выплевывались "Стингеры",- сразу сбрасывай бомбу. Бомба, кувыркаясь и переворачиваясь, засвистела вниз и рванула оглушающим взрывом. Казалось, что взметнувшаяся корона достанет вертолет, слизнет его вниз, но его лишь тряхануло волной. Артем выровнял машину и пошел на бреющем полете к скрывавшимся в небольшой пещерке беглецам. Ильяс метнулся к лебедке и, не дожидаясь, пока командир зависнет над местом, выбросил за борт трос с ременным поясом и включил механизм.

Спецназовцы выскочили на камни и, высоко задрав головы и протянув руки к зависшему над ними вертолету, ждали, когда трос опустится. Духи увидели, что от них могут уйти, и усилили стрельбу по вертолету. Вот уже пояс у ребят. Один быстро обмотал его вокруг себя, защелкнул пряжку, и лебедка медленно начала наматывать тросик на барабан. Второй специазовец юркнул за камни и напряженно следил за вертолетом. Наконец, первый исчез в машине, и тут же трос вылетел обратно. Ильяс выглянул из вертолета. Только на миг показалась его голова из проема двери, но этого мига хватило афганскому стрелку, и Ильдс, не успев даже вскрикнуть, рухнул вниз.

Артем включил автопилот и вылез в салон. На полу в бессознательном состоянии лежал раненый спецназовец. Артем выглянул вниз и увидел, что второй уже прицепил ремень и ждет, когда же его начнут поднимать. Артем включил реверс и кинулся в кабину. Как раз в эту секунду в борт ударился "Стингер". Машину мотнуло в сторону. Артем лихорадочно попытался увести машину от неизбежного удара о близкие скалы. Машина еще раз дернулась. Артем выглянул через блистер, его бросило в холодный пот. Лебедку заклинило и беспомощное тело повисшего на тросу с размаху врезалось об острые камни скалы, потом еще раз и еще. Артем начал набирать высоту, выжимая невозможное из натужно ревущей, дымящейся машины. Нужно уйти дальше, дальше от этого озера. Вертолет перевалил за гору, скрывавшую за собой озеро. Артем тянул и тянул по ущельям, послушно выполнял последнюю волю умирающей машины, требующей посадить ее, дать коснуться напоследок земли. От напряжения заломило все мышцы, костяшки пальцев побелели. Артем увидел пригодную для посадки площадку и повел "восьмерку" туда. Двигатель заклинило на высоте трех метров от земли. Машина шлепнулась брюхом на камни, скрежеща дюралем и броней по их остриям, вырывая из креплений стойки шасси, круша лопасти о скальную стену. От удара Артем потерял сознание и очнулся от чьего-то прикосновения к плечу. Он вздрогнул, приходя

мгновенно в себя и сунувшись рукой к кобуре.

- Ты что, летун, это же я, - прохрипел сзади спецназовец.

Артем кивнул и заторопился к выходу из кабины:

- Быстрее, быстрее... пошли отсюда, сейчас рванет...

Они выскочили из вертушки, на ходу похватав мешки с боеприпасами и НЗ.

Долго пробирались среди уступов гор, уходили подальше от подбитого вертолета, рванувшего через несколько минут после их ухода.

Шли долго, до самой темноты, до полной потери сил. Артем следил за компасом, уверенно шел по направлению к Кандагару. Спецназовец Володька шел легко, уверенно ступал на камни и поддерживал соскальзывающего летчика. Шли молча, говорить было не о чем. За ночь прошли очень много. Впереди оставалось километров двадцать по пустыне. Володька предлагал переждать день в горах, а ночью рискнуть идти к аэродрому. Но Артем упрямо мотал головой, закусив губу, шагал дальше. Над головой все чаще проносились самолеты, спешащие нанести бомбовые удары по точкам. Прошло звено вертолетов, стреляя на всякий случай но движущимся внизу фигурам.

Артем шагал и шагал вперед с единственной мыслью- отомстить за ребят, растопить в груди злобу, ледяной глыбой лежащей на душе. Он не сразу услышал крик Володьки:

- Стой! Стой! Мины!

Артем глянул под ноги и успел увидеть только рвущееся наружу пламя взрыва... Спецназовец поднялся с песка, стянул с головы панаму, что-то шепнул рассохшимися губами и побрел дальше к уже видным вышкам кандагарского аэродрома.

Глава 18. Максим

Максим брел обессиленно по узкой кромке горной тропы, усыпанной острыми обломками камней, испещренной трещинами, расползшимися по древнему монолиту скалы, после недавней вертолетной атаки. Тропа обрывалась во многих местах неожиданными изломами и заставляла Максима прижиматься к горячей стене, впиваться сорванными ногтями в узкие щели с острыми краями. Пальцы уже потеряли чувствительность, но еще держали крепко. Ноги самостоятельно нащупывали подошвами ботинок крепкие выступы. С левой стороны тропа обрывалась ужасающей пропастью. За ниже выпирающими выступами дна ее не было видно. Максим несколько раз соскальзывал на сбитой подошве, и камни срывались вниз. Ударившись об уступ они летели далеко в сторону и беззвучно исчезали в пропасти. Куда идти, Максим не знал, но брел и брел в глубь гор, уходил

подальше от разбитого самолета, догоравшего где-то далеко отсюда, в неприветливой серо-желтой пустыне...

В Кокайты их роту не вооружили, случилась какая-то очередная накладка и загнали солдат в АН-12 безоружными. Старшина с командиром роты и лейтенантами - командирами взводов ушли в головную часть самолета, в небольшой тамбур между кабиной летчиков и грузовым отсеком. Солдаты же уселись на длинные дюралевые скамейки и уныло ждали взлета. Понурые лица товарищей выводили Максима из себя, не давали сидеть спокойно. Он вскочил с места и зашагал по проходу между скамьями, расположенными по борту самолета.

- Значит так, -прокашлялся Максим, обращая на себя внимание солдат. Везут в Афган молодых. Вот как нас, -он обвел рукой чрево самолета и продолжал, подряжая голосу старшины. - Старшина ходит по самолету и говорит: "Летим, братцы, в Афган. Там - война. За голову каждого убитого духа дают сто рублей. Все ясно?!" Максим сделал загадочную паузу, проверяя, все ли слушатели заинтересовались его анекдотом.

Солдаты с интересом ждали продолжения, нетерпеливо подавшись всем телом к рассказчику. - Ну вот, - удовлетворенно продолжал Максим, - садится, значит, самолет. Все из него - шмыг! Старшина по взлетке ходит, мечется туда-сюда, на часы то и дело поглядывает, -изображает Максим. - Час проходит, второй никого. Вдруг видит, в самом конце взлетки появились солдаты его роты, и каждый несет по четыре головы. Старшина хватается за голову и кричит: "Ребята, мы еще в Ташкенте!"

Самолет вздрагивает от ревущего хохота. Солдаты смеются весело, по-мальчишески. Кто-то, захлебываясь смехом, откидывает голову назад и ударяется о борт, и это вызывает еще один взрыв хохота. Кто-то тоненько взвизгивает, не в состоянии передохнуть, и вскидывает вверх ноги, обрушиая каблуки ботинок на гремящий пол. Семен Жуков - друг Максима - сползает со скамьи в совершенном изнеможении, широко расставив ноги и разинув рот. Он всасывает в огромную грудь воздух, старается успокоиться, но смех еще живет и нем и рвется сквозь легкие наружу. Семка бессилен с ним справиться и, откинувшись уже всей спиной на пол, опять заливался громовым хохотом.

Максим уже сел на свое место. Он скромно сдвинул ноги, выпрямил спину, руки положил на колени ладонями вниз, вытянул шею и преданно смотрел на вышедшего из кабины старшину, заинтересовавшегося шумом. Солдаты никак не могли успокоиться, даже на старшину никак не реагировали. Стоило им только взглянуть на Максима, увидеть его плакатно - уставную позу, прямо-таки отличника боевой и политической подготовки,

как смех возрождался с новой силой.

Старшина неловко чувствовал себя в потоках смеха. Не зная причин хохота, он потоптался на месте, ало глянул на примерного солдата Максима, чувствуя, что причиной этого безобразия был именно он, плюнул и ушел назад в кабину, хлопнув дверью под вновь загрохотавший смех.

Самолет оторвался от земли и, гулко ревя двигателями, начал набирать высоту. В ушах неприятно заложило, тело вжималось в твердую скамью. Рев двигателей сотрясал транспортный отсек, звенел вибрацией. После набора высоты стало легче. Солдаты расслабились. Кто-то уже спал, кто-то пытался читать. Максим задремал. Через час, полтора самолет пошел на посадку, часто прогрохотал колесами шасси по швам взлетно-посадочной полосы, зарулил на площадку и замер, остывая под струями ветра. Солдаты высыпали на бетонку. Следом выскочил старшина и приказал строиться, потом зашагал вдоль строя и заговорил:

- Прилетели в Афган, - старшина многозначительно помолчал. - Здесь война...

Хохот подбросил солдат, мгновенно разорвал ровные шеренги. Один Максим стоял не шелохнувшись и, что называется, ел глазами начальство. Солдаты, взглянув на рассвирепевшего прапорщика и оловянно застывшего Максима, захлебывались новым потоком смеха.

Старшина, наливаясь гневом, зарычал:

- Пр-р-р-рекратить смех! Всем в строй! Я вам покажу... Ребята вновь выстроились, всхлипывая и икая от сдерживаемого смеха.

- Никому не расходиться! Через час летим дальше, в Кандагар. Быть возле самолета. Вопросы есть?

- Товарищ прапорщик, - просительно заныл Максим, -очень кушать хочется...

Старшина не встрепенулся, против обыкновения, когда услышал голос Максима, ненавидимый им с первых же дней знакомства с этим солдатом. Сейчас подвоха не было в голосе, и старшина, деловито нахмурившись, ответил:

- Сейчас все узнаю. Никому не расходиться, - и неуверенно добавил, разойдись.

Все покинули свое место в строе, только Максим стоял, по-прежнему вытянувшись и так же преданно глядя на старшину. Надо было уйти прапорщику, не обращать внимания на солдата, но черт дернул спросить:

- Шумилин, в чем дело?!

- Думаю, товарищ прапорщик! - по-уставному громко и четко ответил Максим.

- О чем же ты думаешь?

- Так, товарищ прапорщик... Вы же сначала сказали: "Никуда не расходиться". Так?

- Ну...

- А потом сказали: "Разойдись". Рота уже вповалку барахталась в пыли. Старшина страшно выматерился и прогремел:

- Шумилин, уйди с моих глаз! Уйди... Убью!!! Максим вскинул прямую ладонь под панаму и строевым шагом пошел в обход самолета - скрыться с глаз долой.

Просидели у самолета до самого вечера, с любопытством осматриваясь вокруг. Чужая страна все же! То и дело сновали вверх-вниз самолеты и вертолеты, проходили люди, группами и поодиночке - все какие-то запыленные и устало помятые, с автоматами за плечами. На вновь прибывших солдат никто не обращал внимания, только из проезжавшего мимо "Урала" высунулась из кабины круглая физиономия солдата рыжего-рыжего. Максим моментально отреагировал:

- Мужики, гляньте, солнце взошло! Рота опять заржала, а нисколько не смутившийся солдат, видимо, привыкший к таким эпитетам по отношению к своей внешности, чуть притормозил и спросил сочувственно у Максима:

- Новенькие?

- Да.

- Ну, тогда вешайтесь, -загоготал водила и швырнул Максиму под ноги старый брючной ремень, затянутый петлей.

На душе сразу стало тоскливо и холодно. Максим побродил вокруг самолета, подошел к Семену и позвал его с собой:

- Семка, хрена тут торчать. Пойдем, пожрать поищем.

Семен охотно пошел за Максимом, который на ходу попросил ребят ответить на вопрос старшины, что они отлучились по большой нужде. А что, не большая нужда разве насчет пожрать?

Ребята пошагали в самый конец аэродрома, где виднелось скопление палаток и вокруг них сновали фигурки людей. Мимо солдат, шагающих по прибетонной пыли, пронесся в другую сторону от городка, извергая сноп форсажного пламени, МИГ-23 и, легко оторвавшись от земли, ушел в вечереющее небо, уже наливающееся незнакомой, пугающей чернотой.

Подошли к палаткам, когда уже почти стемнело. Семен торопил Максима, но тот его не слушал и только отмахнулся, увидев неподалеку несколько полевых кухонь. Подошли поближе. Среди солдат, моющих котлы, Максим даже и не пытался найти повара. Повар восседал устало на венском стуле, невесть откуда взявшемся здесь, стоящем за палаткой на прохладном ветерке.

Повар с наслаждением тянул дым из длинной сигареты, и Максим готов был поклясться, что дымок этот с густым запахом анаши , знакомым Максиму с гражданки. Максим деликатно присел на длинные зеленые ящики и о чем-то заговорил с поваром. Через минуту повар уже дружески хлопнул Максима по плечу и, встав с музейного, страшно заскрипевшего стула, повел нового знакомого в палатку. Вскоре Максим вышел из нее с двумя тяжело груженными вещмешками, а вслед ему несся гогот повара:

- ...Не могу, ой, не могу... мы же еще в Ташкенте... Назад к самолету их подбросил на своем "Урале" знакомый водитель-солдат. Старшина с офицерами еще не появлялись. Максим с Семеном развязали мешки и вытряхнули их содержимое на плащ-палатку, мгновенно расстеленную ротным обжорой Серегой Катисовым. Банки с тушенкой и несколько буханок хлеба несказанно обрадовали изголодавшихся за длинный день солдат. Холодная тушенка с толстыми слоями бело-желтого жира мгновенно исчезла из взрезанных банок, вкусная пряная жидкость вымакивалась хлебом, и пустые жестянки летели в пыль, провожаемые вечноголодным взглядом Сереги Катисова.

Скоро вернулись командиры, и старшина объявил, что через час они летят в Кандагар. Но час в Афгане почти вся ночь. Солдаты спали вповалку прямо под брюхом самолета, подложив под головы худые вещмешки. Спали тревожно, часто просыпались от треска автоматных выстрелов, одышечного лая крупнокалиберного пулемета и свиста осветительных и сигнальных ракет. Если бы не Максим, быть бы всем голодными. На довольствие вещевое и продуктовое их здесь не поставили. Перед отбоем летчики и офицеры их роты вынесли из самолета свои сухие пайки, чтобы хоть как-то накормить солдат, но старшина остановил их, пнув ногой в кучу пустых консервных банок:

- Не надо... Их уже другой старшина накормил... Только начало светать, самолет ожил, забубнил и излетел - радостно бросился в зардевшее небо, набрал высоту, лег на нужный курс и полетел от Шинданда к Кандагару.

Максим очнулся от своих тягучих мыслей после первого удара в левый борт самолета. Ребята сидели с вытянутыми лицами, неестественно выпрямив спины, испуганно смотрели друг на друга, как будто кто-то из них был виноват в свершившемся. От рампы вовнутрь самолета тянулись струйки дыма. Из кабины выскочил заспанный старшина:

- Всем на пол, быстро, быстро! Колени подтянуть руками к груди, головой притиснуться к ногам.., -старшина кинулся к Семену, - ну, ты, урод, очки сними с морды!

Старшина сорвал с ошалевшего Семена очки и сунул ему в руки, потом выпрямился, разом какой-то осунувшийся, и прошептал:

- Падаем... вроде...

Не успел старшина сказать, как второй удар, встряхнувший самолет, сбил его с ног. Солдаты съежились, пытаясь превратиться в комочек эмбриона. Самолет напряженно взревывая, стремился к земле. Максим сидел почти у самой рампы, от нее валил вонючий черный дым, сквозь него прорывались узенькие клиночки будущего большого пожара. Максим придвинулся поближе к сидящему перед ним Семену.

Самолет не шлепнулся плашмя на землю. Летчики смогли вывести машину перед самой землей, и она скользнула по скалистому грунту мгновенно разлетевшимися шасси, смягчившими сокрушительную силу удара. Самолет рухнул на подкошенных коленях, вспарывая брюхо на острых каменных клыках, одновременно со взрывом, блеснувшим с правого борта. Двойной удар вышиб дух из Максима. Следующий взрыв швырнул его в кошмар действительности. Максим поднялся на слабых ногах, потянул за собой Семена, но тот безвольно лежал, напоминая своей позой, расплывающейся в мутном взгляде Максима, медузу, выброшенную на песок. Максим вдруг понял: - Семка мертв! Еще один взрыв раздался в кабине летчиков. Максим побежал по изуродованному полу, пытаясь найти хоть кого-нибудь живого. Но зубы скал, пропоровшие самолет, перемололи своими остриями сидящих солдат... Почему и как повезло Максиму, он не знал, да и не старался докопаться до объяснения не до того. Максим пролез в рваную дыру и оказался снаружи под ярким солнцем. Самолет затягивало жирными хлопьями дыма. Максим понял,. что вот-вот раздастся взрыв - нужно уходить. В голове гудело, разламывало болью все тело, но все равно надо уходить. Едва Максим поднялся на невысокую гряду - в небо взметнулся черный гейзер взрыва. Максим свалился по другую сторону гряды, прикрывая голову руками. С неба сыпались осколки, но, к счастью, ни один из них не задел его. Максим довольно долго пролежал, успокаиваясь и пытаясь восстановить силы. Вначале Максим хотел остаться здесь, ждать помощи, но внезапно понял, что здесь война, и совсем необязательно, что сразу же кинутся искать пропавший самолет. Но куда идти. Максим не знал. Ни оружия, ни продуктов нет, и Максимом овладело отчаяние. Прилив страха вновь обессилел его, но всегдашняя жизнерадостность начала потихоньку врачевать Максима, и он решил уходить куда-нибудь, понадеявшись на свою счастливую звезду.

Максим побрел в горы, выбирая путь между огромными валунами. Жажда мучила все сильнее и сильнее. Внезапно он услышал вдалеке стрекот вертолетов. Машины летели по направлению к погибшему самолету. Максим кинулся назад, надеясь, что его увидят и подберут. Он бежал, не разбирая дороги, оступаясь и падая, разбивая в кровь колени и локти. Когда он подобрался ближе к горевшему самолету, там кипели взрывы. У огромного костра метались фигуры людей, стрелявшие из автоматов по проносящимся над ними огромным стрекозам, изрыгающим пламя. Максим спрятался за камнями, поняв, что это и есть война, а люди внизу - душманы, за головы которых, якобы, полагалось сто рублей за штуку. Поди, возьми, на пару тысчонок внизу голов наберется! Душманы стремились на тропу, чтобы уйти в ущелье, но пулеметные трассы сшибали их с узкой дорожки, сметали вниз. В завершение боя с вертолетов саданули Курсами, круша и ломая все вокруг. Максим даже пожалел, что вернулся сюда и порадовался, что душманы не карабкались в его сторону. Когда уже никто и ничто не шевелилось, вертолеты сделали круг над местом гибели самолета. Максим вылез из-под камней и, вскарабкавшись на один из них, замахал руками, закричал во все горло. Один из пары вертолетов развернулся носом в сторону Максима, хищно блеснув под солнцем блистерами, и понесся на солдата, высоко задрав хвост. Пули легли ровно прочерченной дорожкой прямо у ног Максима. Максим юркнул под камень, забился в щель под ним и лежал обмирая от ужаса, пока вертолеты дважды прошлись над грядой и улетели. Максим слышал их удаляющийся стрекот, потом, преодолев страх, выглянул из своего убежища, увидел, куда уходили машины, и решил идти вслед за ними. Ему предстояло пройти через пожарище. Максим осторожно прошел между разорванными, истерзанными трупами людей, не решаясь взять из мертвых рук оружие.

Теперь он брел обессиленно по узкой кромке горной тропы, изуродованной вертолетными атаками... Когда наступила ночь. Максим еще не сошел с тропы, не нашел места для ночлега и с отчаянием обреченного продолжал двигаться по ней, уже ничего не чувствуя ни руками, ни ногами. Неожиданно камень, на который наступил Максим, просел под ногой вместе с куском тропы, и Максим заскользил вниз по пологой стене скалы, пытаясь ухватиться за что-нибудь руками. Бесполезно. Удар о камни, потом еще скольжение вниз, и снова удар.

Всего два месяца прошло с тех пор, как Максима проводили в армию. ...Максим пришел в себя от яркого луча света, бившего прямо в глаза, и шепота:

- Товарищ капитан, вроде бы наш...

Максим приоткрыл распухшие веки, отдернул голову от узкого жала-луча фонарика и, едва шевеля разбитыми губами, прошелестел:

- Наш, наш...

Глава 19. Вадим

...Кто-то шел по пустыне, оставляя на песке отчетливые легкие отпечатки небольших ступней. Шел он не торопясь. Расстояния между отпечатками были равновеликими, и своей размеренностью успокаивали. Легкий песок, скорее даже пыль, не соскальзывал в углубления, а оставался недвижимым, как будто запечатленным навеки в материале скульптора. Следы тянулись с запада на восток, ближе к югу, от Кушки до Кандагара. Их было видно не только на поверхности кажущейся мертвой пустоши, но и на скалах древнего Гиндукуша, на плодородной почве апельсиновых рощ Джелалабада и даже на зыбких водах рек, кяризов{22}, арыков и горных озер. Эти отпечатки некрупных ног вселяли уверенность, что через все можно м нужно пройти, что нужна рассудочная размеренность во всем, что не нужно принимать мгновенных решений, которые по-разному могут повлиять на дальнейшую жизнь человека.

Там, где пролегали эти следы, зоркий снайпер отцедил в сторону от уже обреченной жертвы алой глаз винтовки; мина, готовая рвануть под тяжело груженным грузовиком, отказывалась выполнить свою смертоносную работу; кобра, вытянутая стремительным копьем в разящем прыжке, внезапно свертывалась безобидным кольцом и шлепалась в пыль, ошеломленно вращая хищной головой в обмякшем капюшоне. Так было везде, где ступили эти ноги - все теряло свою способность убивать и уничтожать. Но не многим было дано видеть эти следы и узнать, кому же они принадлежат.

...Вадим их видел...

Он два года стремился к тому, чтобы постичь тайну увиденных следов. Увидеть того, кому они принадлежат. И вот теперь, перед концом своей короткой жизни, он увидел ЕГО, к кому так давно стремился. Он не мог разглядеть лица, подернутого золотым сиянием, но все равно угадывал какие-то черты, подсказанные глубоким подсознанием. Вадим видел ЕГО руки, тонкие, но сильные. Левая прижата ладонью к груди, а правая вытянута вверх двоеперстием. Невысокая фигура скрывалась серо-голубыми с золотистым отливом широкими складками длинного плаща. Косые ступни выглядывали из-под одежды, те ступни, по следам которых шли многие люди долгими

веками.

Вадим хотел подняться, приблизиться к уже близкой фигуре, но оторванные, раздробленные кости бедер лезвиями осколков больно резанули по истерзанной плоти, но не выбили сознания, а лишь огорчили невозможностью приблизиться к обожаемой фигуре. Вадим решил ползти на руках, но они не слушались, не повиновались, когда-то сильным мышцам. Вадим обеспокоенно повел глазами вправо, влево, и отчаяние охватило его. Левая рука, крепко обхватившая стиснутыми пальцами цевье автомата, бесполезно лежала в пыли, оторванная неожиданным взрывом мины, которая лежала здесь давно и ждала своей жертвы. Этот час пришел чуть раньше, чем пролегли следы, убивающие саму смерть. Правая рука сжимала ручку автомата, надавив указательным пальцем на спусковой крючок всей силой оторванных мыши. И опять что-то не давало полностью погрузиться в отупляющее отчаяние. Пылающая боль в мозгу внезапно отступила. Вадим стиснул зубы, попытался перевернуться на живот, чтобы ползти змеей к спасению, которое, он знал это, ждет его в обладателе сияющей фигуры. Движение обрубленного тела только дало ток крови, и свежие потоки ее обнажили изорванную осколками грудь с переломанными ребрами и, то пульсирующими, то вздымающимися со свистом вверх, то опадающими с хрипом вниз внутренностями. Вот теперь-то обреченность защемила сердце, закололо яростью несбывшейся надежды. Вадим дернулся по направлению к фигуре, уже почти полностью залитой заревом заходящего солнца - и свершилось чудо...

Страшно укороченное тело Вадима поднялось плавно в воздух, заскользило к открытым теплым ладоням, протянутым к нему - медленно скользящему по воздуху телу мученика. Ладони мягко коснулись обнаженных жутких ран Вадима, и боль пропала. Ушла боль, покинула умирающее тело. Вадим благодарно взглянул в лицо своего утешителя, но увидел только его огромные, с бездонной лаской глаза и услышал тихий голос:

- Иди с миром...

Такие слова - и вдруг здесь, на войне, в Афганистане!!!... Теперь Вадим летел над полыхающей в войне землей Афганистана. Шел над ней с миром. Он не чувствовал привязанности только к своим солдатам и офицерам, с которыми воевал против тех, на чью землю швырнули их дьявольские умы и силы. Он желал добра и тем и другим, его интересовала жизнь каждого человека, просто человека. Вадим носился между двумя группами людей, отделенных друг от друга условностями войны. Он отводил дула автоматов, сбивал наводку минометов и

гранатометов. Жалел только о том, что не в силах заставить совсем замолчать оружие. Когда ему удавалось предотвратить гибель людей - обе стороны уходили от боя - он облегченно взмывал высоко в небо, чтобы увидеть, где он еще нужен, каждый раз надеясь на встречу с НИМ.

...По пустыне брел караван, скрываемый от чужих глаз густой темью. Брел в надежде дойти до восхода солнца к ущелью и спрятаться в пещерах. Вадим видел, что к каравану издалека подбирается двойка вертолетов, наведенная кем-то на цель. Вадим рванулся к машинам. Бесплотным духом скользнул в них и новым даром исказил показания приборов, отвел смерть от людей каравана.

Вадима не удивляли его новые способности: видеть далеко, чувствовать приближение малейшей опасности для человека на огромном расстоянии, справляться с какими-то действиями без помощи рук, наконец, возможность летать. Не удивляло и то, что он был невидим для всех живущих на земле, хотя он сам себя ощущал живой плотью, пусть укороченно-изуродованной, но живущей. Питания не требовалось, его постоянно поддерживала святая сила ТОГО, КОГО он видел. Для тела не требовалось отдыха, оно отдыхало, когда "шло с миром", стремясь на помощь людям.

Однажды Вадим попал на территорию своей части. Он пролетел по спящим палаткам, узнавая знакомые лица и всматриваясь в новые. Не нашел среди спящих нескольких своих друзей. Догадался - нет их среди живущих. Пусты их койки. Они стояли аккуратно заправленные, узкие, как гробы. На подушках лежали голубые береты. Чувство горечи жгучим водопадом обдало душу и обожгло кровоточащие раны. Не успел! Не успел! Вадим скользнул дальше, к штабной палатке полка, откуда сквозь щели пробивались тоненькие полоски света "летучей мыши". Вадим остановился над грубым дощатым столом, над которым склонились усталые головы командира полка и ротных лейтенантов. Полковник занес было руку о карандашом над картой, чтобы нанести на нее точную стрелку завтрашней атаки. Рука его слегка дрогнула, и синяя стрелка ткнулась проникающим острием в пустыню, в точку, в радиусе двадцати километров от которой не было ни одной живой души. Вадим удовлетворенный, унесся прочь - в темной южной ночи горной страны.

Поднявшись высоко в издырявленное взрывами и звездами небо. Вадим увидал вдали нарастающий яркий радужный свет, манящий сполохами, призывающий к себе. Вадим уже стремительно летел на этот чает, знал, что там что-то важное,

настолько важное, что ни родиться без него, ни жить, ни умереть без этого не смог бы ни один человек. Чем ближе приближался Вадим к источнику света, тем меньше и меньше становился свет, лучи вспыхивали не так ярко. Но сомнений не было: впереди - источник света. Теперь уже почти не было видно ничего, но зато всего его согревало тепло. Не то тепло, которое ему дал ОН. А другое, какое-то родное пахнущее молоком.

Понял Вадим, где он и куда он попал, когда струей легкого сквозняка проник в свою доармейскую комнату. На стенах ее также висели плакатики, наклеенные его рукой. Младший брат спал на своей кровати, но лица его Вадим не увидел, потому что Сережка спал уткнувшись лицом в подушку. Заметил только старший брат, что Сережка вымахал, вытянулся. Вон, ноги из-под одеяла насколько высунулись. Греет душу, греет тепло. Дальше скользнул Вадим, по коридорчику и в родительскую комнату. Вот она МАМА. Спит,как всегда встревоженно. Лицо в морщинках. Скорбь на лице. Тусклый ночничок его освещает. В изголовье, на столике стопка писем Вадима, тех, что с Афгана он отправлял. Едва Вадим прикоснулся к маминому лицу, хотел разгладить, убрать морщинки, как мама уже встрепенулась: "Вадик?!!" И тревога, и радость в ее голосе. Отец тоже подскочил: "Где?.. Сынок!!" Потом приобнял маму: "Успокойся... Ложись". Мама покорно улеглась на измученную страданиями подушку и прикрыла иссиня-прозрачные тонкие веки. Отец поднялся и вышел на кухню. Вадим следом. Ах, папа, папа, да что же ты так постарел? Что ж ты сгорбил свою широченную спину, на которой возил нас с братишкой? Что с твоими волосами? Ты ж седой весь! Отец закуривает в темноте беломорину, пускает дым в открытую форточку.

Вот теперь-то Вадима резануло лезвие отчаяния. Ну почему я не могу двига... ЖИ-И-И-ИИТЬ?!! Что я сделал такого, чтобы умирать?!! Усомнился Вадим в вере своей в того, кто дал ему возможность увидеть родителей и братишку, попасть в дом родной.

Подхватило Вадима, крутануло на месте, пронесло еще разок по двум комнаткам. Мазком, урывками увидел Вадим удивленное лицо отца, губы матери, приподнявшийся в постели, услышал, как шепнули родные губы уверенно: "Это Вадим!", проснувшийся брат шевельнулся под одеялом. Но Вадима уже швырнуло вихрем вон из дома. Но успел взгляд зацепиться за серую бумажонку, воткнутую за зеркало в прихожей. Врезались в мозг слова: "...ваш сын... полнении... долга... Спасибо... Верим... ечн... пам... Орденом Кра... зды..."

* **

Летит Вадим, подгоняемый сильным ветром над знакомой до каждого камня кандагарской - Аппиевой дорогой. Уставлена дорога по обеим сторонам высокими крестами, связанными из пушечных стволов. Там, где дорога сворачивает к складам ГСМ, видно что-то яркое, ярко-красное, кумачовое. На крестах люди распяты. Стал Вадим в лица их вглядываться.

...Мишка Шандра - склонил раздробленную голову на грудь, истерзанную крупнокалиберными пулями.

...Капитан Вощанюк - военврач - лохмотьями, гноем истекающими, свисает покорно со ствола крестового...

...Димка, сам себя убивший, -сник от бесчестья, над ним сотворенного, а йод крестом фотография Лиды, в пыль брошена...

...А вот двое сразу на кресте... Игорь, колесами поезда разрезанный, -прихвачен к кресту над Витькой - другом своим и вместо головы, потерянной в налете на их колонну, мертвыми руками на плечи глобус опускает...

...Белов - прапорщик неугомонный - прошит из автомата...

...Олег Долгов тоже здесь. Вон под крестом бутылка из-под "чашмы" валяется...

...Сережка, на мине подорванный на посту в пустыне. Эк его...

...А вот и второй Вощанюк, как и брат, - капитан. Успокоился впервые после смерти брата...

- А вот и мое место! - подумал Вадим, увидев перед собой пустой крест.

Рванулся он в сторону и всхлипнул от боли. Открыл глаза...

Где наткнулся на мину, там и лежит. Впереди нет сияния. Есть темнота смертная. Всхлипнул Вадим и канул камнем в ту темь...

г. Ставрополь
1990-1993 гг.